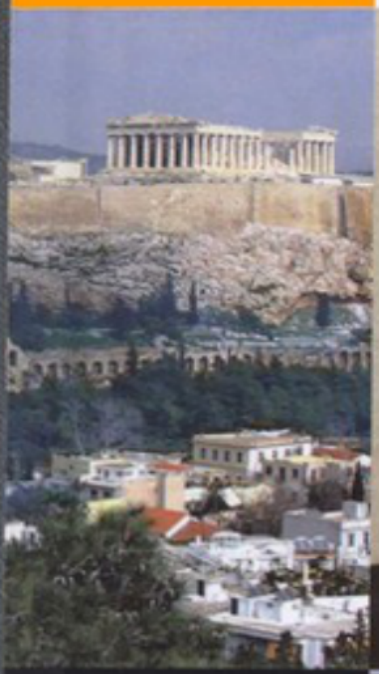
ОНАССИС



Сергей Марков

ЖЗЛ — МАЛАЯ СЕРИЯ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В своей новой книге писатель Сергей Марков рассказывает о человеке, имя которого в XX веке ассоциировалось с баснословным, несметным богатством и отсутствием каких-либо принципов, кроме одного — «Деньги не пахнут». Магнат, авантюрист международного масштаба, мистификатор, подделыватель документов, величайший повеса (притом что сам внешностью не блистал, он имел оглушительный успех у прекрасного пола), друг Уинстона Черчилля и Греты Гарбо… У него были романы с потрясающими женщинами. Он даже окольцевал вдову президента США Джона Кеннеди — Жаклин. Но самой большой, настоящей его любовью являлась оперная дива — Божественная Мария Каллас. Имя этого человека — Аристотель Сократес Онассис (1906–1975).

знак информационной продукции 16+

- С. А. Марков
  - ○
  - ○ ГЛАВА ПЕРВАЯ, в которой объясняется, кто такой Аристотель Онассис, и рассказывается о тайном задании КГБ СССР
  - ○ ГЛАВА ВТОРАЯ, в которой рассказывается о родителях, безоблачном детстве и романтическом отрочестве героя, закончившемся неожиданно
  - ○ ГЛАВА ТРЕТЬЯ, в которой рассказывается об эмиграции и бурной юности в ритме танго под знойным небом Аргентины
  - ○ ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ, в которой рассказывается о Великой депрессии и эффективных антидепрессантах
  - ○ ГЛАВА ПЯТАЯ, в которой подтверждается истина: кому война, а кому мать родна
  - ○ ГЛАВА ШЕСТАЯ, в которой рассказывается о браке по расчёту и уроках тестя-миллиардера
  - ○ ГЛАВА СЕДЬМАЯ, в которой рассказывается о монакской идиллии
  - ○ ГЛАВА ВОСЬМАЯ, в которой рассказывается об историческом круизе и семейных перипетиях
  - ○ ГЛАВА ДЕВЯТАЯ, в которой рассказывается о том, как утешается неутешная вдова
  - ○ ГЛАВА ДЕСЯТАЯ, в которой рассказывается о том, как спонсируются путчи

- ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ, в которой слышно, как стучится Судьба
- ИЛЛЮСТРАЦИИ
- ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АРИСТОТЕЛЯ ОНАССИСА

- КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9

С. А. Марков
Онассис. Проклятие богини

Не можете служить Богу и мамоне.

От Матфея, 6:24

Продавайте имения ваши и давайте милостыню. Приготовляйте себе влагалища не ветшающие, сокровище неоскудевающее на небесах.

От Луки, 12:33

Если бы не было женщин, все деньги мира ничего бы не значили.

Аристотель Онассис

Аристотель Сократос Онассис

ГЛАВА ПЕРВАЯ, в которой объясняется, кто такой Аристотель Онассис, и рассказывается о тайном задании КГБ СССР

1

Многие наши олигархи учились у него: всепоглощающей любви к деньгам, цинизму, беспринципности, чутью, реакции, стойкости, умению не сдаваться ни при каких обстоятельствах, безжалостности и т. д. (То есть эту книгу можно воспринимать и в качестве учебника-инструкции «Как стать миллиардером».)

Некоторые «унаследовали» как его недвижимость — например, Роман Абрамович заканчивает ремонт в замке на юго-востоке Франции Шато де ла Круа, принадлежавшем некогда Аристотелю Онассису, — так и движимость. Тот же Абрамович обзавёлся крупнейшей в мире яхтой; ему удалось даже то, чего не сумел Онассис — стать владельцем английского королевского футбольного клуба. Другие наши мультимиллиардеры не отстают: меряются крутизной, спорят, судятся, пытаются что-то оттяпать один у другого, выкупить акции, как когда-то Онассис и Ниархос…

Одного им всем не хватает — Марии Каллас.

Мало о ком из недавних наших современников слагалось столько легенд и мифов. Легендами обрастало, кажется, всё и сразу. Начиная от сближения и «наложения» их судеб, Марии и Аристотеля, и до его последнего появления в её парижской квартире в пьяном виде с предложением руки и сердца и с проклятиями скаредной Джеки («к которой он никогда ничего не испытывал, любил лишь её, Марию, для которой был рождён»).

Эллины сами по себе мифологизированы, исторически так сложилось — ещё со времён титанов и богов. Но здесь речь пойдёт о тех, кого помнят и боготворят многие наши современники. И по сей день Марию Каллас именуют «La Divina», «Божественной», и завидуют Аристотелю Онассису, умудрявшемуся как бы играючи, между анекдотами и коктейлями, в шортах и футболке управлять с борта своей яхты «Кристина» крупнейшей на тот момент частной танкерной империей, держа в уме тысячи, десятки тысяч цифр, например, точные параметры всех своих *VLCC* (*Very Large Crude Oil Carrier)* и *ULCC* (*Ultra Large Crude Oil Carrier)* — очень больших и сверхбольших судов для перевозки сырой нефти, знать имена

капитанов и старпомов, их жён и даже подруг, водить дружбу и с простыми матросами, и с королями, и с шейхами, любя жизнь во всех её проявлениях, добиваться всего, что только пожелает, включая первых леди величайших империй, красавиц мира, из которых ни одна, как нам думается, не могла перед ним устоять…

Обывателей испокон веков интересовали истории происхождения крупнейших состояний. Каких только слухов не ходило о неистовом Аристотеле! Что он может сутками напролёт не смыкать глаз; что он — гиперсексуал, что он — хозяин лучшего и крупнейшего в мире плавучего борделя; что он на своей подводной лодке или на гидроплане может, когда вздумается, отправиться в любую точку земного шара и оказаться там, где его меньше всего ждали. Говорили, что нефть была его официальным или полуофициальным бизнесом (и прикрытием), а основное своё состояние он сколотил пиратством, особенно преуспев во время Второй мировой войны, когда только делал вид, что всецело увлечён голливудскими звёздами и звёздочками, а на самом деле извлекал со дна потопленные корабли; что якобы состоял в сговоре с самим немецким генерал-фельдмаршалом Эрвином Ойгеном Йоханнесом Роммелем, получившим в Африке прозвище «Лис пустыни» и о котором Уинстон Черчилль, выступая в палате общин, сказал: «Мы имеем перед собой весьма опытного и храброго противника и, должен признаться, несмотря на эту опустошительную войну, — великого полководца». Так вот, существенная часть золота Роммеля, вывезенного из Северной Африки, бесследно исчезла, а сам Роммель, якобы принимавший участие в покушении на Гитлера (в это время фельдмаршал находился за границей), покончил жизнь самоубийством. Но существует версия, что самоубийство было инсценировано и Роммель прожил в Боливии и Аргентине долгую и более чем обеспеченную жизнь под чужой фамилией; что за какие-то тайные услуги, о которых можно лишь догадываться, он щедро поделился золотом с Аристотелем Онассисом, и в том числе по этой причине Аристотель почти не пострадал и ничего не потерял во время Второй мировой войны, тогда как почти весь греческий флот был уничтожен. Утверждали также, что миллиардеры, Онассис и Ниархос, специально устроили чехарду с женитьбами на дочерях богатейшего после войны судовладельца Греции Ставроса Ливаноса — Афине и Евгении, и постепенно их наследство перекочевало в активы и пассивы Онассиса и Ниархоса. В загадочных смертях их жён, которыми они «обменивались», обвиняли обоих олигархов, но так и не смогли или не захотели этого доказать. Говорили также, что единственной «отдушиной» для Аристотеля Онассиса была Божественная Мария, которую он

по-настоящему любил, но от которой постоянно уходил, убегал, уплывал, улетал (в том числе к вдове президента Кеннеди Джеки, с которой обвенчался), а когда наконец вернулся (подобно Одиссею), то было уже слишком поздно. А еще ходили слухи, что Аристотель принимал участие в заговорах, что «дал деньги на то, чтобы устранили этого Бобби Кеннеди». Необъяснима роль рока в судьбах кланов Онассиса и Кеннеди…

В общем, было бы верхом нелепости и самообмана пытаться пошагово восстановить страницы его смутной (мягко говоря) биографии. Сплошного бурного потока! Постараюсь, по крайней мере, как можно точнее и корректнее восстановить в памяти события 35-летней давности, историю моего так и несостоявшегося романа с миллиардершей.

Три десятка лет тому назад никаких миллиардеров, олигархов у нас в СССР и в помине не было. Разве что так называемые «теневики» или «цеховики», которых по сравнению с нынешними можно назвать детьми ясельного возраста.

— Божественная Мария, — пояснил художник Глазунов, правой рукой переворачивая кассету в магнитоле, левой по-мальчишески задорно выруливая «мерседес» на встречную полосу, чтобы обогнуть пробку.

И уточнил, чей голос на кассете:

— Мария Каллас, греческая богиня. Завораживает, возносит, уносит от всего этого!..

Из благоухающего дорогой кожей, деревом, французским парфюмом и американскими сигаретами салона он как бы брезгливо очертил обшарпанные мокрые фасады домов конца 1970-х годов, чёрно-серую толпу пешеходов под мокрым снегом на Садовом кольце и добавил, кивнув на магнитолу:

— Постоянное общение с прекрасным!

А у меня ком встал в горле. Слушая «Аве Мария» в исполнении неведомой мне Марии, я отвернулся, чтобы Илья Сергеевич не заметил слёз. Пресвятая Мария и эта, поющая, совмещались в моём сознании, прояснялись сквозь слёзы немого восторга, как в фокусе фотографического аппарата, и плыл, казалось, где-то высоко над нами божественный, как сам голос, лик.

— А у меня ведь Онассис хотел все картины купить, — сказал Глазунов. — Всю выставку — и открыть в Париже или в Афинах мою галерею.

— Он вас знает?! — бестактно удивился я.

— Конечно! Да и княгиня Ирэночка Голицына, наша общая добрая знакомая, в поклонение которой у него на яхте «Кристина»

русские иконы расположены на самом видном месте, Аристотелю объяснила…

— И что же помешало?

— Во-первых, как ты знаешь, я не продаюсь.

— «Не продаётся вдохновенье, но можно рукопись продать», — напомнил я Пушкина.

— А во-вторых, КГБ, естественно, — продолжил Глазунов, — у них там свои планы на миллиардера.

— Делиться не захотели? — предположил я.

— Что-то вроде того…

2

Впрочем, всё по порядку.

Жизнь любого мультимиллионера, тем более миллиардера немыслима без спецслужб, без сотрудничества, соприкосновения, переплетения, в каком-то смысле и совокупления с тайной полицией. И это вполне естественно и логично (иначе, как пел Булат Окуджава, «за жизнь его не дам и самой ломаной гитары»). Изучая биографии богатейших людей мира — Марка Лициния Красса, Корнелиуса, Ротшильдов, Дюпонов, Рокфеллеров, Форда, Карнеги, Вандербильта, — в этом убеждаешься снова и снова.

Наш герой Аристотель Сократес Онассис — таково его полное имя — не исключение. (Представляется, что в этом вопросе не существует даже того исключения, которое подтверждает правило, ибо это — аксиома ещё со времён древних Греции, Индии, Китая, Египта, Рима, Византии.) Онассис — по версиям, коим несть числа, — так или иначе сотрудничал с турецкой, греческой, аргентинской, американской, шведской, английской, немецкой, израильской и японской спецслужбами. Неоднократно пытался наладить с ним отношения и КГБ СССР.

Не берёмся судить о том, каким образом проистекали эти процессы в других странах. Но у нас, судя по всему, на нашей почве выкристаллизовался, возрос, расцвёл форменный роман. И ныне, по прошествии десятилетий, не может не удивлять тот факт, что роман не отображён в прозе, кинематографе и телесериалах, хотя тогда уже, в конце 1970-х, был воспет нашим национальным бардом Владимиром Высоцким:

Успехи наши трудно вчетвером нести,
Но каждый коренаст и голенаст,
Ведь воспитали мы, без ложной скромности,
Наследника Онассиса у нас.

Следите за больными и умершими —
Уйдёт вдова Онассиса, Жаки.
Я буду мил и смел с миллиардершами —
Вы дайте только волю, мужики!

Судьба распорядилась так, что автору этой книги довелось стать свидетелем того взбудоражившего и шокировавшего мировую общественность романа, даже принять некоторое участие в его завязке. И, думается, обращаясь к исследованию жизни и удивительных приключений Аристотеля Сократеса Онассиса, глупо было бы об этом умалчивать. (Тем более что срок давности истёк.)

— …Каждый сам кузнец своего счастья, — многозначительно изрёк сотрудник КГБ Андрей Х. (как он представился при нашем знакомстве) и долго молчал, пристально, не моргая глядя в окно вдаль…

Мне показалось, будто он прокручивал в голове комбинации, одна дерзновеннее другой.

— Выбирай, — нарушил он тягостное молчание, когда я не без облегчения уже было решил, что общение с Конторой удачно окончено. — Либо курьером или в лучшем случае корректором в газетёнке какого-нибудь Мухосранска без права не то что за границу, а вообще без всяких прав, разве что нажраться с получки бормотухи… — Андрей Х. опять замолчал, будто и в самом деле решал дилемму моей жизни.

— Либо? — робко поинтересовался я.

— Либо, при нашей, естественно, помощи, — с нажимом уточнил он, чтобы не оставалось иллюзий, — вернисажи, вояжи… стать блестящим журналистом-международником, ведущим репортажи с саммитов и раутов, чокающимся бокалом с шампанским *Veuve Clicquot Brut* или стаканом с *Ballantine's Very Old Scotch Whisky*, — щёлкал он названиями заграничных напитков, как в кино белые офицеры каблуками сверкающих сапог, — с королями, принцессами, президентами, шейхами, кинозвёздами… Выбор за тобой. Ты на каком курсе?

Андрей Х. всё про меня знал лучше меня — так в милиции спрашивали, держа в руке твой паспорт: «Как фамилия?»

Я учился на третьем курсе международного отделения факультета журналистики МГУ. Удачно, но порой и с переменным успехом сдавал зачёты и экзамены. Пил пиво в «Яме» на Пушкинской и в иных местах, периодически разбавляя его

портвейном «777», «Столичной» или «Московской». Играл с Фимой Шифриным, будущим известным юмористом, в Студенческом театре МГУ под руководством Романа Виктюка, будущего знаменитого режиссёра. Встречался с девушками, в том числе иностранками (казалось, что они не только благоухают французским парфюмом и говорят не по-нашему, но и устроены иначе)…

И вот однажды, зимней слякотной ночью, когда под убаюкивающий стук капели по оконному отливу я засыпал в «скрещенье рук, скрещенье ног», как сказал поэт, с француженкой Сильви, студенткой Института русского языка им. А. С. Пушкина, раздался телефонный звонок. Без прелюдий и экивоков по-армейски заботливый, чуть ли не отеческий голос спросил, не у меня ли «в кровати эта ё…я парижанка», и посоветовал не отпираться, потому что «всё равно они всё про всех знают, и х…во будет». Спросонья я всё-таки стал отпираться и отнекиваться, уверяя, что знать не знаю никаких парижанок, в ответ на что услышал обещание показать мне небо в алмазах.

Потом меня стали бомбардировать повестками в военкомат, почему-то не моего, а соседнего района, куда я не являлся, честно отдав в положенное время долг родине. Но однажды позвонил военком самолично и каким-то образом, вежливо, но настойчиво убедил в том, что зайти надо. В назначенный час я приехал. В кабинете военкома сидел молодой, чуть постарше меня человек в костюме-тройке, представившийся сотрудником Комитета государственной безопасности СССР Андреем Х.

— Мы ведь с вами достаточно воспитанны, чтобы не говорить о погоде, не правда ли? — В обаятельной его улыбке проскользнуло нечто нарочито-волчье.

Мы вышли с ним на улицу. Встав в очередь к бочке на колёсах с надписью «ПИВО», приняв заветную кружку и сдув шапку белоснежной пены, я, мучившийся с похмелья, невольно заискивающе заметил:

— Жить хорошо!

— А хорошо жить ещё лучше! — парировал чекист известной фразой из «Кавказской пленницы» и пошутил по поводу красивого обычая умыкания невест из той же кинокомедии: — «Когда будэшь дэлать шашлик из этого нэвэста…»

После этого мы стали встречаться. Притом встречи наши, как представлялось моей тогдашней девушке, да и мне самому, походили на любовные. Он звонил и назначал свидания, всё больше в местах романтических: то у третьей колонны Большого театра, то у памятника Пушкину, то на Каменном мосту, то на площадке обозрения на Ленинских (Воробьёвых) горах, то в

сквере за памятником героям Плевны (где, кстати, позже стали собираться лица нетрадиционной сексуальной ориентации). Порой казалось, когда я шёл на встречу, что он преподнесёт мне гвоздики (и я даже боязливо подумывал, что только бы нечётное количество).

Мы катались на речном трамвайчике, «чёртовом колесе» в парке Горького и совершали пешие прогулки по Москве. Андрей Х. побывал в нашем студенческом театре. Расспрашивал, рассказывал что-то туманное и малозапоминающееся. Просил меня читать монологи из «Ночи после выпуска» и «До свидания, мальчики!» (наших спектаклей), смеялся, поощрял комплиментами, говоря, что от меня, как от Высоцкого на Таганке, неизвестно, чего ждать в следующую минуту, — Володя, дескать, шатался пьяный по Москве, болтался по стране от Магадана до Кушки, глушил спиртягу со старателями и бичами, орал им песни про Зинку и охоту на волков, в психушках лечился, а потом женился на шикарной француженке и весь мир объездил, только из Штатов явился, а сегодня уже через Париж улетел на Таити. При этом Андрей Х. декламировал Маяковского:

Мне и рубля не накопили строчки,
краснодеревщики не слали мебель на дом,
и кроме свежевымытой сорочки,
скажу по совести, мне ничего не надо…

— Поэтически сильно, — рассуждал Андрей. — Но ведь кривил душой великий пролетарский поэт. Очень даже было надо: и поездки по всему миру, и костюмы фирменные, и машины… Как и Серёже Есенину: тоже поездки заграничные, цилиндр, всемирно известная богатая жена… Слаб человек.

— Это точно, — соглашался я с чекистом. — Если бы роскошь была дурна, говорил Аристипп, её не было бы на пирах богов.

Мы даже ходили в кино, в кинотеатр «Октябрь».

— Знаешь, — говорил Андрей, когда после картины «Великолепный» с Жаном Полем Бельмондо мы шли к станции метро «Библиотека имени Ленина» по Калининскому проспекту, — я вот о чём подумал. Легко Бельмондо с этой Жаклин Биссет с таким бюстом… Алену Делону… Марчелло Мастроянни, легко им играть любовь с Софи Лорен, Джиной Лоллобриджидой, Клаудией Кардинале, Катрин Денёв, Моникой Витти… А попробуй сыграть с такой, с какой ты в спектакле «До свидания, мальчики!» играл! Я понимаю, почему в вашем университетском театре неказистые, мягко говоря, партнёрши, нам-то хорошо известны предпочтения вашего режиссёра… Но ты,

старик, — уже по-свойски льстил он, — даже с такими девицами органичен, достоверен, в твою любовь действительно веришь! Ты талантлив, старик, ты прирождённый герой-любовник.

Не зная, куда деться от комплиментов, я не мог отогнать от себя предательскую по отношению к своему репрессированному в 1930-х годах деду мыслишку о том, что и в органах нашей госбезопасности, что бы там ни писал Солженицын, трудятся люди, не лишённые способности ценить искусство.

Потом я встретился с комитетчиком старше Андрея по возрасту и званию, и тот меня тоже расспрашивал, приглядываясь и прицениваясь, тоже говорил о женитьбе Высоцкого на Марине Влади, рассказывал, как блестяще устроились корреспондентами в Лондоне, Нью-Йорке, Стокгольме, Токио мои коллеги-журфаковцы, своевременно внявшие «непреложным аргументам», окончившие Высшую школу КГБ, хотя особыми способностями, не говоря уж об артистическом таланте, не обладают, а тут, «при идеальном раскладе», может быть, и школы не потребуется…

Потом была встреча с женщиной, назовём её Валентина Мопс, с повадками валютной путаны, и Валентина так же приглядывалась, расспрашивала об особенностях поведения в постели шведок и француженок, акцентируя внимание на «ласках Жоффрея»[1], но стоя на прочной патриотической платформе:

— Думаешь, наши хуже, что ли? Тебе просто попадались такие… Вот мужики ихние — другое дело! Там обходительность, утончённость, амбре, слова нежные, а не просто… Учить вас всему надо!

После чего повезла к себе в Строгино для неформальной беседы…

Но я не мог взять в толк, к чему всё клонится. Пока однажды вечером в баре западного блока гостиницы «Россия» (ныне снесённой) Андрей Х. не сделал мне предложение, от которого, как он выразился, я не смогу отказаться, и заключил:

— Выбирай: либо — либо…

От меня, без пяти минут международника, уже часто публикующегося, участвующего в самодеятельности, имеющего опыт общения с иностранцами и особенно иностранками, требовалось без официальной аккредитации и какого бы то ни было редакционного задания, как бы по собственной инициативе проинтервьюировать и сфотографировать как следует Кристину, дочь греческого судовладельца-миллиардера Аристотеля Онассиса, а для этого, естественно, выйти с ней на контакт. Разволновавшись, я заказал коньяку, затем ещё, благо платил Андрей Х., и понёс околесицу. И он, убоявшись, видимо, что утратится не только нить разговора, но и отношений со мной, что

грозило выговором, а то и задержкой в продвижении по службе, открыл, как он выразился, фишки, напоследок заметив с нескрываемым пиететом:

— Честно говоря, папаша Аристотель Сократос Онассис — один из ярчайших, если не ярчайший *self-made man*[2] нашей эпохи.

— Так он же капиталист, — не преминул подколоть я. — Эксплуататор трудового народа. А как же марксизм-ленинизм?

— Как говорил Карл Маркс, деньги — это сводник между потребностью и предметом, — туманно пояснил чекист. — А Бальзак считал, что деньги нужны даже для того, чтобы без них обходиться. Так как насчёт интервью?..

«Однако… — думал я, бредя от „России“ по улице Разина, обдаваемый брызгами из-под колёс грязных грузовиков, „жигулей“ и „волг“. — Вот это я понимаю — проинтервьюировать и…»

Подходя к станции метро «Площадь Ногина», я уже мысленно обращался к своей однокурснице, с которой тогда встречался, песней «Good buy, my love, good buy» Демиса Руссоса, а себя воображал в белом костюме-тройке, как у Бельмондо в фильме «Великолепный», где-нибудь в Акапулько.

«А что, — прислонясь к двери с надписью „Не прислоняться“, размышлял я в вагоне, переполненном усталыми, в чёрном и сером людьми, и воображал нечто аквамариновое, пронизанное солнечными лучами, — чем чёрт не шутит? Сергей Онассис… Звучит! Несколько двусмысленно, правда, с неким непристойным намёком, зато весело и беспримерно».

Надо сказать, что до свиданий с чекистами я и не подозревал о существовании Кристины. Об Онассисе, конечно, был наслышан. И вот теперь, получив особое, как мне мыслилось, задание (независимо от отношения к Железному Феликсу, лавры журналиста-международника, работающего на разведку, а лучше на две или три, прельщали в канун Олимпиады-80 многих студентов) и узнав, что дочь «вылитый отец, только в юбке, но чаще в джинсах», я стал по крупицам и мельчайшим фрагментам, складывать, словно мозаику, его, а следовательно, и её психологический (и не только) портрет.

Для начала требовалась, конечно, информация к размышлению (как Штирлицу из культовых тогда «Семнадцати мгновений весны»). Но обнаружилось, что информации о греческом миллиардере кот наплакал. Например, в «Советском энциклопедическом словаре» имели место статьи и о Рокфеллере, и о Ротшильде, и о Дюпоне… Но в столбце, где по алфавиту должен быть Онассис, помещался «онагр — вид катапульт

больших размеров, применявшихся в Др. Греции и Др. Риме при осаде и обороне крепостей».

Интернета тогда не существовало. Я часами просиживал в нашей факультетской библиотеке, в спецхране, листая зарубежные книги и периодику, а также в Ленинке и Библиотеке иностранной литературы; я расспрашивал мэтров, знаменитых международников, политобозревателей, не вылезавших из телевизора, которые читали у нас лекции, вели семинары, принимали зачёты; возобновил переписку с Ясоном Онассяном из Эчмиадзина, с которым служил в армии в горах Армении и который клялся и божился, что его дед, в начале 1920-х годов бежавший из Турции, является двоюродным братом греческого магната, на самом деле армянина (когда в день присяги мы узнали, что отчество нашего Ясона Онассяна — Гераклович, то немало подивились); я просил друзей — шведских, испанских, итальянских, французских студентов — присылать и привозить мне всё про Онассиса.

Йенс Рюдстрём привёз из Стокгольма журнал «Esquire» с *cover-story,* то есть почти полностью, начиная с обложки, посвящённый греческому миллиардеру. Даг Хартелиус, будущий известный дипломат, посол Швеции, снял свидетельские показания, как сам выразился, с людей, знавших Аристотеля в Гётеборге, столице североевропейского судостроения, где были построены первые танкеры магната и создана верфь «А. С. Онассис, Гётеборг лтд». Из Бостона прислали архивный журнал «Тайм» с пространным очерком об Онассисе и его семействе, из Лондона — брошюру о его участии в организации убийства президента Кеннеди, из Парижа — эссе под названием «Женщины Аристо» и иллюстрированный справочник о современных мультимиллионерах с подробными биографиями, описаниями их движимого и недвижимого имущества, кои неизменно погружали меня в задумчивость…

3

— Вода камень точит, — подметил на одном из наших последних свиданий Андрей Х.

К моменту начала операции (велено было ждать отмашки и не рыпаться) кое-какая информация к размышлению у меня таки скопилась. Сидя за «железным занавесом», я мысленно шагал, не зная границ, по международным следам великого греческого судовладельца и тогда же начал набрасывать его биографию, которая с течением времени обрастала подробностями, деталями,

нюансами, как корпус судна ракушками и всяческой морской живностью.

ГЛАВА ВТОРАЯ, в которой рассказывается о родителях, безоблачном детстве и романтическом отрочестве героя, закончившемся неожиданно

1

Онассис теперь не шёл у меня из головы. Я думал о нём и его дочери постоянно (как он сам о деньгах) — порой даже на свиданиях с однокурсницей. Доходило до того, что она, возмущённая моим невниманием и рассеянностью, в сердцах бросала: «Я — домой, а ты тут занимайся сам с собою и Онассисом!» Перечитывая «В порту Смирны», зачин книги рассказов Хемингуэя «В наше время», я думал об Онассисе. О предстоящем интервьюировании. О том, какая она — его единственная дочь и наследница Кристина, унаследовавшая, говорят, любвеобильность от отца. Наверное, похожа на Марию Каллас, фотографию которой я видел на обложке диска в мастерской Глазунова на Новом Арбате…

2

Аристотель Сократес Онассис родился в городе Смирне 15 января (по другим данным, 20-го) 1906 года.

Впоследствии он обретёт и другую дату рождения, чем запутает, как и многие замечательные люди, биографов, конкурентов, врагов. Некоторые (например, Ясон Онассян) станут утверждать, что в жилах Онассиса течёт и армянская кровь, другие — что на самом деле он ирландец и зовут его Ари О'Нассис. Как уже говорилось, существует масса предположений, версий, домыслов, слухов, сплетен, легенд, опутавших всю жизнь нашего героя — точно так же, как и особо выдающихся его древнегреческих предков.

Семья Онассиса происходила из старинного города Кайсери (Цезарии или Кесарии Каппадокийской), расположенного в Малой Азии у подножия вулкана Эрджияс, окружённого плодороднейшими землями — с изумительными виноградниками, цитрусовыми, банановыми и оливковыми садами. Вообще природа каппадокийская потрясает! Чего стоит одна лишь *Love Valley* или *Penis Valley* — Долина любви или

Долина пенисов в окрестностях Гёреме, где на обширной территории вздыбливаются огромные, до 40 метров и выше, туфовые конусы, имеющие очевидные формы фаллосов!

(Забегая вперёд скажем, что свою сексуальную мощь наш герой объяснял именно таинственной связью с этими древнейшими, будто Всевышним созданными, уникальными скальными образованиями на его *Fatherland,* родине отцов. И по его настоянию именно в Каппадокии режиссёр Пьер Паоло Пазолини будет снимать картину «Медея», в которой великая певица Мария Каллас, подарившая магнату «самые сладостные минуты жизни» и проклявшая его, сыграет главную и единственную свою роль в кино.)

До принятия христианства Каппадокия находилась на задворках империй, слабо поддаваясь как эллинизации, так и романизации, в ней процветали языческие культы. В первые века нашей эры Каппадокия стала одним из основных центров распространения христианства — прежде всего благодаря многочисленным монастырям, возводимым с Божией помощью на её территории.

Из Каппадокии вышли просветители готов, армян, грузин: Вульфила, Григорий Просветитель, Нино Каппадокийская, а также многие святые великие каппадокийцы: Григорий Нисский, Григорий Богослов, Василий Великий, которые в IV веке внесли значимую лепту в христианство, разработав, например, учение о Троице, введя праздник Рождества Христова. Архиепископа Кесарии Каппадокийской святителя Василия Великого, автора знаменитых «Нравственных писем» (к которым мы ещё обратимся в нашем исследовании), именовали «славой и красотой Церкви», «светилом и оком Вселенной».

Уроженцы Кайсери, независимо от национальности — а жили там и греки, до поры составлявшие большинство, и турки, и евреи, и армяне, и ассирийцы, и курды, и персы, и грузины, и черкесы, — отличались предприимчивостью, умением налаживать связи и зарабатывать деньги, не гнушаясь и неблаговидными способами (например, в одной из записных книжек И. Ильфа отмечено, что род турецкого подданного великого комбинатора Остапа-Сулеймана-Берта-Мария Бендер-бея идёт из Каппадокии, хотя он и не был «похож на человека, у которого могут быть родственники»).

3

Отец будущего судовладельца, Сократ Онассис, родился в

1878 году в каппадокийской деревушке Муталаски. В семье Сократ был одним из одиннадцати детей (ещё семеро умерли вскоре после рождения или в раннем возрасте).

В Муталаски Онассисы считались довольно состоятельными и рачительными землевладельцами, на их четырёх огромных угодьях работали десятки наёмных рабочих, по-нашему, батраков, сельхозпродукция широко и успешно продавалась. Однако в конце XIX века (как и на исходе каждого из веков) по земле гуляли «ветры перемен», молодёжь стремилась в неизведанное — к новым встречам, свершениям, искала удачи и богатства. Старшие братья Онассисы, оставив отеческие могилы, сады, пашни, пастбища, чернобровых крестьянок, перебрались в Смирну, где кипела, по их представлениям, настоящая жизнь.

С античным городом Смирна (ныне Измир), основанным греками ещё в XI веке до н. э., примерно в то время, когда греки захватили и соседнюю Трою или Илион, связаны судьбы выдающихся личностей. Здесь, по одной из наиболее убедительных версий, родился Гомер, поведавший миру о падении Трои в бессмертной «Илиаде». Здесь Александр Македонский, высадившийся в 334 году до н. э., готовился к своему беспримерному походу на Восток.

Смирнская церковь среди семи церквей Азии упоминается в Апокалипсисе. «То, что видишь, напиши в книгу и пошли церквям, находящимся в Асии: в Ефес, и в Смирну, и в Пергам, и в Фиатиру, и в Сардис, и в Филадельфию, и в Лаодикию», — завещал Иоанн Богослов, многие годы проживший в Смирне и назначивший её первым епископом своего ученика — будущего святого Вукола.

После смерти Вукола епископом стал другой ученик апостола Иоанна — Поликарп, которому предстояла страшная смерть в огне на кресте за Христа. Святой Поликарп считался покровителем Смирны, ему посвящена древнейшая из сохранившихся в городе трёх церквей. Смирна имеет одно происхождение с названием ароматической смолы мирры (миро, смирна) — здесь производилась камедистая смола, получаемая из африканских и аравийских деревьев семейства бурзеровых, и отсюда, по одной из версий, пошло выражение «мазаны одним миром».

Греки, евреи, армяне, а также итальянцы, французы, австрийцы, англичане (в основном с Мальты) соединяли мусульманскую феодальную Турцию с христианским капиталистическим Западом, обеспечивая и год от года развивая связи, торговлю с Италией, Великобританией, Германией, Австро-Венгрией, США.

На рубеже XIX–XX веков Смирна была схожа с нашей Одессой: шикарная набережная Марина, застроенная домами европейской архитектуры, гостиницы, банки, магазины, рестораны, кафе, театры, рынки, бордели… Формально в городе господствовали турки-завоеватели, но греков было по крайней мере вдвое больше (после резни-геноцида в начале 1920-х точное число проживавших в Смирне греков так и не было установлено) — около 170 тысяч. «Гяур Измир» («Неверная Смирна») называли этот город турки.

4

Сократ с братом Гомером в Смирне устроились недурно, поднявшись в основном на табачном бизнесе. Брат Александр реализовывал присылаемые ими табачные, кондитерские изделия и другие товары внутри Греции, поставляя, в свою очередь, в Смирну оливковое масло и изюм. В 1904 году, в возрасте 26 лет, сочтя себя достаточно обеспеченным, Сократ по настоянию отца отправился в родную деревню за невестой (в Смирне тогда уже непросто было отыскать достойную девственницу, а для женитьбы это являлось непреложным условием). В Муталаски на выданье были юные Алкмена, Деметра, Ариадна, Дафна и Эола (мальчиков и девочек на оккупированной турками, до поры не отуреченной территории греки называли исключительно исконными древнегреческими именами), но Сократ предложил руку и сердце восемнадцатилетней Пенелопе Дологлу (по понятиям Каппадокии — почти старая дева), сохранившей девственность. Свадьбу сыграли в Смирне. Три дня и три ночи гуляли сотни гостей, представлен был весь городской интернационал — греки, турки, евреи, армяне задарили молодых. Асмик, жившая неподалёку, в армянском квартале, пришедшая на свадьбу со своими маленькими детьми Ануш и Суренчиком, нагадала, что единственный сын Пенелопы и Сократа станет богачом и женится на королеве. Пристальнее вглядевшись в разводы кофейной гущи, опрокинутой на блюдце, Асмик погрустнела и более ничего не сказала, как Пенелопа её ни уговаривала.

Первой у четы Онассисов родилась девочка, названная Артемидой. Спустя два года на свет появился мальчик, которого хотели назвать Архимедом (Сократ увлекался арифметикой, точнее, прекрасно совершал в уме сложнейшие арифметические действия, подсчитывая расходы и доходы), но по просьбе рассудительного старшего брата Гомера ребёнка назвали

Аристотелем, в обиходе Аристо. Мальчику не исполнилось и шести лет, когда любимая его матушка Пенелопа скончалась во время операции на почках. Полтора года Сократ хранил траур, а затем привёл в дом вторую жену, Елену.

Сын, по мнению некоторых биографов, не принял мачеху и не простил отцу второго брака, поэтому растила Аристо в основном мать Сократа, Гефсимания, переехавшая к ним из Муталаски.

По другой версии, в очередной раз воплотился, но уже не в трагедии, а в реальной жизни миф о любвеобильной Федре, воспылавшей страстью к своему пасынку Ипполиту. Также, как героиня трагедий Еврипида, Сенеки и Жана Расина («судьба и гнев богов возбудили греховную страсть, которая ужасает прежде всего её самоё»), вторая жена Сократа Онассиса, поистине Елена Прекрасная, согласно воспоминаниям современников, воспылала страстью, а возможно, и соблазнила невинного Аристо. Но, убоявшись гнева мужа, а тот был горяч, мачеха стала нанимать отроку для удовлетворения вожделений прачек, торговок — и неоднократно с криком «Что за безобразие, Ари, чем ты тут занимаешься?!» (в котором слышались нотки ревности) «заставала» его с ними в подвале, о чём в деталях рассказывала Сократу.

Малолетнему сыну, конечно, доставалось от отца. Но не слишком. Отец сам слыл изрядным женолюбом. Главным постулатом, внушённым тогда Сократом Аристотелю (звучит!), стал вот какой: «Никогда не вступай в связь с теми, кто может испортить тебе репутацию». Сын не тотчас, но внял и в дальнейшем придерживался отеческого наставления: с пляжной торговки-турчанки и соседских девчонок Аристо вместе с одноклассниками переключился на разнообразный, разноцветный, непрестанно обновляющийся контингент многочисленных портовых борделей Смирны. (Всю жизнь, едва ли не до последнего вздоха, Онассис, несмотря на свои безграничные возможности, будет посещать публичные дома во всех уголках света.) Так или иначе, но отношения красавицы-мачехи с пасынком разладились, а может быть, и изначально не сложились. Некоторые утверждают даже, что он её возненавидел (нельзя сказать, что и отрок Ипполит обожал Федру). Постепенно портились и отношения отца с сыном.

Биографы Рэй Пьер, Эва Прионас и некоторые другие сходятся в том, что влечение к женщинам у Онассиса проявилось очень рано (сексуальность, сексапильность сыграют одну из важнейших, если не главную роль в его карьере и судьбе, посему и задерживаемся на этой теме). Он рос своенравным, строптивым, но чрезвычайно сообразительным мальчиком. Недостаток

усердия и усидчивости восполнялся феноменальной памятью на события, имена, даты, иностранные слова и выражения, коих за урок, с лёту мог запомнить до сотни, притом накрепко, навсегда. Его неоднократно исключали из школы — в частности, за то, что он щипал учительниц, а бывало, и хулиганил по-иному, демонстрируя им из-под парты срамные места.

Он вообще в детстве и отрочестве, а по слухам, и в зрелые годы был склонен к эксгибиционизму. Наука это явление пока толком не объяснила. В животном мире, например, это можно наблюдать у обезьян как жест вызова, агрессии, символизирующий силу. В нашем исследовании мы попробуем выдвинуть некие гипотезы по поводу связи эксгибиционизма с капитализмом и особенно империализмом как таковым, в широком смысле слова.

По воспоминаниям современников, Аристо забавлялся, в частности, таким образом. Бесшумно подплывал к пристани в тот момент, когда причаливал прогулочный катер, и когда пассажирки, солидные турецкие дамы, задрапированные чадрой, всходили по трапу на борт и занимали места, внезапно выскакивал на палубу: визг, крики… На этих «дамских» катерах даже турецкие мужчины не имели права появляться — что же говорить о «неверном» греческом подростке, к тому же совершенно голом! С хохотом, пробежав по палубе или сплясав, спев непристойный куплет, свистнув, улизнув от команды катера, готовой разорвать мальчишку в клочья, Аристо падал в море, вздымая фонтаны брызг и наслаждаясь угадываемыми под муслиновой тканью взглядами, которыми провожали его пассажирки. Упоения, конечно, добавлял и риск, возможно, и смертельный в Смирне той поры — если бы турки схватили его, то легко могли бы заколоть и вышвырнуть труп на корм рыбам.

Были и другие потехи. С детства Аристо любил греблю (ладони его всю жизнь были в мозолях, которыми он гордился). Мужая, он нередко проделывал на лодке многомильный путь от Смирны до городка Каратасси и обратно. При этом ради острых ощущений всегда старался проплыть как можно ближе к дворцу паши, имевшего большой гарем. Жаркие солнечные дни его обитательницы проводили на берегу, купаясь и загорая обнажёнными, умащивая друг дружку благовонными маслами, а то и предаваясь сапфической любви. Обнажался в своём ялике и наш герой, взбудораженный, донельзя возбуждённый, и принимался весело демонстративно мастурбировать, в то время как евнухи в панике метались, загоняя женщин за ограду, в помещение. Однажды один из евнухов выстрелил из дробовика, дробинка засела у Аристо в бедре, но дома её благополучно

извлекли пинцетом.

5

К концу Первой мировой войны Оттоманская империя, воевавшая в одном лагере с кайзеровской Германией и потерпевшая поражение от Антанты, оказалась на грани развала. Державы-победительницы грозились уничтожить Турецкое государство и ожесточённо спорили из-за наследства «умирающего», как называли Турецкую империю: главным образом из-за проливов, соединяющих Чёрное море со Средиземным, и нефтяных богатств Ближнего Востока, которые тогда, как и сейчас, почти 100 лет спустя, не давали наиболее развитым странам покоя.

Смирну, которая по Севрскому мирному договору 1920 года должна была отойти к Греции, выступавшей на стороне Антанты, заняли греческие войска. Две трети населения города настолько бурно и продолжительно ликовали, танцуя и воздавая должное богу виноделия и оргий Дионису, что не сразу заметили, как в город вошли турецкие войска под командованием Мустафы Кемаля (впоследствии взявшего себе фамилию Ататюрк, то есть Отец турок), получавшие колоссальную финансовую и военную помощь от большевистского правительства России и лично В. И. Ленина, который приказывал реквизировать золотые изделия в христианских храмах, а несогласных священников «вздёргивать» или расстреливать на месте и отправлять золото туркам (в качестве некоего кредита, безвозвратного, впрочем).

С этого, как считают историки, началась война Турции на заключительном этапе трёхлетней греко-турецкой войны.

В 1922 году греки потерпели ряд тяжёлых поражений, в частности при Думлупынаре в конце августа, и в Смирне кроме местного населения скопились десятки тысяч греческих беженцев из захваченных турками районов. Шла эвакуация. Но катастрофически не хватало кораблей. Шестнадцатилетний Аристотель Онассис стал свидетелем того, как затонул, едва выйдя из порта, втрое или вчетверо перегруженный людьми и скарбом пароход «Олимп» — в панике и толчее почти никто не спасся. (И, может быть, впервые наш герой тогда задумался о роли кораблей в жизни людей.)

Девятого сентября 1922 года Мустафа Кемаль, вступив в Смирну, публично торжественно пообещал, что каждый турецкий солдат или офицер, причинивший вред гражданскому населению, будет расстрелян. И, по свидетельству консула США Джорджа

Хортона, с которым был хорошо знаком отец нашего героя Сократ Онассис, первый день прошёл более-менее спокойно. Ещё утром порядок в городе поддерживала греческая жандармерия, которая к вечеру мирно передала свои функции турецким войскам. Едва стемнело, начались грабежи, изнасилования и убийства. К рассвету местные мусульмане, в основном турки, «партизаны» и солдаты оцепили армянский квартал и приступили к планомерному, системному, как выразился американский консул, истреблению армян, всех поголовно.

Аристо Онассис стал свидетелем ставшей потом легендарной, хрестоматийной резни в Смирне. Тут и там раздавались призывы по-турецки: «Убивайте проклятых гяуров!» Дома грабили, мужчин убивали сразу или изуверскими пытками (отрезали понемногу от плоти или загоняли иголки под ногти и в мошонку или поджаривали, чтобы узнать, где спрятаны деньги и драгоценности).

Мальчиков, девочек, женщин многократно насиловали, а потом, когда они уже не годились для совокуплений, убивали. Женщинам, перед тем как их убить, отрезали груди. Обо всём этом пишет Андрей Битов в повести «Уроки Армении». Отцов заставляли насиловать своих дочерей, сыновей — своих матерей. Юношу Сурена, избив, исполосовав кинжалом, хохоча, принудили изнасиловать мать Асмик и сестру Ануш, «затем отсекли ему половой член и засунули в рот сестре, с которой связали лицом к лицу, как связывали обычно жениха и невесту».

Чтобы заглушить крики, постоянно играл турецкий военный оркестр. Беременных валили наземь и отплясывали на их животах, пока не выдавливался плод, или просто вспарывали животы и насаживали не родившихся ещё детей на кинжалы, сабли, пики, штыки и бегали с этими кровавыми комочками по улицам армянского квартала. Пытавшихся бежать ловили, заставляли рыть яму, прокалывали низ живота и закапывали живьём, после чего земля ещё некоторое время «дышала» — это казалось забавным.

Утомившись от изнасилований и пыток, 13 сентября турецкие солдаты, воспользовавшись сильным ветром со стороны мусульманского квартала, облили бензином и подожгли здания христианско-европейской части Смирны. Огонь стеной пошёл прямо на армян. (Мустафа Кемаль, правда, уверял, что армяне подожгли себя сами. Французскому адмиралу Дюменилю 24 сентября он говорил: «Мы знаем, что существовал заговор. Мы даже обнаружили у женщин-армянок всё необходимое для поджога… Перед нашим прибытием в город в храмах призывали к священному долгу — поджечь город».)

Насиловали, истязали, убивали уже не только армян, но и греков и всех христиан. (Сократу Онассису за большие деньги удалось отправить женщин своей семьи в Грецию.) Надеясь на спасительные корабли, христиане столпились на набережной. Турецкие солдаты её оцепили, оставив людей без еды и пресной воды. Через трое, четверо суток несчастные стали умирать, некоторые бросались в море, кончая с собой. С утра до позднего вечера военный оркестр играл бравурные марши. А когда к полуночи он переставал играть, с набережной слышались крики и стоны.

«Очень удивительно, сказал он (герой рассказа. — С. *М.),* что кричат они всегда в полночь, — читаем в рассказе „В порту Смирны“ Эрнеста Хемингуэя, работавшего тогда европейским корреспондентом канадской газеты „Стар“ и освещавшего события в Турции. — <…>

Он чрезвычайно обрадовался, и мы дружески разговорились. Хуже всего, сказал он, — это женщины с мёртвыми детьми.

Невозможно было уговорить женщин отдать своих мёртвых детей. Иногда они держали их на руках по шесть дней. Ни за что не отдавали. Мы ничего не могли поделать. Приходилось в конце концов отнимать их…»

Наблюдая за пожарищем с корабля, Мустафа Кемаль, будущий Отец турок, провозгласил: «Перед нами знак того, что Турция очистилась от предателей и иноземцев. Отныне Турция принадлежит туркам».

Среди замученных был греческий митрополит Хризостом Смирнский, крестивший во младенчестве Аристотеля Онассиса. Отказавшись покинуть город, Хризостом был выдан турецким командующим Нуреддином-пашой на растерзание толпе. Митрополита избивали, кололи кинжалами, вырвали бороду, выдавили глаза, отрезали язык, уши, нос… (По некоторым сведениям, из милосердия его пристрелил какой-то критский турок.) Всё это происходило на глазах французских солдат, которым был дан приказ не вмешиваться. Убили и сопровождавших Хризостома старост: один был изрублен на мелкие кусочки и скормлен собакам, другого привязали за ноги к автомобилю и таскали по Смирне, гудя в клаксон. Впоследствии Хризостом Смирнский был причислен к лику святых.

Поначалу турецкие военные корабли перекрыли гавань, чтобы никому не дать уйти. Однако под давлением Англии и Франции разрешили эвакуацию всех христиан, кроме специально отобранных девушек и мужчин от 15 до 50 лет, которых объявили интернированными и подлежащими депортации на принудительные работы (пожизненное рабство). Срок на

эвакуацию устанавливался до 30 сентября. Оставшиеся после этого в Смирне также подлежали депортации на принудительные работы. В гавани стояло много судов союзных держав, но большинство из них, сославшись на нейтралитет, отказались забирать греков (из армян к концу сентября уже почти никого не осталось в живых). Под охраной американских судов в порт Смирны прибыла наскоро собранная греческая флотилия. Японские корабли выбрасывали за борт весь свой груз, чтобы принять как можно больше людей.

«…И ещё я видел старуху — необыкновенно странный случай, — пишет Хемингуэй. — Я говорил о нём одному врачу, и он сказал, что я это выдумал. Мы очищали мол, и нужно было убрать мёртвых, а старуха лежала на каких-то самодельных носилках. Мне сказали: „Хотите посмотреть на неё, сэр?“ Я посмотрел, и в ту же минуту она умерла и сразу окоченела. Ноги её согнулись, туловище приподнялось, и так она и застыла. Как будто с вечера лежала мёртвая. Она была совсем мёртвая и негнущаяся. Когда я рассказал доктору про старуху, он заявил, что этого быть не может.

Все они теснились на молу, но не так, как бывает во время землетрясения или в подобных случаях, потому что они не знали, что придумает старый турок. Они не знали, что он может сделать. Помню, как нам запретили входить в гавань для очистки мола от трупов… <…>

Трудно забыть набережную Смирны. Чего только не плавало в её водах. Впервые в жизни я дошёл до того, что такое мне снилось по ночам. Рожавшие женщины — это было не так страшно, как женщины с мёртвыми детьми. А рожали многие…»

Всего Красным Крестом было зарегистрировано более полутора миллиона беженцев. Количество убитых в разных источниках варьируется от 70 до 270 тысяч. В огне погибли сотни домов, 24 церкви, 28 школ, здания банков, больниц, театров, консульств… Около четырёх тысяч юных гречанок и 120 тысяч мужчин были депортированы во внутренние области Анатолии. Большинство погибли по дороге, не выдержав истязаний как конвоиров, так и выходивших навстречу деревенских жителей. «Кемаль отпраздновал свой триумф превращением Смирны в пепел и истреблением всего местного христианского населения», — писал в мемуарах Уинстон Черчилль (кстати, много лет спустя, уже на яхте Аристотеля Онассиса «Кристина», где ему отменно работалось).

А что же наш герой?

К началу 1920-х годов его отец, Сократ Онассис хотя и не числился в миллионщиках, но слыл одним из крупнейших торговцев табаком, владельцем небольшого, но надёжного банка и несомненно господином весьма состоятельным. Он намеревался отправить своего сына Аристотеля на учёбу в Оксфорд, начинал укоренять свой бизнес в нескольких странах Европы, подумывал о Латинской Америке… Однако война, резня, в результате чего Сократ лишился не только многих родственников и партнёров (среди которых было немало армян, — и действительно, некоторые считали, что в Аристотеле Онассисе по крайней мере четверть армянской крови), но и почти всех своих активов (конфисковали дома, земли, сожгли банк), сломали его планы и весь уклад жизни.

Сократ Онассис был сторонником греческого премьер-министра буржуазного либерала Венизелоса, которого Англия и Франция в конце войны во время переговоров близ Парижа уговорили, а точнее, принудили (дабы облегчить себе, кроме всего прочего, дальнейший захват выхода из Чёрного моря и ключевого пролива Дарданеллы) потребовать у Турции уступить Греции суверенитет, господство над Константинополем (Истанбулом) и стратегически важнейшей в Малой Азии Смирной. И когда в 1919 году греческая армия заняла Смирну, Сократ Онассис организовал в греческой торговой среде политическое общество для содействия воплощению в жизнь идей Венизелоса (мечты о Великой Греции), а в конкретной ситуации — для поддержки греческой и оккупировавшей Смирну английской армий.

Но турки заняли город, вырезали или изгнали почти всё немусульманское население, Сократа Онассиса, одного из основных спонсоров греческой армии, арестовали и пытали. Как прочих, не казнили, рассчитывая получить с родственников торговца-банкира солидный куш.

Тем временем шестнадцатилетний Аристотель, после ареста отца оставшийся старшим мужчиной в семье, уже в боевых условиях постигал азы бизнеса. Прежде всего он спас свою жизнь тем, что в ту самую страшную ночь, когда после резни армян турецкие солдаты переключились на греков, сумел укрыться в здании американского консульства, сотрудникам которого прежде исправно поставлял вино и ракию (он с четырнадцати лет промышлял бутлегерством — торговлей спиртными напитками).

На другой день с помощью американцев и немалых запасов виноградной водки в отчем доме он получил у турецких офицеров пропуск, позволявший беспрепятственно передвигаться

по Смирне. С этим пропуском он проник в сожжённый греческий район, где располагалась торговая контора отца, и на пепелище разыскал стальной сейф, в котором хранилось то ли пять, то ли двадцать тысяч американских долларов (огромные по тем временам деньги!). Часть денег ушла на взятку военному трибуналу для освобождения отца из тюрьмы. Остальные — американскому вице-консулу в Смирне, который без очереди устроил Онассиса-старшего и сыновей на ближайший пароход, уходивший с беженцами в Грецию.

Это по одной из версий. Согласно другой, выдвигаемой американским биографом Эвой Прионас, не столько деньги, сколько уроки французского сыграли поначалу роль в спасении отца. Дело в том, что в просторном богатом доме Онассиса квартировал некий влиятельный турецкий офицер, заместитель коменданта или даже комендант. Ему приглянулся темпераментный большеглазый юноша, служивший у него переводчиком во время общения с французскими и английскими офицерами. Но вскоре, пообещав помочь Сократу, турок потребовал от Аристотеля того же, чего царь богов Зевс требовал от юного красавца Ганимеда, пасшего стада своего отца в горах под Троей.

Нельзя сказать, что у Аристотеля не было выбора. Был — он мог бежать. Но (повторим, по одной из версий, которую впоследствии многажды озвучивала, в частности, Мария Каллас, брошенная Онассисом ради Жаклин Кеннеди: «Аристо и в отрочестве-то был морально неустойчив!..» и «Онассис, я уверена, способен на всё ради своей выгоды!») Аристотель поддался уговорам турецкого офицера и разделил с ним постель. Так ему пригодились блестяще усвоенные в своё время уроки французского.

Турецкого полковника, с которым вынужден был переспать, Аристо не отравил. Но с его помощью — несмотря на то, что уцелевшая греческая община презирала юношу за то, что отдавался турку, — смог по крайней мере отсрочить казнь отца. Вскоре турецкий офицер уехал. И самому Аристотелю уже грозил арест. Но помогли знакомые американцы, которых он снабжал ракией, — укрыли в кабинете вице-консула США по фамилии Паркер.

И уже на следующий день в форме американского матроса на борту эсминца № 249 Аристотель отплыл в сторону Лесбоса. Оттуда надо было плыть в Константинополь, искать помощи у влиятельных друзей отца. Потом Онассис часто вспоминал, в частности в разговорах с Марией Каллас, как в салоне первого класса египетского корабля «Хедивиа Лайн» его ослепила

роскошь: необычайно красивые женщины в сверкающих драгоценностях, вечерних платьях с декольте, боа, богатые мужчины в смокингах с бабочками и с массивными золотыми перстнями на руках. Они ужинали, пили вино и виски, курили, беседовали, смеялись, играла музыка… Казалось, произошедшее в последние дни — пожарища, резня — кошмарный сон. И всё в прошлом. В будущем — бесконечная жизнь.

В ту ночь Аристотель Онассис поклялся, что разбогатеет и также будет сидеть в салоне первого класса, потягивать виски со льдом, покуривать сигару и флиртовать с самыми красивыми женщинами мира.

«Греки тоже оказались милейшими людьми, — писал в рассказе „В порту Смирны“ Э. Хемингуэй. — Когда они уходили из Смирны, они не могли увезти с собой своих вьючных животных, поэтому они просто перебили им передние ноги и столкнули с пристани в мелкую воду. И все мулы с перебитыми ногами барахтались в мелкой воде. Весёлое получилось зрелище. Куда уж веселей».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, в которой рассказывается об эмиграции и бурной юности в ритме танго под знойным небом Аргентины

1

«Нигде кроме, как в Моссельпроме!..» На определённое время источником информации о Кристине Онассис для меня стала мастерская художника Ильи Глазунова в двухэтажной башне над бывшим Домом Моссельпрома на углу Калашного, Нижнего Кисловского и Малого Кисловского переулков, окнами смотрящая на Арбатскую площадь и Новый Арбат (тогда Калининский проспект).

С Ильёй Сергеевичем дружил мой отец, поэт Алексей Марков, и с некоторых пор я стал захаживать в знаменитую мастерскую, благо от нашего журфака в старом здании МГУ дворами было десять минут ходьбы. Порой заходил и с подругами, что народным художником СССР неизменно поощрялось, а избранные приглашались в натурщицы, как для его эпохальных полотен, так и в Суриковский институт, где он преподавал.

Впрочем, в ту пору недостатка в представительницах прекрасного пола в мастерской не было. Предпочтение отдавалось дочерям дипломатов, красивым девушкам подчёркнуто славянской модельной внешности, молоденьким миловидным певицам, балеринам, драматическим актрисам (например, мэтр познакомил меня с Ириной Алфёровой, тогда ещё студенткой, только снявшейся в одном из первых советских сериалов «Хождение по мукам», а в мастерской Глазунова грациозно протиравшей огромные старинные иконы фланелевой тряпочкой).

Практически невозможно было не подпасть под обаяние и неукротимую энергетику этого художника. И теперь, спустя годы, с щемящей ностальгией вспоминается, как в этой надстройке над бывшим Моссельпромом всё было изысканно, дефицитно, красиво, кипуче, масштабно, свободно. Порой возникало ощущение, что не в «застойном» Кремле, рубиновые звёзды которого виднелись из окон, а именно здесь, в мастерской, наполненной прекрасно-возвышенными ликами икон в сияющих окладах, крестами, самоварами, картинами, скульптурами, классической музыкой, непрестанными телефонными звонками со всего света, свободолюбивыми диссидентскими речами,

завораживающим иностранным говором, благоуханиями французского парфюма, сигар и фирменных сигарет, решаются судьбы страны и мира.

— Здесь витает дух свободной прекрасной древней Эллады! — восклицала Наталия Анненкова, дочь чрезвычайного и полномочного посла, художница, керамистка, некоторое время жившая в Греции. — Изумительно! А Илюша и сам вылитый грек в профиль! Греция — моя вечная любовь!

В прошлом чемпионка по художественной гимнастике, абрисом фигуры напоминающая амфору (пролежавшую, правда, на дне морском несколько тысячелетий и благодаря ракушкам и водорослям обретшую более смелые формы, чем задумывал мастер), с благородной посадкой головы на красивой длинной шее, с прямым классическим профилем, большими миндалевидными серо-голубыми глазами, Наталия походила на древнюю гречанку — как мы себе их представляли по иллюстрациям и изваяниям в Эрмитаже и Пушкинском музее. Я слушал её восторженно-захлёбывающиеся излияния об Олимпе, Парфеноне, Плаке, мусаке, сиртаки, сногсшибательных романах с невероятно пылкими, могучими, неистощимыми и прекрасными, как боги, греками и пытался представить заданную (для меня — как домашнее задание по наивысшей математике) гречанку-миллиардершу.

— Это просто чудеса, фантастика — острова Эллады! — точно средиземноморская бабочка, порхала по просторной трапезной Глазунова Наталия. — Я была на Родосе, Крите, Санторини, Лесбосе! Была на Скорпиосе, острове Онассиса, действительно напоминающем с вертолёта, на котором мы летали с Кристинкой, силуэт скорпиона! Кипарисы, оливки, ореховые деревья, пляжи, белоснежные яхты, бассейны, дворец! Восхитительно! Рай, истинный рай на земле, хотя, конечно, Элладу нельзя назвать землёй в обычном понимании, это земля богов!

— Вы летали на вертолёте с Кристиной Онассис? — ошарашенно уточнил я.

— А с кем же? Это её остров! — отвечала художница. — Давала по её просьбе уроки рисования с высоты птичьего полёта! Она способная, но непростой человечек! Если уж про меня некоторые говорят, что крыша съехала, то о ней и говорить нечего — безумица, хотя порой даже более чем прагматична, даже страшно, как она там, в голове, всё моментально просчитывает и подсчитывает, но это редко с ней случается, всполохами молний!

— Вы подруги?

— Не знаю, есть ли у неё вообще подруги… ну, подружки,

пусть так. Мы и внешне похожи, за сестёр принимали, одного роста, у Кристинки, правда, глаза тёмно-оливковые, и она, конечно, гораздо менее обширна, чем я стала теперь! Но в отличие от меня ей не нравятся греки, она считает их слишком примитивными и провинциальными.

— А отец?

— Отец для неё — настоящий Зевс! В этом мы тоже с ней едины!

— А ваши отцы были знакомы?

— Конечно! Но это надо у мамули спросить, наша общая подруга, знаменитая модельерша Ирочка Голицына их познакомила, кажется, в Швейцарии, мамуля всё помнит, а у меня в голове не удерживается то, что не впитала всеми фибрами душа!..

Очарованный безумно-восторженной Наталией, я попросил подарить мне одну из её греческих фотографий и выбрал ту, где она запечатлена почти обнажённой в позе прекрасно-беспечной богини на Ареопаге перед Акрополем. И, вглядываясь, вообразил на том же валуне, но полувеком ранее сидящим в позе роденовского «Мыслителя», сосредоточенного, обдумывающего свой жизненный путь молодого Аристотеля Сократеса.

Мы гуляли с Наталией по завьюженной старой Москве, она рассказывала о своих «папуле и мамулечке», о детстве, первой любви, а мне чудилось, что это та, другая, такого же роста, но более сдержанных форм и с тёмно-оливковыми глазами рассказывает. Мы ходили на театральные и кинопремьеры, вернисажи, в гости к многочисленным друзьям Наталии. Исподволь я расспрашивал её об Онассисе, мотивируя это тем, что молодые люди всегда интересуются, как стать миллионером. Она, по её словам, лично знакомая со многими миллионерами, весело и загадочно смеялась…

Однажды, на старый Новый год, из мастерской Глазунова она привела меня к пожилой испанке, жившей рядом, в Малом Кисловском переулке в огромной квартире. Испанку звали Долорес Б. К., она была ровесницей века и походила на Пассионарию, свою знаменитую пламенную соотечественницу и тёзку Долорес Ибаррури.

Эта Долорес много лет дружила с родителями Наталии. Куря одну за другой папиросы «Беломорканал», она рассказывала мне, что в первый раз эмигрировала из Испании с родителями в Аргентину, в Буэнос-Айресе работала телефонисткой в большой телефонной компании и близко знала тогда ещё совсем мальчишку Аристотеля Онассиса, не пропускавшего ни одной юбки и из-под полы приторговывавшего кокаином. Ухаживал ли

он за ней? «О-ла-ла, какая же женщина, тем более испанка в этом признается, карахо! Он был дико темпераментным, но нежным, от его взгляда кружилась голова…»

В 1930-х годах она вернулась в Испанию, но при диктатуре генерала Франко вновь была вынуждена эмигрировать, уже с детьми — в Советский Союз, которому по гроб жизни будет благодарна, несмотря на нюансы (избежать ГУЛАГа ей не удалось, но знакомство с ним благодаря развенчанию культа личности было краткосрочным). С Аристотелем, конечно, никаких связей у неё больше не было, хотя ей сообщали, что он её разыскивал в Европе. И забыть его она также не сможет по гроб жизни, потому что был он неподражаем, ей думается, ни одна женщина, хоть раз с ним побывавшая, не сможет его забыть, но «Аристо сам себе подписал смертный приговор, предав богиню»…

Долорес Б. К. ставила на проигрыватель пластинки с танго, курила «беломорины», заходясь в хриплом кашле, попивала из фужера коньяк, ностальгически улыбаясь, пританцовывая, подпевая почему-то на баскском…

Когда мы с Наталией вышли под снегопад на Арбатскую площадь, я спросил, не от Онассиса ли, случайно, у Долорес Б. К. дети, уж больно шикарная квартира, антикварная мебель, посуда, картины, коллекция навах, которыми во время гражданской войны республиканцы резали франкистов, некоторые клинки даже со следами запёкшейся крови (как они попали в СССР?), говорящие о многом дорогие, музейного уровня, безделушки… Но Наталия лишь звонко рассмеялась и сказала, что некоторых испанских эмигрантов товарищ Сталин жаловал, особенно тех, которые вкупе с Пассионарней способствовали перемещению золотого запаса Испании в Советский Союз, что, впрочем, для некоторых не стало оберегом от репрессий.

— Но в Аристотеля невозможно было не влюбиться! — добавила она убеждённо.

— А вы с ним были близки? — наивно осведомился я.

— О-ла-ла, какая же женщина, карахо!.. — повторила Наталия слова Долорес Б. К., и бисер её уклончивого смеха смешался со снежинками, летящими, казалось, в тёмно-лиловое небо. — Скажу тебе, дружочек мой, одно: Онассис мог явиться только в Греции!

— Но миллионеры и миллиардеры рождались и в Англии, и во Франции, и в Штатах, и в Японии…

— Всё так. Но Аристотель Сократес Онассис другой, он — уникален. И мог явиться только в Элладе, поверь мне!

И с Наталией, и с шумными компаниями, и с чекистом Андреем Х., и в одиночку я часто заглядывал в ту пору в

мастерскую Глазунова, где звучал божественный голос Марии Каллас. Я переписал на портативный магнитофон две пластинки и слушал, слушал, слушал десятки, сотни раз, как когда-то записи Высоцкого и «Битлз», становясь фанатом, фаном, как стали потом говорить, великой гречанки. В западных журналах, коих в мастерской разбросано было множество, я прочитал, что дети Онассиса — Александр и Кристина — ненавидят Каллас. Для меня это было равносильно тому, как если бы кто-нибудь сообщил, что ненавидит… святую Марию.

Прочитав очерк о том, как Пьер Паоло Пазолини ставил фильм «Медея» с Каллас в главной роли (которая, теряя голос, уже брошенная Онассисом, почти уходящая, в картине не пела и вообще не произнесла почти ни слова), я принялся перечитывать древнегреческую литературу, которую на первом курсе с лёту сдал на «отлично», но теперь воспринимал многое не отстранённо, а чувствуя, что сам становлюсь едва ли не персонажем некоей древнегреческой трагедии.

Так или иначе, но визиты к Глазунову исподволь всё больше ассоциировались то ли с заграницей, красивой жизнью, роскошью и свободой вообще, то ли с темой Каллас — Онассис, а значит, и с его единственной бедовой дочерью… Порой возникало ощущение, возгоняемое амбициями и не в меру употребляемыми с друзьями-однокашниками горячительными напитками, что сама судьба влечёт меня к красивым гречанкам.

Как-то, будучи изрядно подшофе, я попытался ненароком выведать у Ильи Сергеевича, не с его ли подачи запутываюсь я в незримых таинственных сетях и не сулят ли они мне погибель. Но изъяснялся я, должно быть, настолько витиевато, что маэстро не понял или не захотел понять и заклял, перекрестившись на икону Пресвятой Девы Марии, полагаться не на судьбу, а на Бога. После чего улетел на этюды — в Ханой, на Соловки или в Буэнос-Айрес.

2

На Ареопаге Аристотель действительно задумчиво восседал. Он сам будет рассказывать об этом Марии Каллас во время круиза на яхте «Кристина». Он тогда ей всю свою жизнь будет рассказывать. А она, зачарованно глядя на звёзды и их отражения, волнующе покачивающиеся на густых чёрных волнах вместе с далёкими мерцающими огоньками шхун, — будет слушать, как «Одиссею».

Но это произойдёт через много лет.

«Я точно не из тех, кого надо подталкивать, — говорил

Уинстон Черчилль, у которого Онассис многому научился и с которым, на склоне лет легендарного британского политика, даже подружился (если в принципе возможна была такая дружба). — На самом деле я сам — толкач».

Остаётся загадкой, как шестнадцатилетнему юнцу-греку удалось в Стамбуле, логове заклятого врага в то время — Турции, договориться с иноверцами и вызволить отца. (Подобных загадок в жизни нашего героя будет в избытке, и поныне кажется совершенно невероятным, что он смог договориться по той или иной теме, вопросу, — но иначе не стал бы Онассис тем самым Онассисом.) Юноша утверждал, что сумма выкупа составила 20 тысяч долларов. Отец не поверил. Кричал, что если это так, то сын явно переплатил за его свободу (чувство юмора, порой чёрного, Аристотель унаследовал от отца). Сократ подозревал, что Ари просто-напросто прикарманил львиную долю их семейных сбережений. Уже в Афинах, где у Онассисов по сути не было ни кола ни двора, напившись узо или раки (анисовой, виноградной водки), а после турецкой тюрьмы он здорово стал закладывать за воротник, отец оскорблял сына, грозил (подобно Тарасу Бульбе) прикончить его, которого породил.

— Денег я не крал, отец! — уверял Ари. — Простите, если что не так, но вас уже приговорили к расстрелу!

Но отец в ответ лишь матерился…

«Во время семейных ссор меня охватывало странное чувство собственной ничтожности, — скажет потом наш герой Марии Каллас. — Я пришёл к выводу, что найду своё счастье в далёкой стране».

Перебиваясь случайными заработками, Аристотель часами бродил по Афинам, вспоминая весёлые дни и ночи в Смирне, размышляя, как жить дальше. Однажды под вечер на Плаке, в старинном районе у подножия Акрополя, он зашёл в лавку древностей и разговорился с седобородым стариком-хозяином, которого звали Христосом.

Христос многое на своём веку повидал и пережил, бывал на Востоке, в Америке, в Австралии, матросом на торговых судах трижды обошёл вокруг света.

— Я бы ни за что не вернулся в Элладу, — говорил Христос Аристотелю, угощая юношу крепким кофе. — Здесь всё в прошлом — ни настоящего, ни будущего у Греции нет, поверь. Но здесь я родился, здесь, на Керамикосе и на городском кладбище кости моих предков, моего отца. А каждый должен стремиться замкнуть жизненный круг, возвратиться на родину предков. Будь я молодым, как ты, я бы не раздумывая пустился в плавание. Во всех нас, эллинах, течёт кровь Одиссея. Ты наделён даром

слушать людей. Беды людские от того, что люди не умеют или не хотят слушать и слышать. Я туговат на ухо и не расслышал твоего имени, юноша.

— Аристотель.

— О, у меня для тебя есть прекрасная вещь! Сочинения твоего великого тёзки, учителя Александра Македонского, изданное ещё в XVIII веке! В этой книге много мудрости.

— Мне нечем заплатить, — отвечал Аристо.

— Это подарок. Особое внимание обрати на трактат «О душе». — Он полистал, нашёл нужную страницу, снял и снова надел очки с треснутыми стёклами и перемотанными изолентой дужками. — Вот послушай: «Надежда — это сон наяву…» — После каждой мудрости Христос погружался в долгое задумчивое молчание, будто по-новому и сам осмысливал высказывание философа. — «Мудрец не стремится к удовольствию, он стремится к отсутствию страданий… Счастье есть смысл и назначение жизни, единственная цель человеческого существования… Уничтожение одного есть рождение другого…» Ступай, мой юный Аристотель. А мне пора закрывать лавку. И пусть сопутствует тебе Господь Бог наш Иисус Христос! — Христос перекрестил Аристотеля Сократа на прощание и вручил ему вдобавок бутылку рицины, жареных семечек и половину цыплёнка, что было весьма кстати.

Простившись, выйдя и оглянувшись, чтобы запомнить адрес лавки Христоса, Онассис поднялся по улице Адриана к Акрополю и по ступеням юго-западного склона взошёл на Ареопаг. Там сел на большой камень в центре, развернул кулёк Христоса и с удовольствием стал есть холодного цыплёнка, запивая вином, приятно отдающим смолой. Внизу, вокруг Акрополя и «холма Ареса», где, по преданию, проходил суд над богом Аресом за пролитие крови Посейдонова сына и где во время осады Афин амазонки разбили лагерь, затухал древний город в огненном кольце костров беженцев. В сумерках виднелись колонны храма Зевса и храм Гефеста, Одеон Герода Аттического, останки строений древней Агоры…

С первых минут на своей исторической родине, в Афинах, Аристотель почувствовал себя, как в музее. Неужели ему всю жизнь суждено прожить в этом усталом, состарившемся, больном, будто не имеющем уже желаний, обнищавшем городе предков на холмах? Городе, находящемся под покровительством богини Афины и теперь до горизонтов во все стороны застроенном, заросшем, захламлённом сараями, хибарами, хижинами, палатками, шалашами тысяч и тысяч несчастных голодных беженцев из Малой Азии, из Турции, таких же, как он сам?

Он всю ночь провёл на тёплом с вечера, но остывающем валуне Ареопага. Там, где некогда старейшины Афин принимали мудрые решения. Потом бродил, лузгая жареные семечки, в темноте по Акрополю. «Златокудрая вестница утра» застала его спящим на скамье в Театре Диониса на юго-восточном склоне. Когда солнце позолотило скульптурный фриз с сатирами и камни Периклова Одеона, Аристотель проснулся, протёр глаза и наугад открыл подаренную Христосом книгу.

«Жизнь требует движения», — читал он…

Полистал недавно полученный нансеновский паспорт[3] для беженцев и лиц без гражданства. В темноте за камнем кто-то завозился, захрипел, закашлял. Оказалось, такой же беженец из Турции, в одночасье обнищавший, опустившийся. Он попросил хоть немного денег, три дня ничего не ел. Денег у Онассиса не было, поддержал земляка оставшимся крылышком цыплёнка, пригоршней семечек да парой глотков рицины.

Решение было принято.

Тем же утром, не попрощавшись с родными, сняв со счёта в американском банке все свои накопления, 269 долларов (по версии отца, эти деньги всё-таки тот ему дал в качестве «командировочных» вместе с рекомендательным письмом к дальнему родственнику, эмигрировавшему в Аргентину), он остановил на площади Омониа повозку с ишаком, сговорился на десять центов и отправился в порт Пирей.

3

Из Пирея итальянский пароход «Томазо ди Савойя» взял курс на Неаполь, где к нескольким сотням греков добавилось полтысячи итальянцев. Потом пароход зашёл в Геную, где загрузился эмигрантами уже под завязку. Из Генуи вышли вечером и пошли вдоль Лигурии, потом южного берега Франции. До тех пор, пока кто-то из пассажиров (на грузовом «Томазо ди Савойя» было оборудовано два десятка кают для приличных людей) не пожаловался капитану, беженцам позволялось выходить из трюма и дышать морским воздухом на палубе или корме. И наш юный герой неотрывно глядел на разноцветные волшебные огни: Ментон, Кап-Мартен, Монте-Карло, Монако, Кап-Ферра, Вильфранш, Ницца, Антиб, Канны, Сен-Тропе…

Через много лет здесь же, на траверзе Лазурного Берега, он будет рассказывать Марии Каллас, как тянула, буквально за шиворот тащила его к этим пленительно мерцающим огням некая страшная воля, которой он не властен был сопротивляться.

Выросший на море, Аристо видел, что до берега не более двух миль и доплыть ему, отменному пловцу, не представлялось труда. Он свесился за борт и мысленно почти уже прыгнул в чёрную, лакированную, отсвечивающую многоцветными искорками тёплую воду. Но другая, более мощная, глубинная воля всё-таки в последний момент удержала его на палубе «Томазо». А на подходе к Марселю всех беженцев загнали обратно в трюм, дабы не смущали благопристойных пассажиров своим видом и запахом, и у дверей поставили вооружённых матросов.

Сразу же за Гибралтаром Аристотель почувствовал, как отличается океан от родного Эгейского моря. Началась болтанка, и почти всё время пути бушевал шторм, лишь ненадолго стихая, а за экватором разразился мощнейший ураган.

Эмигранты из Европы — греки, итальянцы, присоединившиеся к ним в Марселе и Барселоне французы, испанцы, евреи, арабы, русские — находились почти на положении рабов. Условия, в которых они содержались в трюме, мало отличались от тех, в которых когда-то доставлялись из Африки в Новый Свет чернокожие невольники.

Основным грузом допотопного парохода «Томазо ди Савойя» водоизмещением 12 тысяч тонн были не люди, а мебель и металлические изделия, в основном трубы. Люди в трюме ютились, как могли, где-то между ними или сбоку, а во время шторма начался хаос, и тогда смешалось всё: люди, трубы, чемоданы, бочки и бутыли с оливковым маслом, тюки, табуретки, дверцы от шкафов, какие-то медикаменты, провизия… У многих началась морская болезнь…

«Томазо» кренился то на один борт, то на другой, вспоминал через много лет Онассис, порой почти ложился, зачерпывая тонны пенистой воды, которая стекала в трюм, превращая его содержимое в какую-то адскую солянку, пахнущую потом, оливковым и машинным маслами, мочой, блевотиной… Более дюжины эмигрантов не выдержали испытания — и трупы их швыряло из стороны в сторону, открывались и закрывались мёртвые глаза, вываливались и западали языки, порой от болтанки трупы поднимались, принимая позы живых людей. Через несколько суток вонь в трюме стала невыносимой. Группа молодых неаполитанцев попыталась прорваться наверх, но первый же получил пулю в живот и вскоре скончался. Оставалось лишь проклинать судьбу. И молиться. Страстные молитвы пересыпались ещё более страстной матерщиной на многих языках, в том числе на русском:

— Ave, Maria Ave, Maria, gratia plena, Dominus tecum: benedicta tu In mulieribus, etbenedictus fructus ventris tui Iesus…

Святая Мария, Матерь Бога, молись за нас грешных, даже и в час смерти нашей. Аминь… Порка Мадонна!.. Ме каго эн ля лече!.. Господи, Иисусе Христе, Сын Божий, помилуй меня грешного. Иисус, Мария, святой Иосиф… карахо, конью!.. вам поручаю моё сердце… мерд!.. мою душу и моё тело… Е… твою мать!.. Аминь!..

Перед рассветом к часовым поднялся небольшого роста чернявый паренёк.

— Назад! — команда прозвучала в унисон с передёргиванием затвора пистолета.

Парень двумя руками, как заправский эквилибрист, несмотря на то, что «Томазо» завалился и вдруг почти встал на волне штопором, протянул каждому по двадцатидолларовой купюре. Его выпустили на палубу. Когда рассвело и буря немного улеглась, Аристо, а это был он, чтобы отмыться после трюма, дал десять долларов другому матросу — караулившему насос на цистерне с пресной водой.

Сказочно дивным предстал на рассвете перед юным Аристотелем город с самым длинным и, возможно, самым красивым названием на земле: *Ciudad de la Santisima Trinidad y Puerto de Nuestra Senora de Santa Maria de los Buenos Aires* — город Пресвятой Троицы и порт нашей Госпожи Святой Марии Добрых Ветров — Буэнос-Айрес.

4

Впервые нога нашего героя (после иммиграционных формальностей) ступила на землю Нового Света прохладным весенним вечером 29 сентября 1923 года.

В Буэнос-Айресе сразу поразило обилие огромных чёрных, белых, зелёных, красных, лиловых, жёлтых американских лимузинов, сверкающих в огнях кинотеатров, дансингов, ресторанов, рекламы… Второе потрясение: красивые, шикарно одетые, сверкающие драгоценностями женщины в авто и на улицах. Изумлённо вертя головой во все стороны, преследуя взглядом то одну, то другую, Аристо набил себе несколько шишек на лбу о платаны и фонарные столбы, едва не вошёл в витрину самого дорогого (как потом оказалось) магазина на Авениде де Мажо и получил даже оплеуху от сеньора, в которого врезался головой у фонтана на площади и который, уронив пакет с яблоками, неожиданно разразился родной греческой руганью:

— Гамисе та, алитис, р-рэ, диаволос на парей!

— Сигноми, паракало, — попросил прощения Аристо. — Вы грек?

— Ты что, с этого старого корыта «Томазо», пришедшего сегодня в порт? Как звать-то тебя? — смягчившись, поинтересовался сеньор.

— Аристотель. Онассис.

— А меня — Енни Катаподис. Будем знакомы. Как там, у нас в Греции?

— Хорошо.

— Поэтому ты здесь? Вещи где свои оставил?

— У меня нет вещей, — ответил Аристо.

— Даже чемодана? Вообще ничего?

— Ничего.

— Откуда сам?

— Родился в Смирне.

— А, в Смирне, всё ясно. У меня там дядю и тётю турки зарезали. Голодный? — спросил Енни и поднял с брусчатки большое красное яблоко, ополоснул его в фонтане и протянул парню. — Я живу неподалёку, есть свободная койка, можешь у меня перекантоваться, пока чего не найдёшь. Я грек, ты грек, греки должны помогать друг другу.

Катаподис торговал фруктами вразнос и взял Аристо к себе в помощники. Не прошло и месяца, как новоиспечённый разносчик бананов, киви, ананасов, яблок, груш, маракуйи, пепино, манго, гуанабанов, кешью, чиримойи, папайи, авокадо, гуаявы стал сносно изъясняться по-итальянски и по-испански (начал учить ещё в зловонном трюме «Томазо», общаясь с эмигрантами) и обзаводиться приятелями и приятельницами.

Здесь позволим себе небольшое дидактическое отступление. Этого не избежать, так как биография Аристотеля Сократеса Онассиса в наш век тотальных рыночных отношений — не только история успеха отдельно взятого, хотя и ярчайшего индивидуума, но и своего рода вариация на тему: как становятся миллионером.

С раннего детства Аристотель отличался чрезвычайной коммуникабельностью. Эта черта, точнее, предрасположенность к «роскоши человеческого общения» — одна из важнейших предпосылок предпринимательского успеха. Природной (а отчасти и благоприобретённой) коммуникабельностью обладали все так называемые *self-made men* и те, кто смог не растранжирить, а приумножить по наследству доставшиеся состояния. Автору этих строк в 1990-х довелось редактировать журнал «Миллионер» и, естественно, общаться с миллионерами. Как правило, эти люди весьма общительны, но широчайший поначалу круг общения по мере накопления капитала и разрастания бизнеса, естественно, сужается и специализируется (в том числе и потому, что время — деньги).

Помнится, в 1980-х годах, впервые попав в Париж, я встретил там своего знакомого Саню, ныне знаменитого историка моды, телеведущего Александра Васильева. Эмигрировав из СССР в эпоху застоя, при Брежневе, он осваивался на Западе, учил языки, разъезжал по городам, предлагая себя в качестве театрального художника, преподавателя, напропалую знакомясь с людьми, хоть в какой-то степени, пусть даже гипотетически нужными, полезными ему в дальнейшей карьере.

В кафе на площади Клиши Александр Васильев признался мне и моим спутникам, что первый урок, который он усвоил в капитализме, — это жизненная необходимость общения. «Подходишь к кому-нибудь на приёме или на балу, куда правдами и неправдами добился приглашения, говоришь: здравствуйте, — но обаятельно, вплоть до того, что надо подолгу отрабатывать улыбку перед зеркалом, — я молодой гонимый художник из России, хотел бы познакомиться, может быть, смогу вас заинтересовать или даже удивить чем-то полезным…»

Наш герой с детства привык знакомиться, общаться с самыми разными людьми (интернациональная Смирна тому способствовала). Но сызмальства не терял времени на болтовню, почти мгновенно определяя, пригодится ему то или иное знакомство или нет, и если интуиция подсказывала, что это пустое, общение не продолжалось, хотя и не обрывалось резко, Онассис не имел обыкновения портить с людьми отношения, тем паче заводить недругов.

Иностранные языки ему давались легко: живя в Аргентине, он освоил не только итальянский, испанский (а также смешанный итало-испанский социолект, а вернее, жаргон, воровскую феню — лунфардо), французский, английский, но и в определённых пределах португальский, немецкий и даже арабский, немного китайский и японский. Притом специально языки Аристо не учил: учили ежедневное общение с мужчинами и женщинами разных национальностей, природная любознательность и великолепная память.

Весенние месяцы в Буэнос-Айресе или Байресе, как его называют, выдались довольно холодными[4]. Вплоть до середины ноября температура не поднималась выше 15–17 градусов, с океана дул пронизывающий ветер. Розовели и краснели деревья нотро, деревья под названием «пьяная полка», желтел кустарник ретамо, менял цвета в зависимости от освещения, как хамелеон, изменчивый, но от природы лиловый гибискус. Расцветали орхидеи, алоказии, гиппеаструмы, кротоны, герань, алоэ, амариллисы, плекстрантусы, камписы, тилландсии… Нередко после обеда припускал прохладный дождь. А в первые дни лета

наступила привычная для турецко-греческого эмигранта жара.

Второго декабря на входе в порт Ла Бока столкнулись два судна — сухогруз и прогулочный пароходик. Аристо (как сам потом вспоминал) за три доллара нанялся гребцом на спасательную шлюпку и ещё добрую сотню долларов сделал на том, что нанятая им девица по двойной цене продавала у причала перепуганным американским туристам виски, ром и в ближайшем борделе оказывала чисто профессиональные услуги для снятия стресса. (Активность Ари вызвала подозрение, его чуть было даже не заподозрили в организации столкновения судов.)

5

Они рождены были друг для друга. Они всю жизнь шли навстречу друг другу. А встретившись, как только ни пытались разлепиться, оттолкнуться друг от друга, разбежаться, разойтись, как в море корабли…

Рассказывать об одном из них в отрыве от другого не имеет смысла.

У них было много общего — у этих потомков гордых эллинов, Аристотеля Сократеса Онассиса и Сесилии Софии Анны Марии Калогеропулос (полное имя Марии Каллас). С разницей всего лишь в месяц оба покинули родную землю Эллады и направились в Новый Свет, на Американский континент — шестнадцатилетний Аристотель, как мы помним, в Аргентину, а ещё не рождённая Мария во чреве матери Евангелии — в США. Оба в юности по необходимости прибавили себе возраст, подделав документы — Аристотель, чтобы приняли на работу в телефонную компанию, Мария — чтобы поступить в Афинскую консерваторию. Оба от природы были наделены честолюбием, трудолюбием, упорством, волей, умением добиваться своего, отменной памятью, чувством юмора, артистизмом. Оба обожали путешествовать по миру. Оба были чрезвычайно страстны, ревнивы, вспыльчивы — как истинные греки, потомки воинов, некогда развязавших из-за спора о женской красоте Троянскую войну и сокрушивших, покоривших неприступный Илион.

…Корабль, направлявшийся из Пирея в Новый Свет, попав в шторм, чудом не пошёл ко дну. Но Бог миловал, потому что Он — что бы ни говорили атеисты — есть.

— …Слава и ныне, — молилась Евангелия в крохотной тесной каюте нижней палубы. — Не прекратим никогда мы, недостойные, возвещать о могуществе Твоём, Богородица, ибо если бы Ты не защищала нас Своими молитвами, кто бы нас

избавил от стольких бед, кто бы сохранил нас доныне свободными? Не отступим, Владычица, от Тебя, ибо Ты всегда спасаешь рабов Твоих от всяких бедствий. Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей, и по множеству щедрот Твоих изгладь беззаконие моё…

В тот день, *2* декабря 1923 года в Северной Америке, в Нью-Йорке выпал снег, предвещая долгую промозглую зиму. В семье эмигрантов из Греции аптекаря Георгиоса и Евангелии Калогеропулосов, поселившихся в крохотной квартирке в Лонг-Айленде, родился ребёнок. Незадолго до того у супругов умер трёхлетний сын Вассилиос, и они молили Бога, чтобы послал им наследника. Ребёнок, появившийся в тот ненастный день, был крупным, 11 фунтов весом, большеглазым, с тёмными вьющимися волосами, как у брата. Но это была девочка. Евангелия так огорчилась, что четверо суток отказывалась не то что кормить грудью, но даже взглянуть на «самозванку».

Родители долго спорили, как назвать дочку: Георгиосу было по душе имя Сесилия, Евангелии — София. Назвали, пока суть да дело, библейским именем Мария. Но когда три года спустя крестили её, девочка получила целых четыре имени: Сесилия, София, Анна, Мария. Незадолго до того Георгиос и Евангелия поменяли труднопроизносимую для американцев фамилию Калогеропулос на Каллас.

Так что из греческой церкви на 74-й улице после крещения на солнечный свет вышла высокая для своего возраста, полная, черноглазая девочка по имени Мария Каллас.

Как потом вспоминала мать, не из церкви, а откуда-то с высоты, с верхних этажей небоскрёба, будто с самого неба, доносилась ария «Аве Мария»: «Радуйся, Мария, исполненная благодати, Господь с Тобою, благословенна Ты…»

6

У торговца фруктами Енни Катаподиса Аристо перекантовывался недолго, летом переселился к своему дальнему родственнику в юго-восточный район доков Ла Бока, хотя фрукты ещё некоторое время оставались его основным бизнесом.

Ла Бока — древнейший район города. Здесь в 1536 году маленьким генуэзским поселением было положено начало истории Буэнос-Айреса, здесь первый порт, здесь родина аргентинского танго. Кажется, это самый весёлый район в мире: построенные из шифера и жести дома, изначально уныло-серые, красились сообразно фантазиям, мечтам или снам жителей во все

мыслимые и немыслимые цвета (корабельные краски покупались из-под полы, воровались в порту).

Здесь расположен один из старейших футбольных стадионов в мире — «Ла Бомбонера» («Конфетница»), принадлежащий клубу «Бока хуниорс», основанному ещё в 1905 году (родной клуб великого Диего Марадоны, забившего рукой победный гол в финальном матче чемпионата мира по футболу и чистосердечно признавшегося миру: «Да, я забил рукой. Но это была рука Бога»).

Основатели футбольного клуба никак не могли решить, какие цвета использовать в качестве клубных, и положились на случай. Они договорились, что возьмут цвета флага первого же корабля, зашедшего в порт Буэнос-Айреса, и сели ждать в припортовом баре. Первым на горизонте появился и вошёл в порт шведский корабль. С тех пор цвета клуба «Бока» жёлто-синие.

Живя в районе Бока и регулярно посещая футбольные матчи с участием жёлто-синей «Боки», а затем, как правило, спускаясь в порт, чтобы узнать новости со всего мира и весело провести остаток вечера, наш герой мысленно строил планы на будущее. Из всего этого какой-нибудь последователь доктора Зигмунда Фрейда мог бы вывести целую теорию о том, что шведские цвета футбольной команды, за которую болел молодой Аристо, сыграли свою роль в том, что именно в Швеции, в Гетеборге и начался по большому счёту его глобальный бизнес. Но до Гётеборга было ещё далеко.

А пока Аристотель поселился в районе доков и портовых борделей Боки поблизости от легендарных улиц Каминито и Магальянес. Кем он только не работал! И докером, и гребцом, и чернорабочим на стройках: подносил кирпичи, цемент, готовил раствор, красил дома, выносил мусор, мыл посуду в барах и ресторанах, торговал на улицах галстуками, мороженым, возил по городу тачку с морским песком, предлагая детям за несколько монеток найти в песке игрушку, подыскивал в порту клиентов для девочек из окрестных публичных домов…

Проститутка Флора (натурой выплачивавшая Ари причитавшиеся ему посреднические) познакомила его со своим постоянным клиентом-шотландцем, который оказался боцманом и пообещал взять салагу к себе на корабль «Сократ» английской компании «Лампорт и Хольт».

— Если бы ты знала, Флора, как я тебе благодарен! — шептал Ари, глядя в потолок, на котором бликовали портовые огни. — Я вырос на море и мечтал быть моряком. Тем более корабль с именем моего отца — «Сократ»!

— Тебе бы познакомиться с графиней, но она бывает в яхт-клубе, а тебя туда не пустят, милый Ари…

Он уже не первый раз слышал в Боке рассказы о некоей якобы графине Екатерине, бежавшей от красных из России несколько лет назад и начинавшей, как большинство девиц в Боке, но уже имеющей собственный салон в Реколете, в самом престижном районе, в доме напротив кладбища Реколета, где в роскошных склепах покоится высшая аргентинская знать: семьи Арамбуру, Авельянеда, Митре… Салон графини Екатерины для Онассиса был пока недосягаемой мечтой.

Флора и её товарки научили Аристо танцевать настоящее танго.

— Изначально танго был танцем проституток, — рассказывала нам с художницей Наталией старая испанская коммунистка, соратница Пассионарии Долорес Б. К. — Точнее, сперва его танцевали мужчины. В конце XIX века, привлечённые возможностью заработать на купле-продаже земель и прочем, в Аргентину и ехали в основном мужчины. А позже, о!.. каких только женщин не было в Буэнос-Айресе! Будто победительниц конкурсов красоты свозили со всего света! Стройные, как статуэтки, мулатки с изумрудными глазами, рослые голубоглазые славянки, кудрявые итальянки, жгучие испанки, негритянки, китаянки… Естественно, одним из самых выгодных бизнесов стала проституция. В Байрес приходили корабли с европейским, азиатским, африканским «товаром», то есть девушками, которых туда завлекали агенты, обещавшие брак или работу. Многие, конечно, понимали, на что идут, я не встречала ещё нормальной женщины, которая не предчувствовала бы, что её хотят использовать. Но были, конечно, и обманутые глупышки. Впрочем, их чувства никого не волновали: денег на обратную дорогу нет, бежать смерти подобно — на берегу нередко находили выброшенные приливом девичьи трупы. Из трюма девушки попадали прямо в огромные бани, где их отмывали, завивали, накрашивали и отправляли на аукционы, напоминавшие рынки рабов. Шикарно одетые, благоухающие мужчины и женщины, неспешно прохаживаясь вдоль помостов, осматривали обнажённых девушек, приценивались, торговались… За высоких блондинок британского, шведского, голландского типа давали до 100 фунтов. Огромные по тем временам деньги! Европу сотрясали кризисы, революции, войны, и она поставляла этот товар в изобилии. В приличных семьях Парижа и Вены, Стокгольма и Лондона, Мадрида и Одессы девушкам строго-настрого наказывали: «Не ходи вечером одна, попадёшь в Буэнос-Айрес». Байрес стал и пересылочным пунктом, откуда проституток доставляли в Монтевидео, Боготу, Рио-де-Жанейро, другие города Латинской Америки. Дело получило колоссальный

размах! Мафии устраивали свои разборки со стрельбой прямо в борделях, при которых часто гибли женщины, клиенты. Я помню, все газеты писали о настоящем сражении в самом крупном публичном доме на улице Перу, который часто посещал Аристотель…

— Он сам рассказывал об этом? — спросил я.

— Конечно! Он всё нам рассказывал и похвалялся своими достижениями в борделях. Кстати, знаете, почему одно из первых танго называлось «Дай жетончик»? Проститутки за каждого обслуженного клиента сдавали мадам жетончик. Так что первыми женщинами, станцевавшими танго, были именно жрицы любви.

— А что же Онассис?

— Аристо? О-о! В Боке он чувствовал себя в своей тарелке. Морякам со всего света грезились бордели Байреса! По-моему, ни в одной столице мира никогда ни до, ни после не было столько представительниц древнейшей профессии! Кстати, отдавались не только за деньги, но и просто из любви к самой любви, к этому несравненному городу… Сама атмосфера, воздух байресский был насыщен, напоён, пропитан сексом! Но вольготные времена кончились, когда международная общественность забила тревогу: женщинами торгуют в открытую, эпидемия сифилиса захлестнула сразу несколько стран. Аргентинские власти решили принять меры: отдавать проституток солдатам. И публичным домам пришлось маскироваться под салоны танца или кафе с кабаре, так называемые академии. Играл традиционный оркестрик — пьяно, банда-неон, скрипка и арфа. Официантки и танцовщицы поднимались с посетителями в комнаты на втором этаже, чтобы тем хотелось приходить ещё и ещё. И танго, пропитанное эротизмом, мачистское, как нельзя лучше подходило для атмосферы этих заведений. Так вот, как я уже сказала, до проституток танго танцевали только мужчины, ибо ни одна приличная женщина не могла себе позволить так прижиматься к незнакомому партнёру. Самый знаменитый салон содержала Мамита, дородная и дико властная. Она полюбила Аристо, он часто пользовался услугами девочек Мамиты в долг или бесплатно… Я ужасно удивилась, когда услышала в России танго «На Дерибасовской открылася пивная» — это же знаменитое танго «Эль Чокло»!

— И слова те же?

— Слова танго понять не всегда просто, часто они написаны на лунфардо, в котором смешались языки и жаргоны, не обошлось и без русского: папирусы — так называли проституток-славянок, должно быть, потому, что они стреляли папиросы на ночных улицах Байреса… Авторы танго тогда метко подметили

типаж нового портеньо — пижон без определённых занятий, тратящий последний песо (чего нельзя было сказать об Онассисе, но он — исключение) на модный шейный платок, с набриолиненными волосами (Ари через всю жизнь пронёс эту моду: волосы покрывал бриолином), не чуждый криминальному миру, покоритель сердец и блистательный танцор. Настоящий танцор танго двигается, как бог! — попивая коньячок, с горящим взглядом огромных чёрных глаз, увеличенных стёклами очков, рассказывала нам коммунистка Долорес Б. К. — Танцор даёт почувствовать партнёрше, что она предмет его восхищения, вожделения, страсти! Таким был Аристо, не высокий, не красавец, но… что-то в нём было такое, что не позволяло женщинам ему отказать! Танго — это любовь и смерть. О, если бы вы только знали, что такое настоящий танго-танец, дорогие мои!..

7

Проститутка Флора познакомила Аристотеля и с другими своими клиентами, молодыми греками, также недавними иммигрантами, но уже имевшими постоянную работу в телефонной компании, дочернем предприятии гигантского американского треста *International Telephone & Telegraph* — ИТТ, контролировавшего почти всю телефонную сеть Южной Америки (прообраз современных глобальных корпораций сотовой связи и Интернета).

— Сразу ступай к шефу, сеньору Димитриосу, — поучали в борделе земляки. — Но забудь про свою Смирну, на беженцев косо смотрят, считают, что заражены турецкой бациллой и раздавлены уже навсегда, заведомые неудачники. Скажешь, что из Салоник, жили возле Университета Аристотеля, в честь которого тебя и назвали, недалеко от Айос Димитриос, базилики Святого Димитрия — там крестили шефа. Да, и прибавь несколько лет к возрасту для солидности.

По другой версии, Онассис устроился на работу в телефонную корпорацию по достаточно весомой протекции. В частности, испанская коммунистка Долорес Б. К. считала, что протекцию в ИТТ (занимавшегося не только телекоммуникациями, но производством и внедрением широкого спектра военных технологий) ему составила русская графиня Екатерина (как выяснилось, шпионка, но об этом позже).

В штаб-квартире контрабандистов (была в Боке и такая) осведомились, сколько лет ему прибавить. Онассис решил стать ровесником века и сторговался, чтобы ему сделали паспорт за 38

долларов (просили 50). Он с младых ногтей тяготел к символическим, знаковым поступкам, жестам, решениям, числам.

Через много лет на борту яхты «Кристина» он расскажет Марии Каллас, почему выбрал именно начало века. Это представлялось ему своеобразной стартовой чертой в скачках, и он уже тогда принял решение положить жизнь на то, чтобы быть первым.

Заглянув на следующий день в свой новенький аргентинский паспорт, он убедился в том, что Аристотель Сократес Онассис родился в Салониках в 1900 году. (Отдавая должное умельцам из Боки, заметим, что даже криминалисты из ФБР, которое в 1943 году открыло дело на А. С. Онассиса, не узнали, что на самом деле он на шесть лет моложе.) Ещё за 15 долларов ему выписали диплом электрика.

Двенадцатого марта 1924 года Аристотель был принят в телефонную компанию *British United River Plate.* Всю свою жизнь с особой ностальгией наш герой будет вспоминать работу электриком в этой телефонной компании. Он оказался единственным мужчиной на две сотни телефонисток, в большинстве своём молоденьких и хорошеньких (владелец компании был ценителем женской красоты, отбирал по конкурсу, но почти не появлялся, разъезжая по миру).

— Среди телефонисток были латиноамериканки, итальянки, француженки, испанки, немки, русские, — рассказывала Долорес Б. К., которая явно любила «горячие» темы. — За год с небольшим, что проработал Онассис в компании, едва ли не все побывали с ним в постели… Я уже проработала в компании некоторое время, когда он пришёл, мы удивились, как юно он выглядит для своих двадцати четырёх лет, по-моему, даже усы ещё толком не росли. Хорошо помню, как в первый день он взялся заменять выключатель и во всём помещении погас свет, произошло замыкание. Потом многих девушек на этом весёлом, темпераментном, вроде бы наивном, а на поверку ушлом греке замыкало! Безусловно, он обладал врождённой притягательностью, от него прямо-таки исходили токи… Работа его заключалась в том, чтобы собирать пучки проводов в единый жгут для нового автоматизированного пульта. Но во время переоборудования продолжала функционировать и старая система с ручным переключением, чем мы собственно и занимались. Аристо же часто возился у нас под столами, и можете себе представить, что он там вытворял, делая вид, что разбирается в проводах, ха-ха-ха! — прокуренным голосом хохотала испанка. — Особенно весёлая жизнь началась, когда он перешёл в ночную смену… Убеждена, что в немалой степени его

успех в жизни обусловлен темпераментом и сексуальностью. Да и бизнес он начал уже там, в телефонной компании. Официально он зарабатывал сорок долларов в неделю, что по тем временам в Аргентине считалось очень неплохо. И, кстати, на первую же зарплату, как говорили, купил себе костюм. Хотя об Аристо ничего нельзя сказать наверное. По другим свидетельствам, на первую месячную зарплату он купил ночь любви той самой Екатерины, великосветской байресской гетеры, а вместе и покровительство этой влиятельной русской графини. Благодаря ей он проник в закрытый яхт-клуб «Весло». Она давала ценнейшие уроки не просто этикета, а философии жизненного успеха.

— Например? — заинтересовался я.

— «У тебя никогда не будет второго шанса, чтобы произвести первое впечатление», — поучала она.

— Что же это за Екатерина такая была?

— Ходили разные слухи. Называли её Екатериной Гранде, то есть Великой, как русскую императрицу. Необыкновенной красоты женщина!

— И что, действительно… блудница?

— У неё был самый дорогой дом терпимости в Байресе, напротив самого престижного в Аргентине, да, пожалуй, и во всей Латинской Америке кладбища. Её девочки и зрелые, из благородных, женщины утешали после похорон неутешных богатых вдовцов и сирот… Поговаривали, будто графиня сотрудничает с разведкой, а может, и не с одной. Я видела в газете её фотографию рядом с актрисой Ольгой Чеховой, которая, как известно, дружила с самим Адольфом Гитлером. С нашим сукиным сыном — генералиссимусом Франко — Екатерина близко была знакома… Но это всё потом. А тогда в Буэнос-Айресе к ней зачастил Аристотель, она сделалась его наставницей.

— Вы, Долорес, сказали, что он начал бизнес уже в телефонной компании. А в чём он заключался?

— Начал с того, что накопил тысячу американских долларов.

— Как, из сорока долларов в неделю? А на что же он ел, пил, чем платил за жильё?

— Он спал часа три-четыре, не больше. Как Бонапарт. Брался за любую работу. В том числе, например, давал уроки танго-танца туристкам, я встречала его с немолодыми североамериканками в Боке, а также женщинам из яхт-клуба «Весло». Учил «корридам», «восьмёркам» и другим фигурам танго. «Так долго ты со мною был повсюду, и лишь сегодня нет тебя нигде…» — игриво пропела Долорес Б. К.

— Подрабатывал в качестве жиголо?

— Не без этого. Да и у нас Ари не довольствовался сорока

долларами в неделю. Никому из телефонисток это в голову не приходило, а он, прослушивая во время дежурств на коммутаторе ночные разговоры, сообразил, что это может стать ходовым товаром. И нашёл покупателей: ревнивых мужей, жён, конкурентов по бизнесу, даже высокопоставленных политиков — клиентов графини Екатерины… Накопив денег (неизвестно, как), он переехал из района доков и портовых борделей в весьма приличные апартаменты на третьем этаже дома на авеню де Кориента, неподалёку от центрального рынка. Поговаривали, будто он выполнял заказы, а то и плотно уже сотрудничал с байресской мафией, но вряд ли. Слишком уж был молод. Хотя бог его знает…

8

Итак, скопив тысячу долларов, узнав, что среди членов яхт-клуба «Весло» есть крупные импортёры табака, наш герой написал письмо отцу в Афины. Сократ продолжал там свой табачный бизнес, хотя и с гораздо меньшим успехом, чем прежде в Турции. Сын попросил прислать ему в Буэнос-Айрес образцы греческого табака, произрастающего на Пелопоннесе и Нафплионе. В Аргентине тогда греческий табак не был известен, себестоимость его оказалась ниже (несмотря на доставку) доминиканского, кубинского и смешанного (выращенного на юге США) табака, а запах и крепость пришлись по душе сначала курильщикам с небольшим достатком, а затем и более состоятельным.

Начался табачный бизнес Онассиса ранней весной 1925 года, когда ему исполнилось только 19 лет. Действовал он мягко, обаятельно, вместе с тем напористо, угощая сигаретами и папиросами членов клуба, их друзей и товарищей, ухажёров телефонисток, клиентов знакомых жриц из весёлых домов Боки… И в течение короткого времени не просто пробился на аргентинский табачный рынок, а захватил его существенную долю: по крайней мере, 30 процентов табака, использовавшегося на табачных фабриках Буэнос-Айреса, более подходившего для сигарет, благодаря его усилиям поставлялось из Греции и Турции.

К весне 1927 года на банковском счёте 21 — летнего Аристотеля лежало уже 100 тысяч долларов (в нынешних измерениях — несколько миллионов).

Как же ему, одному из сотни тысяч эмигрантов, удалось осуществить «американскую мечту»? Можно сказать, что

табачный бизнес (наряду с торговлей чужими секретами, выведанными ночной прослушкой) стал его первым университетом бизнеса. Он учился непрерывно, круглосуточно. Едва в порт прибыл пароход с образцами табака из Греции, Аристо, имея на руках план, составленный накануне ночью, принялся обходить табачные фабрики Буэнос-Айреса.

— Оставьте на пробу, мы сами с вами свяжемся, если сочтём нужным, — говорили ему.

Он ждал, не прекращая, конечно, действовать — никто не связывался. Он звонил — предлагали перезвонить завтра, через три дня, через месяц. Он приходил — его не принимали… Выбрав целью управляющего одной из крупнейших фирм — Хуана Гаона, Аристотель молча встал перед дверьми его офиса и простоял дотемна. На следующий день — то же самое. И на третий, и на четвёртый… Он каждый день приходил, как на работу, и просто стоял перед офисом Гаона или перед его виллой — молча, неподвижно, глядя на входящего и выходящего фабриканта с укоризной и уверенностью (откуда?) в положительном результате этих своих усилий.

— Кто этот малый и какого чёрта здесь делает? — несколько дней спустя занервничал Гаон. — Сообщите-ка в полицию.

— Это греческий парень, — объяснили управляющему. — Он очень хочет переговорить с вами лично по поводу своего первосортного якобы табака откуда-то из Европы.

— А, о поставках, — облегчённо вздохнул Хуан Гаон. — А то я подумал, уж не конкуренты ли наняли! Пропустите.

Выслушав и похвалив за настойчивость («сам таким был, а просто так ты никому не нужен в этом мире»), управляющий со своей письменной рекомендацией направил молодого человека на центральный закупочный пункт фирмы. Закупщики сделали пробный заказ на десять тысяч долларов. Договорившись с отцом о пяти процентах комиссионных (точнее, сторговавшись — отец начал переговоры с сыном с десяти процентов), Аристо получил свои 500 долларов, которые, как он рассказывал много лет спустя Марии Каллас, и стали фундаментом его будущего состояния.

Яхт-клуб «Весло» служил помимо прочего местом для дачи взяток, откатов, поощрений, выражения благодарности (в хрустящих купюрах). Молодой Онассис блестяще усвоил этот предмет. Один из табачных воротил Байреса сделал ему комплимент:

— Желание принять от тебя конверт, Ари, возникает сразу, как только тебя видишь. Талант дать взятку в тебе, похоже, от рождения, ты даёшь так, что нельзя не взять. Поверь мне, мой мальчик, это счастливый дар для бизнесмена, ибо бизнес всегда и

везде зиждется на взятках.

В яхт-клубе вовсе не считалось дурным тоном не то чтобы обмануть партнёра в какой-то сделке, но слукавить. Желательно, изящно, обаятельно — и обаятельное лукавство стало неотъемлемой чертой молодого Онассиса. Членами яхт-клуба в основном были состоятельные зрелые мужчины, в том возрасте, когда седина в бороду, а бес в ребро, — и молодой Онассис сполна использовал коварство этого возраста, обеспечивая клубных завсегдатаев хорошенькими девушками, которых приводил в качестве своих подруг. Так он поступил и с Хуаном Гаоном, подложив к нему в постель свою пятнадцатилетнюю подругу-венесуэлку. И второй заказ на закупочном пункте был сделан уже на целых 50 тысяч долларов.

Онассису необходимы были оборотные средства. Гаон познакомил его со своим банкиром, предоставившим льготные условия кредитования. Впрочем, Аристо не брал в банках кредиты более чем на три тысячи долларов и всегда очень скоро, чаще досрочно погашал, никогда не попадая в зависимость от банкиров. Зависимость, губительную для бизнеса, как учил тот же Хуан Гаон.

Конечно, не только через яхт-клуб «Весло» действовал Онассис. Он рано усвоил истину, что не тот бизнес надёжен и стабилен, где зарабатываешь раз от раза, пусть и неплохо, а тот, который каждый час, каждую минуту приносит хотя бы доллар, пусть даже песо или несколько сентаво (а о деньгах, напомним, он думал непрестанно, как все прирождённые миллионеры).

Поначалу самолично, а примелькавшись, и с помощью нанятых уличных парней и девиц он проводил тотальный маркетинг. Изучал специфику работы оптовых и розничных точек продажи табачных изделий, мысленно составлял сложнейшие графики (он почти не пользовался записной книжкой, всё держал в голове), характеризующие, как позже стали выражаться маркетологи, целевую аудиторию: какие марки сигарет, папирос, сигар, сигарилл, трубочного табака в какие дни недели в какое время суток пользуются спросом у потребителей того или иного достатка (судя по маркам автомобилей, одежды, часов и пр.), возраста, половой принадлежности, национальности, на какое время приходятся пики и спады продаж, как позиционируется и рекламируется продукция…

Кстати сказать, Аристотель Онассис понял важность рекламы в бизнесе, усвоил, что реклама — двигатель торговли, в таком раннем возрасте, в каком другие будущие миллиардеры об этом всерьёз ещё не задумывались. Изучая его шаги по продвижению товара, в частности табака, в середине 1920-х годов в Аргентине,

можно сделать вывод, что он и стал одним из отцов-основателей современного маркетинга и пиар-менеджмента.

Весной 1925 года Онассис выступил в роли «цеховика», «теневика», как говорили в СССР в период «развитого социализма», — наладил подпольный выпуск популярной в Аргентине марки сигарет «Bis», успел прилично заработать, продавая их по демпинговым, низким ценам, но отказался от этой затеи, когда владельцы легитимной фабрики подали иск в суд.

Аристотель распрощался с весёлыми телефонистками и уволился из компании, но вскоре вернулся, так как чужие секреты приносили стабильный доход, помогали не только узнавать человеческие слабости, но и налаживать контакты с правоохранительными органами, со спецслужбами, а в мае того же года арендовал крохотный магазинчик в переулке Виамонте.

«Аристотель Онассис — импортёр восточного табака» — гласила табличка, прибитая у дверей. Партнёрами самостоятельного торгового бизнеса на первых порах стали его кузены — Коста и Никос Конианидесы. Сам Аристо вложил в дело всё, что скопил к тому времени — 25 тысяч долларов, и ещё столько же взял взаймы. Многие его отговаривали от этого первого, пожалуй, в его жизни рискованного (вся его дальнейшая жизнь будет состоять из сплошных рисков) шага, советуя просто положить деньги в банк и получать проценты.

Но вместо этого он по минимальной цене купил оборудование, нанял дюжину греческих иммигрантов, не получивших вид на жительство, а значит, разрешения на работу, и готовых трудиться за гроши, и начал выпуск двух сортов сигарет — «Primeras» и «Osman». По совету графини Екатерины для молодых эмансипированных покупательниц он ввёл и инновации: золотые или розовые мундштуки сигарет, пёстрая обёртка, новомодная алюминиевая фольга и прозрачная хрустящая целлофановая упаковка.

С помощью своей интернациональной команды бойких молодых людей и миловидных девиц Онассис запустил «механизм впрыскивания». Прямо на складах конкурентов, как вспоминала Долорес Б. К., если удавалось, или в табачных лавках (купив, например, упаковку табака, а потом возвратив, сославшись на то, что по ошибке купили не того сорта) его люди при помощи шприцев впрыскивали в табак химический раствор, придающий тому отвратительный вкус и запах. Это, естественно, вело к падению продаж и репутации продавцов. Вообще применялся широкий спектр методов борьбы с конкурентами: подлог, фальсификация, шантаж, рэкет, кража, подделка документов…

Не упускались и иные возможности заработать. Специально обученные люди, нанявшись в том или ином порту на погрузочно-разгрузочные работы, как бы случайно роняли в воду или незаметно обдавали морской водой баулы с табаком, поставлявшиеся Онассисом. Это влекло за собой выплаты страховой компанией понёсшему ущерб владельцу «за вред, принесённый морем». Одного из его людей в Генуе даже посадили за это в тюрьму.

И всё же в первой сотне тысяч долларов Аристотеля Онассиса львиную долю составила выручка не от реализации табака и выплат страховщиков (хотя с ними он отладил сотрудничество на регулярной основе, никогда не задерживая «откаты»), а от опиума, который завозился в тех же мешках с табаком.

В раскрутке сигарет Онассиса с небольшим добавлением опиума сыграла заметную роль всё та же графиня Екатерина. В её салоне, вспоминал Онассис, стало модным курить сигареты «Osman-special», особенно дамские, удлинённые, тонкие, с розовым мундштучком, от которых, как поётся в известной песне, «так хочется вращаться, так хочется любить, так хочется отдаться, так хочется парить!..». И кто знает, чем бы могла закончиться эта опиумная комбинация, если бы не пользовался салон русской графини покровительством высокопоставленных клиентов — политиков, военачальников, бизнесменов, представителей высшего руководства спецслужб…

Кстати, любопытный факт. Из доклада следователей НКВД В. Н. Макарова и Л. Д. Аронова:

«В результате произведённых с 28 марта по 5 апреля 1937 года обысков в квартире, кладовых и на даче бывшего наркома внутренних дел СССР Г. Г. Ягоды среди банковских упаковок денег, коллекционных заграничных вин, пальто дамских разных заграничных, рубах мужских шёлковых заграничных, кинжалов старинных, коллекции трубок и мундштуков из слоновой кости и янтаря, носков заграничных, преимущественно шёлковых, пижам заграничных, часов золотых, ковров, шкур леопарда, белого медведя, волчьих, коллекции порнографических снимков, порнографических фильмов, резиновых искусственных половых членов, котиковых манто, револьверов и т. д. и т. п. были обнаружены сигареты заграничные, в том числе аргентинские „Osman-special“…»

Театр абсурда: кровавый сталинский палач Генрих Григорьевич Ягода, он же Енох Гершенович Иегуда, возвращаясь с работы, после изуверских пыток и собственноручных расстрелов в подвалах Лубянки, раздевается, ложится в душистую ванну и, разглядывая порнографические снимки, с наслаждением

закуривает удлинённую, тонкую, с розовым мундштучком дамскую сигарету с опиумом, от которой «так хочется вращаться…».

Однажды (по одной из версий) графиня представила своего юного греческого поклонника Аристо знаменитому певцу, композитору, актёру Карлосу Гарделю по прозвищу Креольский дрозд. По сей день в Латинской Америке бытует поговорка: «Креольский дрозд поёт с каждым днём всё лучше». Популярность Гарделя, исполнителя легендарной «Ла Компарситы», «Моей грустной ночи» и многих других мировых хитов, вполне сопоставима с той, которой через несколько десятилетий будут пользоваться Элвис Пресли и «Битлз», а под его танго танцуют голливудские мегазвёзды и в современных блокбастерах, притом эти сцены становятся ключевыми, их репетируют, оттачивают месяцами, как Аль Пачино на съёмках фильма «Запах женщины» или Арнольд Шварценеггер в фильме «Правдивая ложь». Нам здесь интересен Карлос Гардель как первая звезда, появившаяся в обильном «созвездии» биографии Аристотеля Онассиса. Неисповедимы пути звёзд. Остаётся загадкой, каким образом, порой вполне естественно, будто само собой, знаменитости, нынешние и будущие, среди миллионов, миллиардов судеб вычисляют, отыскивают друг друга, притягиваются друг к другу.

Существует и другая версия. Карлос Гардель после концерта зашёл с друзьями поужинать в ресторан «Лас Трес Палабрас» («Три слова»), в котором Ари тогда работал официантом. Онассис угостил Короля танго сигарой, аромат её так понравился Гарделю, что он оставил юноше свою визитную карточку, чтобы тот регулярно поставлял ему сигары на дом.

Так или иначе, но Гардель был завсегдатаем салона графини, и ему понравилось, как молодой набриолиненный грек станцевал его танго с его любовницей Екатериной. Креольский дрозд проникся симпатией к Аристо и даже, по просьбе графини, согласился бескорыстно помочь весёлому предприимчивому малому: попозировать фотографу вечерней байресской газеты (Аристо заплатил газетчикам 50 долларов) с сигарой из табака Онассиса и заявить в интервью, что восхищён этим табаком, не только «не вредящим голосовым связкам, но, напротив, обогащающим голос обертонами». Вскоре и на своём концерте Гардель сообщил публике, что вообще-то курит немного и выбирает лучшее, например, восточный табак молодого Онассиса, «прекрасного танцора танго». После этого, как говорится, игра была сделана. Вскоре весь Буэнос-Айрес курил восточные сигары «Меланж Гардель», поставляемые из Греции (производимые отцом Сократом в Афинах и продаваемые сыном Аристотелем). Дамские

сигареты Онассиса стали пользоваться успехом у юных дочерей аргентинских миллионеров.

Эти сигары и сигареты сделались непременным атрибутом весьма модных, «утончённо-специфических» вечеринок в салоне графини. Под ритмы танго и стремительно завоёвывавшего в мире популярность джаза в опиумно-кокаиновом серебристо-лазорево-лиловом тумане графиня устраивала свинг-вечеринки, во время которых гости менялись партнёрами по сексу.

— Я глубоко порочна и грешна, — в редкие минуты откровений признавалась графиня неистовому турецкому Купидону, как она называла Ари. (Муж Екатерины погиб в предгорьях Арарата, спасая армян от турецкого геноцида, и в её отношении к юному греку Аристотелю, чудом спасшемуся во время резни в Смирне, было и почти родственное сострадание.) — Из России я уехала чистой безгрешной идеалисткой. Но нет больше моей России — большевики убили даже Бога. А коли Бога нет, говорил Фёдор Достоевский, то всё позволено.

Несколько раз Онассис бывал на званых обедах, которые давала графиня и где присутствовали потомки знатных русский семей, эмигрировавшие из России, — Кутузовы, Волконские, Горчаковы, Долгоруковы, Милорадовичи. Разговаривали они между собой на русском, свободно переходя на французский, английский, так что Аристо отчасти понимал их ностальгические воспоминания о житье-бытье в имениях, о путешествиях по свету, о былых приобретениях самых дорогих в мире рысаков, украшений, дворцов, творений великих художников, кораблей…

Аристократы дивились, хотя и старались не показывать виду, что чудаковатый юный грек, вслушивающийся и всматривающийся в того или другого рассказчика, не прислуживает, а едва ли не сидит с ними за одним столом. Но Екатерина уверяла, что её паж-эллин — только с виду простак, его ждёт большое будущее.

Онассис на какое-то время действительно сделался почти пажом графини. Он сопровождал её повсюду, в том числе и в городскую тюрьму, где она навещала своего бывшего любовника, также эмигранта из России, социалиста-революционэра (как она выражалась) Бориса Владимировича Германа. Этот Герман, по словам графини Екатерины, был первым мужем Надежды Крупской, которая «от него пошла жить с Ульяновым-Лениным, а также являлся близким приятелем Каплан, всадившей в этого беса Ильича две пули, которые его, к сожалению, не взяли».

По воспоминаниям графини Н. Д. Львовой, в Аргентине Герман со товарищи стал практиковать боевую эсеровскую

«профессию», то есть производить эксы, налёты, но там — не Россия, этой рев-практики не поняли, и он угодил в тюрьму на четверть века. Герман утверждал, что Ленин подлец, с ним и его продолжателями необходимо бороться. За решёткой писал книгу «Биология социализма», графиня Екатерина снабжала его справочной литературой, иногда поручала Аристо отнести в тюрьму ту или иную книгу, брошюру, передачу.

— А вы-то, Аристотель Сократ, как относитесь к социальной революции? — интересовалась графиня. — Вы, голубчик мой, никогда ни по какому поводу не высказываете своего мнения, вы тёмная лошадка, я не знаю, чего от вас ждать. Иногда мне кажется, что вы — прирождённый террорист и вполне могли бы сойтись с Борисом Викторовичем Савинковым, который когда-то был в меня влюблён…

9

Онассис сопровождал графиню и в театр «Колон», где выступали звёзды оперы и балета первой величины, в том числе такие всемирные знаменитости, как Фёдор Шаляпин, Анна Павлова, с которой Екатерина была знакома ещё по Вагановскому училищу в Санкт-Петербурге. Некоторые (например, всё та же Мария Каллас) утверждали, что Онассис был равнодушен к театру, чуть ли не засыпал на премьерах.

Но это не так. С ранней молодости — в том числе и с лёгкой руки русской графини — он любил театр. Долорес Б. К. засвидетельствовала это и, сама, завзятая театралка, вдохновенно процитировала знаменитые слова Белинского: «Любите ли вы театр так, как люблю его я, то есть всеми силами души вашей, со всем энтузиазмом, со всем исступлением, к которому только способна пылкая молодость, жадная и страстная до впечатлений изящного?»

Онассис не пропускал ни одного оперного спектакля в «Колоне» (кроме театра жесточайше экономя на всём, порой лишь через день позволяя себе обедать) с участием знаменитой итальянской примадонны Клаудии Муцио, обладавшей лучшим лирико-драматическим сопрано своего времени и в судьбе нашего героя ставшей предтечей Марии Каллас.

О предстоящих гастролях великой Анны Павловой много писали в прессе. Известный танцовщик всемирно знаменитой дягилевской труппы Сергей Лифарь рассказывал газетчикам: «В Париже одним из самых сильных и значительных моих впечатлений был спектакль Анны Павловой. Когда появилась на

сцене Анна Павлова, мне показалось, что я ещё никогда в жизни не видел ничего подобного той не человеческой, а божественной красоте и легкости, совершенно невесомой воздушности и грации, „порхливости“, какие явила Анна Павлова. С первой минуты я был потрясён и покорён простотой, лёгкостью её пластики: никаких фуэте, никаких виртуозных фокусов — только красота и только воздушное скольжение — такое лёгкое, как будто ей не нужно было делать никаких усилий, как будто она была божественно, моцартовски одарена и ничего не прибавляла к этому самому лёгкому и самому прекрасному дару. Я увидел в Анне Павловой не танцовщицу, а её гения…»

Аристотель Онассис был в толпе встречающих в порту знаменитую балетную труппу Анны Павловой и изловчился первым на аргентинской земле преподнести примадонне букет роз.

По одной из версий (не исключено, запущенных позже самим Онассисом), роман великой балерины и никому не известного Аристотеля имел место. Но достоверными сведениями о любовной связи Анны Павловой и Онассиса мы не располагаем. Как не ведаем и того (биографы не дают однозначного ответа), любила ли гениальная исполнительница «Раймонды», «Баядерки», «Жизели», «Клеопатры», «Умирающего лебедя», чей силуэт на афише, созданной художником Серовым, навечно стал эмблемой «Русских сезонов», кого-либо кроме своего лебедя по кличке Джек, который жил у неё на озере в поместье «Айви-хаус» в Англии и с которым знаменитый фотограф Лафайетт многажды запечатлевал балерину. Сама она на встрече в Буэнос-Айресе, на которой присутствовал и Аристотель Онассис, так ответила на вопросы журналистов по поводу её личной жизни (обратим внимание на этот ответ, его почти дословно повторит четыре десятилетия спустя Мария Каллас):

«Истинная артистка, подобно монахине, не вправе вести жизнь, желанную для большинства женщин. Она не может обременять себя заботами о семье и о хозяйстве и не должна требовать от жизни тихого семейного счастья, которое даётся большинству.

Я вижу, что жизнь моя представляет собой единое целое. Преследовать безостановочно одну и ту же цель — в этом тайна успеха. А что такое успех? Мне кажется, он не в аплодисментах толпы, а скорее в том удовлетворении, которое получаешь от приближения к совершенству. Когда-то я думала, что успех — это счастье. Я ошибалась. Счастье — мотылёк, который чарует на миг и улетает».

Онассис, по воспоминаниям друзей той поры, был страстным

поклонником Анны Павловой и засыпал её «миллионом алых роз».

— Не берусь утверждать, что они были близки, — говорила Долорес Б. К. — Но вот с молоденькой солисткой труппы Анны Павловой, её фавориткой Машенькой у Ари определённо роман был, да ещё какой! И я знаю, с чего он начался — с обмена валюты. Тогда была очередная путаница с деньгами, не помню, сколько аргентинских песо давали за доллар, но песо беспрерывно падал, американский доллар укреплялся. Аристотель и на этом неплохо зарабатывал, по свидетельству очевидцев. Точно не знаю, каким образом ему удавалось выведать прогнозы. Кажется, одним из клиентов салона графини у кладбища Реколета был высокопоставленный сотрудник Центрального банка или что-то в этом роде. Впрочем, не исключаю и того, что он подслушивал чьи-то телефонные переговоры, в чём весьма преуспел. Люди Аристо, в основном иммигранты из Европы без определённых занятий и прав, ошивались возле пунктов обмена и предлагали свои услуги, меняли с рук или давали советы, куда обратиться, так как курсы обмена были всюду разные. В Боке, например, более выгодный, но могли обмануть, на Авениде — менее выгодный, но и меньше риска… В общем, при активности и предприимчивости, а уж этого Ари было не занимать, на обменах можно было заработать. Естественно, имел место и чистой воды криминал: например, когда вместо пачки песо клиент получал пачку аккуратно нарезанных бумажек, в которой сверху и снизу располагались настоящие, не вызывающие сомнений купюры.

— «Куклы», как у нас это называется.

— По-моему, в Байресе также, если мне не изменяет память. Ничто не ново под луной. Балерины труппы Анны Павловой, вернувшись в Буэнос-Айрес с гастролей по всей Южной Америке, скинулись и, чтобы оплатить расходы на бенефис, купить подарок ко дню рождения Павловой, послали поменять деньги молодую солистку Марию Протопопову (её прадед был в Иркутске протоиереем, то есть протопопом, дети стали Протопоповыми, так и пошло). Банки вокруг театра «Колон» были уже закрыты. До начала спектакля оставалось немного времени, и Мария совершила обмен возле касс театра, где отирались маклеры и менялы. Вернувшись в грим-уборную, она обнаружила, что ей всучили эту самую «куклу». Сумма была существенная, около полутора тысяч долларов. С Марией истерика — бенефис и день рождения Анны Павловой срывались! И тут откуда ни возьмись появляется за кулисами небольшого роста улыбающийся молодой человек в прекрасно сшитом костюме, с выглядывающим из

верхнего кармашка пиджака носовым платком под цвет галстука с золотой булавкой, со сверкающими запонками, в моднейших штиблетах. Выслушав сбивчивый рассказ зарёванной Марии, он берёт «куклу», кладёт в карман пиджака и удаляется… Неизвестно, работали ли это его люди у касс «Колона» (вообще-то театральными билетами Онассис тоже промышлял, особенно успешно — во время модных гастролей) или он заплатил свои деньги (что маловероятно), но факт тот, что после бенефиса Анны Павловой восемнадцатилетняя солистка труппы Мария оказалась в объятиях Аристотеля.

— У них был настоящий роман! — продолжала Долорес Б. К. — От ходока Аристо, к тому же экономившего на всём, никто такого не ожидал — он делал ей достойные русской балерины подарки! По-моему, эта Машенька, а она действительно была хороша, стала первой настоящей любовью Онассиса. Думаю, что имя Мария с тех пор в его жизни играло какую-то исключительную и магическую роль. В том, что в его жизни появилась роковая любовь по имени Мария Каллас, сыграло роль байресское предзнаменование… И именно благодаря приме Машеньке Протопоповой впервые он обратился к кораблям. Бизнес он не оставлял ни на секунду, даже в разгар такого грандиозного романа. Ему нужны были склады под завозимый из Греции табак, а затем кожи…

— Кожи? — удивился я. — Из Греции в Аргентину — страну скотоводов завозили кожи из Европы?

— Не знаю, в чём была причина, кажется, в Аргентине не могли её надлежаще выделывать. Но знаю, Аристо сам мне рассказывал, что он и на кожах делал деньги, как, впрочем, и на всём, на чём только можно было — и на лекарствах, и на итальянской мебели, и на граммофонах, и на велосипедах… В общем, ему требовались склады, арендовать помещения было слишком дорого. И Мария, как он сам рассказывал, дала ему идею: русский корабль, пришвартованный в нескольких милях от Ла Боки. Конечно, он уже не был русским — линейный корабль «Император Александр III», в 1917-м ставший линкором «Воля», в 1920-м — линкором «Генерал Алексеев». Верно говорят у нас в Испании: имена менять — добра не видать. На этом линкоре, перехватывавшем немецкие крейсеры, оборонявшем Севастополь, служил папа Марии, капитан второго ранга. На нём 14 ноября 1920 года с врангелевскими войсками он и эвакуировал свою семью, жену и маленькую Машеньку, из Севастополя в Константинополь…

Дальнейшая судьба линкора точно не известна. Не исключено, что он (как и множество кораблей в ту пору) был

интернирован французскими властями в Тунис, в Бизерте. Потом вроде бы должен был вернуться в СССР, но возвращён не был, потом его продали, перепродали, и вот после всех мытарств корабль оказался (по одной из версий) сперва на Кубе, потом ещё где-то, потом в Аргентине.

Когда Мария рассказала славную трагическую историю линкора Аристотелю и они побывали на нём, в каюте, которая некогда принадлежала её папеньке, Аристо даже захотел с помощью Марии отсудить его у какой-то французской фирмы. Ничего из этой затеи, разумеется, не вышло.

— Но под склад табака с опиумом он всё же использовал «Императора Александра III»? — уточнил я.

— Вроде бы. Пока линкор не угнали обратно в Европу и не пустили во французском Бресте на металл.

— А что стало с Марией Протопоповой?

— Что с ней стало, не знаю. Да и не видела я потом Аристотеля, я ведь вскоре покинула Аргентину и о нём лишь читала в газетах. Да, и вот что ещё любопытно: первый свой корабль он назвал в честь Машеньки — «Марией Протопапас». Это факт! Но корабль затонул в первую же бурю.

10

Между тем дела Онассиса неуклонно, как говорится, шли в гору.

Идею использовать корабли в качестве складов Онассис воплощал в жизнь стремительно и масштабно. Он стал фрахтовать суда, начав с самых старых и дешёвых, ржавевших в портах Аргентины. Над его судами развевался греческий флаг (после судьбоносного происшествия в Роттердаме, о котором речь пойдёт в следующей главе), так что аргентинские власти без достаточных оснований, то есть конкретных правительственных санкций, которые получить было практически невозможно, не имели права их обыскивать. Полку курильщиков и курильщиц восточного табака с опиумом прибывало с каждым днём. За четыре года торговый оборот Онассиса увеличился со стартовых десяти тысяч долларов до двух с половиной миллионов.

В «чёрный четверг» 24 октября 1929 года, когда рухнула Биржа США, ознаменовав начало международного финансового кризиса, названного Великой депрессией, наличном банковском счету 23-летнего Аристотеля Сократеса Онассиса появился первый миллион долларов. Именно о нём десятилетия спустя Онассис произнесёт крылатую фразу, ставшую пословицей века и

прижившуюся в России периода первоначального накопления капитала, в 1990-е: «Самое трудное — заработать первый миллион».

Бизнес расширялся, будущее представлялось безоблачным, хотя кое-какие облачка и наплывали. Из весёлого района доков и борделей Ла Бока наш герой перебрался в апартаменты на Авениде Коррьентес, приобрёл соответствующую обстановку, обогатил свой гардероб, подумывал приобрести авто. Туча пришла с неожиданной стороны. В конце 1929 года — в связи с бушующей в мире Великой депрессией — греческое правительство приняло решение резко, до 1000 процентов (!) увеличить пошлины на товары, ввозимые из стран, не связанных с ней специальными торговыми соглашениями. Это касалось и Аргентины. Если бы аргентинское правительство решилось на ответные меры, что было вполне закономерно и ожидаемо, основной бизнес Онассиса рухнул бы в одночасье.

И наш герой отправился в Афины.

История умалчивает о том, каким образом 23-летнему эмигранту (кстати, остановившемуся не где-нибудь у бедных родственников или в дешёвеньком отельчике, а в королевском сьюте «Гранд-отеля») удалось пробиться к греческому министру иностранных дел Михалакопулосу. (Были использованы старые связи отца, но пригодились и блестяще усвоенные в Буэнос-Айресе уроки мотивации чиновничества, то есть умелой и своевременной дачи взяток.)

Накануне рождественских каникул 1929/30 года (с рождественским подарком, разумеется) Аристотель Онассис вошёл в кабинет министра и провёл там более двух часов, излагая своё, во многом разнящееся с официальным, в*и*дение греко-аргентинских отношений и мироустройства в целом. Михалакопулос был настолько потрясён размахом намерений (патриоту-министру вдруг показалось реальным в обозримом будущем сделать Афины не только культурной, но и финансовой столицей мира), обаянием, энергией, связями, сообразительностью, чувством юмора и щедростью соотечественника, которого он стал называть своим юным другом, что предложил ему статус почётного консула Греции. По сути — второго человека в греческом посольстве в Аргентине (посол уже был стар и немощен).

Выйдя из министерства, Аристотель купил бутылку рицины, холодного цыплёнка, кулёк семечек и отправился отмечать успех на Ареопаг, где когда-то, подобно Одиссею, принял решение покинуть землю Эллады.

Вернувшись в город Пресвятой Троицы — Буэнос-Айрес, он

продолжил начатое, но уже в статусе консула — завозил партии табака и частично их подтапливал, чтобы получать страховку, продавал изящные сигаретки с опиумом, проворачивал остроумные финансовые комбинации, контролировал (совместно с родственниками) бордели, в которых трудились иммигрантки из Европы, Азии и Африки, играл на чёрном валютном рынке…

Но играл теперь Аристотель Сократес Онассис по-крупному, уже вполне уверенно чувствуя себя «Под небом знойной Аргентины, / Где небо южное так сине, / Где женщины как на картине, / Там Джо танцует с Клё…».

Когда ФБР заведёт уголовное дело на Онассиса, его обвинят наряду с прочим и в злоупотреблении дипломатической неприкосновенностью. Но до этого было ещё далеко.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ, в которой рассказывается о Великой депрессии и эффективных антидепрессантах

1

Несколько месяцев из Большого дома на площади Дзержинского (Лубянке) мне не звонили. Как отрубило. Вместе с вполне объяснимым облегчением мною овладевало и беспокойство. Порой я терзался вопросами: что могло случиться, ко мне потеряли интерес по каким-то причинам, нашли замену?..

Становилось обидно. Я поймал себя на мысли, что напоминаю девушку, которую мужчина (Комитет госбезопасности) соблазнил и покинул, оставив в состоянии изматывающего неведения. Или Рихарда Зорге, которого собирались забросить куда-нибудь в Японию с героическим заданием и вдруг оскорбительно забыли.

Поднимаясь на свой этаж и с лестницы слыша за дверью телефонные звонки, я быстро-быстро вставлял ключ в замочную скважину и отпирал замок, чтобы успеть схватить трубку… Смешно вспоминать, но когда я, разговаривая с кем-то ночью по телефону, вдруг услышал подозрительные щелчки и переключения на линии, то испытал чуть ли не сладостное облегчение и, как писали тогда в газетах, обрёл уверенность в завтрашнем дне.

Не выдержав (почти маниакальным уже стало желание познакомиться и, чем чёрт не шутит, подружиться с «натуральной миллиардершей», что и само по себе любопытно, и даровало бы, как представлялось, свободу передвижений по миру, о чём мечтал сколько себя помнил), собрав очередную порцию информации по Онассису и его дочери, я сам позвонил в КГБ. Мне ответили, что мой куратор в командировке, и порекомендовали не суетиться, что, если я понадоблюсь, мне позвонят. Такая отповедь оптимизма не внушала. Но я решил не отступать и продолжал выспрашивать сведения о Кристине Онассис у художницы Наталии А. и её бывалых подруг (в основном жён дипломатов, поживших за границей и о многом наслышанных).

— Кристина, совсем ещё тогда молоденькая, — рассказывала мне Наталия, — вопреки воле отца вышла замуж за сорокавосьмилетнего бизнесмена-плейбоя Джозефа Болкера. Это сильно возмутило Онассиса. К тому же у Джозефа уже было

четверо взрослых детей. Но я Кристину понимаю, сама когда-то была в подобном положении, когда отец значит в твоей жизни всё, а его фактически в твоей жизни нет, он где-то там… Это ведь сопоставимо — миллиардер Аристотель и мой папуля, от которого как от чрезвычайного и полномочного посла, высокопоставленного сотрудника МИДа зависели многие и многое… Кристина не видела отца, потому что он был в разводе с её матерью, Тиной, и мотался по миру. Я не видела, потому что папуля с мамулей постоянно находились в загранкомандировках, а я воспитывалась в дипинтернате и получала только письма и подарки от родителей. Но для меня, как, очевидно, и для Кристины, отец был мужчиной номер один в мире. Это неправильно, так не должно быть, но я поневоле всех своих ухажёров сравнивала с отцом, как представлялось, самым сильным, могущественным, красивым, — и сравнения были не в их пользу. Отсюда и интерес к взрослым, состоявшимся мужчинам. К тому же Кристина с рождения жила на самых роскошных виллах с многочисленной прислугой, в самых дорогих отелях и апартаментах Лондона, Стокгольма, Осло, Парижа, Буэнос-Айреса, Нью-Йорка… Даже куклы, в которые она играла, были одеты в платья, как говорили, специально для них сшитые самим Кристианом Диором. В детстве и отрочестве она дружила со многими знаменитостями, например с Грейс Келли, голливудской звездой, ставшей потом супругой князя Монако Ренье Третьего… Вот и сбежала она, восемнадцатилетняя, с тем самым Джозефом Болкером, риелтором из Лос-Анджелеса, который был старше её на тридцать лет!

— И как к этому Онассис отнёсся?

— Я же говорю: очень плохо. Был скандал, о котором много писали в западной прессе. Свадьбу Кристина и Джозеф играли в Лас-Вегасе. Кристина позвонила отцу, который в ту ночь отмечал на своём острове Скорпиос с Джеки Кеннеди её сорок второй день рождения. Звонок из Лас-Вегаса взбесил Аристотеля, он с детства, со Смирны не любил евреев, не доверял им, хотя по бизнесу ему постоянно приходилось иметь с ними дело. И он прокричал Кристине вместо поздравления, что лишает её наследства, что она не получит ни цента, пока будет находиться в браке с этим евреем. Она обиделась, бросила трубку. Чуть поостыв, Онассис стал перезванивать владельцу казино, в котором проходила свадьба.

— Зачем?

— Знал свою дочь.

— В каком смысле?

— В том смысле, что на другой же день в Лос-Анджелесе она

попыталась покончить с собой — и именно из-за реакции отца. Это была не первая её попытка суицида. Года за полтора до этого в Лондоне Кристина резала себе вены, расставшись с бизнесменом Петросом Гуландрисом, в которого была влюблена и который тоже был значительно старше… А с Джо Болкером Кристина прожила недолго, всего девять месяцев. Онассис дал ему отступных, наверное, достаточно, хотя сумма не озвучивалась, и он начал в Калифорнии бракоразводный процесс. «Мы жили в напряжении, — объяснил Джозеф. — Она ещё слишком молода и не смогла перенести разлуки с отцом». И я её очень хорошо понимаю, потому что такой отец, как Аристотель Онассис, как мой — стопроцентный мужчина — это своего рода крест для дочери…

— У Чехова есть рассказ «Пересолил» — так ты меня запугала этой ужасной Кристиной. А она не того… не лесбиянка?

— Не знаю, не знаю… Но знаю, что после каждой попытки покончить с собой Кристиной овладевает просто безумная жажда жизни, любви, все газеты, особенно «жёлтые», пестрят фоторепортажами о её фантастических увеселениях, карнавалах, оргиях в разных концах света!.. После смерти отца Кристина в третий раз вышла замуж — за бизнесмена Александроса Андреадиса, также старше её, из богатой семьи, но вскоре и с ним развелась со скандалом… Кстати, ты знаешь, кто любимый писатель Кристины?

— Гомер?

— Достоевский. В недавнем интервью она сказала, что разочарована в прагматиках и хотела бы познакомиться с русским. Так что не унывай, шанс есть!

Вскоре мне позвонил чекист Андрей и назначил встречу в сквере у памятника героям Плевны, где сообщил, что нельзя исключать прибытия нашей фигурантки в город-герой Москву.

— Она с твоим тёзкой по телефону познакомилась. Общаются. Намечается.

— Как по телефону, с каким тёзкой? — не понял я. — Что намечается?

— Роман. Она покорена его глубоким бархатистым баритоном и английским. Пока это вся информация. Ага, забегали глазки… Расстроился? Как говорил американский инженер человеческих душ Джеймс Болдуин, деньги — это то же, что секс: если их нет, ни о чём другом не думаешь…

— Да при чём здесь Болдуин?

— Короче, подтягивай свой английский. Ну и, конечно, биография папеньки у тебя от зубов должна отскакивать. Ты, например, в курсе, что основу капитала он сколотил в твоей

любимой Швеции в ту пору, когда другие стрелялись, кидались под поезда, выходили в окна, травились, топились и вешались?..

2

Я был в курсе. Мой друг Даг Хартелиус (будущий первый секретарь посольства Швеции в СССР, а ныне чрезвычайный и полномочный посол) раздобыл для меня в Гётеборге материалы о деятельности Аристотеля Сократеса Онассиса в Швеции и Норвегии в 1930-х годах.

Однако начался его бизнес, по большому счёту, всё же в Лондоне. В разгар мирового экономического кризиса — Великой депрессии. К тому времени Онассис-отец признал приоритет преуспевающего сына, и Аристотель стал главой всего семейного клана. (Не будем называть Онассисов мафиозным семейством, но вполне определённые общие черты с семьёй Корлеоне, например, из «Крёстного отца» налицо.) С одной стороны, это налагало дополнительные обязанности, в том числе и материальные, с другой — предоставляло дополнительные возможности использовать своих многочисленных родственников, на которых можно всецело положиться, поручая и доверяя им ответственные участки и управляя бизнесом.

Биографию Аристотеля Онассиса изучают во многих ведущих мировых институтах и колледжах управления. На лекциях отмечается, в частности, что важную роль в успехе играет умелое использование принципа обратной связи, то есть умения делать верные выводы из собственных удач и неудач, вовремя реагировать на изменившуюся ситуацию и соотношение сил. И эффективная обратная связь при реализации принятых управленческих решений всегда была сильной стороной Онассиса, помогая добиваться успеха там, где он казался нереальным. Отмечается его «умение использовать вновь открывающиеся возможности, которое является естественным следствием эффективного владения принципом обратной связи».

Впрочем, Онассис не был теоретиком. С отрочества он был практиком. Оставив дерзкую для двадцатилетнего юнца идею завладеть русским линкором «Император Александр III» длиной 168 метров и водоизмещением 23 400 тонн, он решил поднять со дна океана старый морской бот водоизмещением семь тысяч тонн и вновь пустить его в плавание. Родственники, знакомые, в том числе графиня Екатерина и сам знаменитый певец танго Карлос Гардель отговаривали Аристо от этой безнадёжной затеи. Но он поступил по-своему: снял с банковского счёта деньги и поднял

бот, восстановил его в доке Боки и сделал настоящим кораблём. Назвал он свой первый корабль, как уже говорилось, в честь своей возлюбленной — «Мария Протопапас», то есть «Мария Протопопова». Графиня, приезжавшая в док понаблюдать за работами Аристо, сравнивала его с Улиссом, то есть Одиссеем (и это приживётся, Онассиса многие будут соотносить, не без лести, с героем Гомера). А строки из «Одиссеи» в данном случае действительно звучат как развёрнутая метафора:

> …Место ему показав, где была та великая роща,
> В грот свой глубокий Калипсо, богиня богинь, возвратилась.
> Начал рубить он деревья и скоро окончил работу;
> Двадцать он брёвен срубил, их очистил, их острою медью
> Выскоблил гладко, потом уровнял, по снуру обтесавши.
> Тою порою Калипсо к нему с буравом возвратилась.
> Начал буравить он брусья и, все пробуравив, сплотил их,
> Длинными болтами сшив и большими просунув шипами;
> Дно ж на плоту он такое широкое сделал, какое
> Муж, в корабельном художестве опытный, строит на прочном
> Судне, носящем товары купцов по морям беспредельным…
> ……
> День совершился четвёртый, когда он окончил работу.
> В пятый его снарядила в дорогу богиня Калипсо.
> Баней его освежив и душистой облекши одеждой,
> Нимфа три меха на плот принесла: был один драгоценным
> Полон напитком, другой ключевою водою, а третий
> Хлебом, дорожным запасом и разною лакомой пищей.
> Кончив, она призвала благовеющий ветер попутный.
> Радостно парус напряг Одиссей и, попутному ветру
> Вверившись, поплыл…

Во время первого же шторма, вызванного циклоном, корабль затонул. Аристотель, обычно стойко, с юмором переносивший поражения и утраты (воровали деньги, сгорел банк на Сан-Тельмо, притом в буквальном смысле — дотла, его ограбили, приставив нож к горлу в одном из борделей Боки, да мало ли!), на сей раз сильно переживал — не без воздействия графини, узревшей в этом дурной знак. И она буквально за руку привела его в единственный в Буэнос-Айресе православный русский храм — Святой Троицы, к настоятелю Константину Изразцову.

Осведомившись по-гречески, как давно Аристотель исповедовался и причащался, и узнав, что это было ещё в Смирне до резни и исхода, отец Константин попросил молодого человека рассказать о себе.

Через много лет Онассис признался Марии Каллас, что никогда прежде ни перед кем так не открывался: он, сызмальства привыкший к необходимости быть закрытым, защищаться, в любой момент ожидать удара, сам от себя не ожидал такой откровенности. В тот поздний час в храме никого кроме них не было. Графиня молилась в углу перед иконой святого Иоанна Кронштадтского. Мерцали свечи, пахло воском, ладаном. Аристо тихо рассказывал отцу Константину свою жизнь. Ему нужно было, может быть, и не осознанно, открыть душу, очиститься — чтобы поверить в то, что он находится на своём пути. (Язык не поворачивается назвать Аристотеля Сократеса Онассиса человеком богобоязненным, но он исповедовался, причащался и помногу жертвовал на Церковь, часто тайно.)

Внимательно выслушав рассказ об изуверствах в Смирне, о нравах, царящих в Боке, о том, с чем пришлось столкнуться молодому человеку в бизнесе, отец Константин никого осуждать не стал, а просто, как в обычной беседе, привёл примеры из жизни своих знакомых, рассказал о земляке отца Аристотеля, Сократа Онассиса, святителе Василии Великом, архиепископе Каппадокийском, утверждавшем в своих «Нравственных правилах», что кающимся недостаточно ко спасению одно удаление от грехов, но потребны им и плоды, достойные покаяния, и что по отшествии из сей жизни нет уже времени для добрых дел; что очистившись от всякой ко всем ненависти, должно любить и врагов, а за друзей, когда потребует сего нужда, полагать душу, имея такую же любовь, какую возымел к нам Бог и Христос Его; что не должно лгать, но во всяком случае надобно говорить истину; что всё противоположное воле Господней есть соблазн и должно отсекать всё соблазняющее, хотя оно, по-видимому, весьма близко к нам и необходимо для нас; что должно собирать себе сокровище не на земле, а на небе…

— …Не сотвори греха смертного и проклятия бойся пуще самой смерти, иначе как в Писании — до седьмого колена… — Отец Константин перекрестился пред иконой Девы Марии. — Пресвятая Богородица, спаси нас, помоги ему… Аминь!..

3

Итак, после поездки в Грецию Аристотель Онассис стал

самым молодым почётным консулом своей страны.

Дипломатическая деятельность открывала новые горизонты, о которых прежде он имел смутное представление. Поначалу это его немало тяготило, казалось, что впустую тратит время, но постепенно он втянулся. К нему стали обращаться с самыми разными проблемами, от иммиграции до депортации, ему приходилось выступать арбитром в спорах владельцев греческих судов с аргентинскими портовиками. Он научился разбираться в тонкостях, правовых особенностях регулирования шиппинга, судоходства, в видах ограничений ответственности судовладельца — абандона, вещной, экзекуционной, выводе «под флаг», передаче судов в бербоут-чартер, крюинг-менеджменте, то есть в наборе и правах плавсостава…

Вникая в детали, консультируясь с латиноамериканским представителем *Tidewater Oil Company* (входившей в империю одного из первых в истории долларовых миллиардеров Пола Гетти) Стивом Хоккинсом, с которым у себя в салоне его свела всё та же «добрая фея» графиня Екатерина, Онассис приходил к судьбоносному для себя выводу: судоходство поможет ему осуществить мечту стать по-настоящему богатым человеком.

По сути, к началу мирового экономического кризиса относительно богатым Аристотель Онассис уже был. Но главное — он, как мало кто в мире, оказался подготовленным к тому, чтобы выстоять в Великой депрессии.

О готовности общества и отдельно взятого индивида к тому или иному повороту истории (социальной революции, военному перевороту, войнам, застою, кризису, ускорению, перестройке и т. п.) можно рассуждать бесконечно.

Нам, жившим в России во второй половине XX века, довелось стать очевидцами «проверки» готовности, и выяснилось, что готовы оказались далеко не все те, кто загодя выказывал готовность, и вновь подтвердилась (конечно, относительно) вечная евангельская истина о том, что «будут последние первыми, и первые последними, ибо много званых, а мало избранных». Это в высоком духовном смысле. По отношению же к нашему герою мы говорим о сугубо материальной готовности: в ключевой момент он оказался здоров, молод, но уже опытен, чрезвычайно энергичен, предприимчив, восприимчив, коммуникабелен, мобилен, расчётлив, оборотист, готов не просто к риску, но к игре ва-банк и блефу… Сказалась, конечно, и одна из самых важных предпосылок успеха — улыбка Фортуны, а попросту говоря, фарт.

С трёх «чёрных» дней в октябре 1929 года началась Великая депрессия. В «чёрный четверг» 24-го на Бирже США произошёл обвал цен акций, принявший катастрофические масштабы в

«чёрный понедельник» 28-го и в «чёрный вторник» 29-го вызвавший биржевой крах на Уолл-стрит.

По сей день экономисты мира спорят о причинах Великой депрессии. Особенно много и гулко ломается копий во время экономических кризисов. Но единого мнения не существует. Написаны тысячи страниц о нехватке денежной массы (так называемое кейнсианское объяснение) в связи с жёсткой привязкой денег к золотому запасу без учёта стремительного роста производства, увеличения товаров, в том числе новых автомобилей и самолётов, — перепроизводства (по Марксу) и дефляции, падения цен, финансовой нестабильности и банкротства многих предприятий; о монетаризме, то есть о том, что Великую депрессию вызвала преступная политика Федеральной резервной системы США; о неожиданно (!) стремительном приросте населения и увеличении продолжительности жизни; о Законе Смита-Хоули в 1930 году, вводившем высокие таможенные пошлины на импортные товары, и протекционистском повышении цен на дешёвый импорт, что резко снизило и без того ничтожную покупательную способность населения…

Среди причин Великой депрессии называются также резкое сокращение военных заказов после Первой мировой войны, маржинальные займы, то есть возможность приобрести акции компаний, внеся всего десять процентов от их стоимости (что было чрезвычайно популярно в 1920-е годы, когда все, и наш герой в том числе, играли на рынке акций), но брокер в любой момент имел право потребовать уплаты долга, и его необходимо было вернуть в 24 часа. Именно эти так называемые маржевые требования, предъявленные массово, 24 октября 1929 года привели к краху шестнадцати тысяч банков, что позволило международным банкирам скупить не только банки конкурентов, но и за гроши — крупнейшие американские компании, после чего был отменён золотой стандарт США и под предлогом борьбы с последствиями депрессии по сути конфисковано золото у населения…

В результате — десятки миллионов безработных в индустриально развитых странах, голод, эпидемия самоубийств, резкое увеличение количества сторонников как коммунистических, так и правоэкстремистских, фашистских партий — в Германии, например, к власти пришла Национал-социалистическая немецкая рабочая партия, предложившая своеобычный и эффективный выход из кризиса.

Словом, экономисты по сию пору спорят, а удачливые на этих спорах и неплохо зарабатывают. Прослеживая биографию

Аристотеля Онассиса (который и состоялся как один из крупнейших в истории бизнесменов именно на волне цунами всемирного экономического кризиса), мы разбираться в этих спорах не станем, а приведём лучше два мнения, доходчивее лукавых экономистов охарактеризовавшие Великую депрессию, — выдающегося писателя и выдающегося политика того времени.

«То, над чем трудились корни виноградных лоз и деревьев, — писал Джон Стейнбек в романе „Гроздья гнева“ (1939), — надо уничтожать, чтобы цены не падали, — и это грустнее и горше всего. Апельсины целыми вагонами ссыпают на землю. Люди едут за несколько миль, чтобы подобрать выброшенные фрукты, но это совершенно недопустимо! Кто же будет платить за апельсины по двадцать центов дюжина, если можно съездить за город и получить их даром? И апельсинные горы заливают керосином из шланга, а те, кто это делает, ненавидят самих себя за такое преступление, ненавидят людей, которые приезжают подбирать фрукты. Миллионы голодных нуждаются во фруктах, а золотистые горы поливают керосином. И над страной встаёт запах гниения.

Жгите кофе в пароходных топках. Жгите кукурузу вместо дров — она горит жарко. Сбрасывайте картофель в реки и ставьте охрану вдоль берега, не то голодные всё выловят. Режьте свиней и зарывайте туши в землю, и пусть земля пропитается гнилью.

Это преступление, которому нет имени. Это горе, которое не измерить никакими слезами. Это поражение, которое повергает в прах все наши успехи. Плодородная земля, прямые ряды деревьев, крепкие стволы и сочные фрукты. А дети, умирающие от пеллагры[5], должны умереть, потому что апельсины не приносят прибыли. И следователи должны выдавать справки: смерть в результате недоедания, потому что пища должна гнить, потому что её гноят намеренно.

Люди приходят с сетями вылавливать картофель из реки, но охрана гонит их прочь; они приезжают в дребезжащих автомобилях за выброшенными апельсинами, но керосин уже сделал своё дело. И они стоят в оцепенении и смотрят на проплывающий мимо картофель, слышат визг свиней, которых режут и засыпают известью в канавах, смотрят на апельсинные горы, по которым съезжают вниз оползни зловонной жижи; и в глазах людей поражение; в глазах голодных зреет гнев…»

«Результатом затяжного экономического кризиса, — констатировал в своём отчётном докладе XVII съезду партии („Съезду победителей“) о работе ЦК ВКП(б) в 1934 году руководитель Советского государства И. В. Сталин, — явилось

небывалое доселе обострение политического положения капиталистических стран как внутри этих стран, так и между ними. Усиление борьбы за внешние рынки, уничтожение последних остатков свободной торговли, запретительные таможенные пошлины, торговая война, война валют, демпинг и многие другие аналогичные мероприятия, демонстрирующие крайний национализм в экономической политике, обострили до крайности отношения между странами, создали почву для военных столкновений и поставили на очередь войну, как средство нового передела мира и сфер влияния в пользу более сильных государств…

<…> Ещё больше обостряется, ввиду действия тех же факторов, внутреннее положение капиталистических стран. Четыре года промышленного кризиса истощили и довели до отчаяния рабочий класс. Четыре года сельскохозяйственного кризиса разорили вконец неимущие слои крестьянства не только в основных капиталистических странах, но и — особенно — в зависимых и колониальных странах. Это факт, что, несмотря на всякие статистические ухищрения, имеющие своей целью преуменьшение числа безработных, количество безработных по официальным данным буржуазных учреждений доходит в Англии до 3 млн, в Германии до 5 млн, в США до 10 млн, не говоря уже о других странах Европы. Добавьте к этому частично безработных, количество которых превышает десяток миллионов, добавьте миллионные массы разорившихся крестьян, — и вы получите приблизительную картину нужды и отчаяния трудящихся масс. Народные массы не дошли ещё до того, чтобы пойти на штурм капитализма, но что идея штурма зреет в сознании масс, — в этом едва ли может быть сомнение…»

4

Солнечным утром 17 октября 1932 года нога нашего героя ступила на землю Туманного Альбиона.

Если бы Аристотель читал доклад товарища Сталина «Съезду победителей», то, возможно, признал бы его правоту. Столицу Альбиона сотрясала невиданная с довоенных времён забастовка безработных рабочих и примкнувших к ним разорившихся фермеров, клявшихся в любви к королю Георгу V и проклинавших правительство, девальвировавшее старый добрый фунт стерлингов. (В тот день, кстати, Великобритания расторгла торговый договор с Советским Союзом.)

Для Аристо «лакмусовыми бумажками» ситуации в Лондоне

(самом дорогом городе мира, как считалось в Буэнос-Айресе) стали обед в ресторане на Пиккадилли, обошедшийся всего в полтора фунта, молоденькая белокурая проститутка (явно начинающая, неискушённая в платной любви), обошедшаяся в три фунта за ночь, и обилие коммерческой информации, сообщавшейся всюду, от центральных газет до стен и заборов. Тысячи агентств и агентов по купле-продаже всего, что только можно купить и продать, заполонили Лондон, показавшийся нашему герою колоссальным термитником.

К сожалению, нам немногое известно о том историческом вояже 26-летнего предпринимателя, в который он отправился на свой страх и риск, захватив все свои сбережения — 600 тысяч долларов. Факт тот, что Онассис оказался в нужное время в нужном месте. Шесть канадских сухогрузов тоннажем от 8500 до 10 тысяч тонн, стоивших два миллиона долларов каждый, в Лондоне он умудрился купить не за 12 миллионов, а в 100 раз дешевле (!) — за 1 миллион 200 тысяч долларов. В учебниках по бизнесу эта сделка и по сей день значится беспрецедентной, одной из самых невероятных в истории.

Сам он потом шутливо рассказывал Марии Каллас: «Когда я прилетел в Лондон, корабли шли за бесценок, по цене „роллс-ройсов“. И мне ничего не оставалось, как только прикупить несколько. Я в Лондоне много чего накупил, например, отличный твидовый пиджак, фетровую шляпу, мне там многое понравилось, так что вернулся с пустыми карманами. Отменный был шопинг. С него, собственно, всё и началось».

Отвергнув предложения многочисленных крюинговых агентств, Онассис сам производил крюинг, то есть набирал команды, беседуя с каждым кандидатом по отдельности, расспрашивал о родителях, о детстве, предыдущих работах, торговался, убеждал, что ситуация ныне тяжёлая, как и повсюду, и платить почти нечем, но перспективы блестящи.

О феноменальной памяти Онассиса среди моряков его флотилии ходили легенды. Он, например, будучи владельцем самого крупного частного флота *XX* века, мог прилететь вертолётом на один из своих танкеров, находящихся далеко в океане, и как бы между прочим поздравить, притом почти на любом языке, какого-нибудь рядового члена команды с днём рождения, называя по имени, осведомиться, не родила ли его жена и как чувствует себя тёща и помогли ли дедушке пилюли от подагры… Подозревали подвох, пытались выяснить, у кого он мог разузнать столь личностную информацию, но объяснений не находили, кроме одного — феноменальной природной памяти хозяина.

Летом 1986 года в греческом порту Пирей автору этих строк довелось выпивать (начав с розового кокинелли и рицины, продолжив узо и закончив крепчайшим ципуро) с бывшим старпомом одного из крупнейших нефтеналивных танкеров империи Онассиса Маркосом Ламбракисом, который и тогда ещё оплакивал безвременно ушедшего патрона.

— Будь ты простым матросом, боцманом, стармехом или старпомом, не говоря уж о капитане, ты всегда поминал его добрым словом из-за человеческих условий на судне, которые он создал, вот все члены команды и были заинтересованы в результативной работе.

— Да полноте! — не верил я.

— От этого напрямую зависел заработок. Ты никогда не знал, в какой момент и откуда он появится. Даже в нелётную погоду мог спуститься по верёвочной лестнице с неба, как Зевс, он и внешне его чем-то напоминал, или всплыть на подводной лодке, как Посейдон, и, случалось, с такими наядами, что дух захватывало… Всегда весёлый, он шутя решал вопросы…

— Какие вопросы? — пытал я.

— Ну, например, когда после военного переворота в Вальпараисо танкер арестовали и нас с кэпом едва не поставили к стенке за якобы незаконное пересечение границы Чили и контрабанду, которой на самом деле не было, просто на место Альенде пришёл Пиночет, у которого было плохо с чувством юмора, — так хозяин ночью прилетел с другого конца света, хотя уже нездоров был, и всё тут же уладил чуть ли не лично с самим генералом Пиночетом… Он умел, а больше таких, как наш хозяин, не было, я много повидал, поверь мне!..

Это, уже женившись, Аристотель позаимствовал у своего тестя, миллиардера-судовладельца Ливаноса, и подкупающую манеру шутить, едва взойдя на борт судна, и как-то по-особому располагать к себе, похлопывая по плечу и пожимая всем членам экипажа руки.

Когда в светском обществе Ливаносу выражали умиление по поводу столь наглядного проявления демократизма и близости к простому народу, он пояснял, что таким образом проверяет степень мозолистости рук и, следовательно, усердия матросов, которым платит.

5

Аристо отнюдь не сразу решил использовать купленные по цене «роллс-ройсов» огромные и почти новые пароходы по

назначению. До поры до времени, словно в ожидании своего часа, они приносили прибыль в качестве хранилищ, так как построить склад для хранения, например, зерна в районе Буэнос-Айреса стоило неимоверно дорого (в основном по причине взяток), к тому же налоги на недвижимость беспрерывно росли. Сухогрузы Онассиса пользовались спросом, заявки на его плавучие склады поступали из многих стран, торговавших с Латинской Америкой.

По совету и при финансовом участии графини Екатерины один из сухогрузов был перестроен и переоборудован в круизный пароход типа «Олимпик», чем-то напоминавший «Титаник» — настоящий отель на воде. (Кстати, в дальнейшем почти все корабли неисчислимой флотилии Аристотеля Онассиса, даже нефтеналивные танкеры, будут отличаться комфортабельностью; он всегда уделял внимание условиям жизни моряков, тогда как на судах других владельцев случались из-за дурных условий и бунты.)

И с лёгкой руки русской графини этот пароход, названный Аристотелем греческим именем «Екатерина» (то есть чистая, великая, властная), в начале 1930-х годов стал совершать круизы сперва вдоль берегов Аргентины и Уругвая, а затем и вокруг всей Южной Америки, заходя в порты Чили, Перу, Эквадора, Колумбии, Коста-Рики, Гондураса, Кубы, Гаити, Венесуэлы, Бразилии… Постепенно «Екатерина» превратилась в первый в своём роде и крупнейший в мире плавучий публичный дом.

— Большего сюрреализма я в своей жизни не видывал, — рассказывал в 1979-м в Гаване автору этих строк известный кубинский живописец Рене Портокарреро. — Мне было двадцать, когда мы с друзьями, молодыми кубинскими художниками, музыкантами и поэтами, оказались на «Екатерине». Она была, конечно, обустроена, но всё-таки оставалась сухогрузом, баржей, возившей бананы, апельсины, всяческие фрукты…

— Но каюты были?

— Да, были, и даже бассейн! Баржа-бордель! Никто тогда, конечно, не знал никакого Онассиса, но все были влюблены в русскую графиню. В тот раз «Екатерина» была зафрахтована накануне Рождества *United Fruit Company,* мы нанялись грузчиками: колумбийские бананы, пепино, маракуйя, анноны, авокадо, ананасы везли в Нью-Йорк. Если бы ты мог себе представить, что это был за фруктово-сексуальный рейс! Два десятка писаных красавиц, а иных графиня не держала, отдавались прямо в этом фруктовом сочащемся раю, да ещё при сильной качке! Блондинки, мулатки, чернокожие визжат, вопят, кувыркаются в мякоти и соку папайи, цитрусовых!.. — пританцовывая перед мольбертом, всё яростнее, казалось,

набрасывая с палитры на холст краски, народный художник Кубы вспоминал молодость. — Представляешь, что за фрукты оказались у этих сраных янки на рождественском столе!

— Сочиняете! Впрочем, как говорят у нас: не любо — не слушай, а врать не мешай…

— Да я именно там, на «Екатерине», по-настоящему и стал живописцем, но так никогда и не смог отобразить на холсте увиденное! Говорили, что и сам хозяин порой совершал сладостные фруктовые рейсы на «Екатерине». Хотя, конечно, его и в молодости, да и всю жизнь интересовали только деньги, он до мозга костей капиталист, с такими мы на Кубе в революцию под водительством Фиделя раз и навсегда расправились, покончили!..

6

Использование грузовых судов под склады Онассис поставил, как и всё, за что брался, на промышленную основу, с размахом, и зарабатывал серьёзные деньги. Не оставлял и табачный бизнес.

Говорили, что Аристотель в то время, в возрасте 25–30 лет, был похож на Наполеона Бонапарта. Совсем небольшого роста — 163 сантиметра, коренастый, необычайно подвижный, с горящим взглядом, волевым подбородком и чувственными губами, способный спать три-четыре часа в сутки и неустанно трудиться, он смело брался за неизведанное, будто следуя наполеоновскому завету, что главное — ввязаться в схватку, а там уж битва план покажет.

В Норвегии Онассис познакомился с Андерсом Яре, весьма состоятельным владельцем крупнейшей рыболовецкой базы в Сандерфьорде, китобойной столице Скандинавии. И, как он это умел, обаял китобоя настолько, что тот предложил молодому энергичному греку долю в бизнесе, то есть проценты от дохода одного из своих китобойных заводов. И не прогадал. Аристотель быстро освоился в китобойном промысле, сам принимал участие в плаваниях, бил из гарпунной пушки усатых и зубастых китов-сейвалов, полосатиков, горбачей, гренландских синих и серых, кашалотов, клюворылых, бутылконосов…

Он много лет занимался китобойным промыслом, а отвратили его от этого прибыльного и кровавого бизнеса не столько постоянные нападки «зелёных», запреты правительств, судебные разбирательства и штрафы, сколько Мария Каллас, которую он взял однажды с собой на китобойное судно и которая увидела, как плачет китёнок по убитой на его глазах маме…

Но об этом — позже.

Неудач, поражений, провалов, утрат на пути Аристотеля Онассиса было много, но он их умел преодолевать и не сдаваться. Как мы знаем, образования у него почти не было, университетов, как говорится, он не кончал. Но если бы приобретённые им в процессе предпринимательской деятельности знания можно было систематизировать и экстраполировать на университетские программы, то стало бы очевидно, что наш герой окончил, притом с отличием, несколько факультетов. А именно: иностранных языков, дипломатии, психологии, международной экономики, юридический, журналистики и рекламы, географии и даже геополитики…

С 1929 по 1936 год он побывал во многих странах: Панаме, Кубе, США, Италии, Испании, Греции, Франции, Великобритании, Бельгии, Голландии, Норвегии, Швеции… Формально — по своему табачному бизнесу (приобретавшему глобальный характер, как всё, к чему имел отношение Аристотель Онассис), по сути — как бы проводя тотальный всемирный маркетинг: его всё больше занимали корабли и корабелы.

И ещё одним факультетом, на котором наш герой продолжал учиться до конца своих дней, был факультет любви.

В 1934 году на теплоходе «Август» норвежец Андерс Яре представил своего юного друга-партнёра, как он называл Аристо, некоей высокой, метр семьдесят четыре, голубоглазой блондинке по имени Ингеборг Дедикен. Поначалу низкорослый грек не произвёл на даму впечатления, запомнился лишь явно не скандинавским блеском маслиновых глаз.

Несколько дней спустя, выйдя утром из своей виллы и садясь в «роллс-ройс», она заметила этот блеск на другой стороне улочки, в тени пихт. То же — вечером, то же — следующим утром…

Через неделю она обратила на это внимание своего мажордома. Тот вознамерился было позвонить в полицию, но хозяйка, не так давно оставившая своего второго мужа и скучавшая, вместо этого велела пригласить настойчивого молодого человека, имени которого не запомнила, к себе на чашку кофе. Он представился тренером по плаванию, она, смерив коротышку взглядом, скептически усмехнулась и предложила её «чему-нибудь новенькому научить» тут же, в домашнем бассейне; Ингеборг имела личного тренера и была одной из лучших пловчих брассом.

Аристо стал разучивать с ней новый, никому ещё не известный стиль плавания «дельфином» или «бабочкой», при котором плечи опускаются вниз, бёдра поднимаются выше, отчего по телу как бы проходит волна, и биение ног в унисон подобно

хвосту дельфина или русалки… И, по признанию самой Ингеборг, она была захвачена, как Троя эллинами, но практически без осады, с первого приступа, обессиленная постижением основ баттерфляя. Онассис прямо в бассейне, на бортике, подверг, как сказал бы Михаил Булгаков, запыхавшуюся норвежку неистовой французской любви.

Так завязался роман нашего героя незнатного, мягко говоря, происхождения с Ингеборг, Ингезе Дедикен, оказавшейся (какая неожиданность!) дочерью одного из крупнейших в Скандинавии судовладельцев, который прослеживал своё происхождение от представителя древнего шотландского герцогского дома Клерков, Ингевальда Брайда. Ингезе, будучи старше и, как представляется, гораздо искушённее Аристотеля, только поначалу уверяла свою компанию норвежско-шведских миллионщиков, что «знавала и лучших секс-атлетов». Она быстро сдалась на волю победителя. «Никогда прежде я не испытывала такого пронзительно-дикого чувственного блаженства», — писала Ингезе в своих воспоминаниях «Тот самый Аристо».

Он называл её «Мамита», она его — «Мамико». Она охотно всем рассказывала о приобретённом с ним сексуальном опыте. «Ни у одного из моих мужей не было такой кожи, которую так нравилось бы гладить, как у него. Мы тонули в своих желаниях…» Инга в основном жила в Париже, где однажды попробовала, какая кожа у голландского дирижёра. Онассис, узнав об этом, вознегодовал.

Кстати, по мнению известной шведской феминистки, доктора Карин Лиден, моей давней знакомой, первая волна легендарной сексуальной революции прокатилась по Скандинавии именно тогда, в середине 1930-х годов, но разбилась о «лютый волнорез фашизма и начинавшейся мировой войны». Поднялась же эта волна во многом благодаря Ингезе Дедикен, а именно её шокирующим почтенную публику откровенным интервью («жёлтая» пресса уже тогда цвела и пахла).

Карин Лиден считает, что Ингезе, дама со связями, познакомила Аристотеля со многими известными людьми, в том числе, например, со своей подругой, шведской актрисой Гретой Ловисой Густафссон — Гретой Гарбо, к тому времени уже голливудской звездой, сыгравшей (до и после знакомства с Онассисом) главные роли во всемирно известных фильмах «Соблазнительница», «Плоть и дьявол», «Любовь», «Божественная женщина», «Дикие орхидеи», «Поцелуй», «Какой ты меня желаешь», «Мата Хари»…

История умалчивает, был ли у Прекрасного Сфинкса, как называли Грету Гарбо, роман с Аристотелем Онассисом. Карин,

воинствующая феминистка и ярая поклонница Греты, уверяла, что её великая соотечественница стала единственной женщиной, которая отказала Аристотелю. Но многие биографы, к коим присоединяется и автор этих строк, сомневаются. Так или иначе, но связующая Гарбо и Онассиса нить, оказавшись на редкость прочной, протянулась через всю их жизнь, и мы ещё не раз её затронем.

7

К тому времени, когда эллин покорил дочь викингов, её отец Ингевальд Брайд уже упокоился, покинув бренный мир. И члены круга избранных, к которому он принадлежал — ведущие политики и крупнейшие предприниматели Скандинавии, — считали своим долгом опекать, оказывать всяческую поддержку его дочери, что пришлось весьма кстати для начинающего греко-аргентинского бизнесмена.

«Он <Онассис> казался мне на первых порах застенчивым, робким в обществе, — вспоминала Ингеборг. — Я представляла его знакомым отца — он смущался, притом так мило, что у многих, особенно когда узнавали его биографию — утрата любимой матушки, спасение от резни в Смирне, голод, лишения, эмиграция, — возникало желание принять участие в его судьбе. Постепенно я стала замечать, что Мамико охотно знакомится со многими, но потом общается, встречается только с теми людьми, которые были или могли быть полезны ему в бизнесе, будь то в Норвегии, Франции или Швеции… Представляя его своей матери, я опасалась его неуёмной энергии, волновалась, как бы чего не вышло — мама не жаловала моих мужей и ухажёров, изначально заглядывавшихся на деньги отца. Но Мамико мама сразу приняла. „Мамма! О, мамма!“ — завопил Аристо в восторге, едва она вошла в гостиную, и бросился покрывать поцелуями её руки от кончиков пальцев до локтей. Я даже немного взревновала, зная, как Мамико умеет вызвать нежную материнскую любовь к себе…»

И Онассис, судя по всему, ревновал Ингезе — и к прошлому, и к настоящему. Он устраивал по-южному бурные сцены ревности, мало свойственные скандинавам. Однажды, в снежное Рождество в Стокгольме, приревновав её к члену королевской фамилии, танцевавшему с ней весь вечер, Аристотель, к изумлению и восторгу всей компании, прямо посреди Гамла-стан (Старого города) поколотил Ингеборг.

«Настоящий Отелло! — восхищались подруги. — Не то что наши лысые анемичные импотенты с рыбьими глазами!» И это,

как ни странно, ещё больше привязало герцогиню к Аристотелю.

С тех пор он не раз её поколачивал. Однажды в Париже он отмутузил Ингеборг, вернувшуюся под утро с «девичника» со следами страстных поцелуев на шее и без нижнего белья, так, что пришлось срочно везти её в больницу накладывать на лицо швы. Потом Аристо стоял перед ней на коленях и вымаливал прощения. Ни одну женщину в жизни Онассис не ревновал так, как Ингезе. Быть может, и не любил так.

Встал вопрос о браке. Но поначалу помехой были знатное происхождение и огромное состояние Ингеборг — воспротивились её высокородные родственники сразу из нескольких стран Европы, а также отцовские партнёры по бизнесу. Да и сама она, дважды, напомним, разведённая, в третий раз под венец не торопилась, обожая своего Мамико, но побаиваясь его беспредельной «чёрной болезни», как называют скандинавы ревность.

Несколько лет жизни Ингезе посвятила, по мнению доктора Карин Лиден, становлению Онассиса как крупного, уже мирового масштаба бизнесмена. Позже герцогиня Дедикен сама возжелает узаконить отношения с Онассисом, но у него уже появятся другие интересы.

А пока в Гётеборге, столице шведского судостроения, вместо одного из филиалов бывшей империи Ингевальда Брайда появилась новая неприметная верфь: «А. С. Онассис, Гётеборг лтд».

Но недолго верфь оставалась неприметной. Вскоре в порту Роттердама один из пароходов Онассиса был задержан якобы по причине болезни кока. Сославшись на тонкости морского законодательства, консул Греции в Роттердаме не дал согласие на разгрузку корабля. Узнав об этом в Лондоне, Онассис сразу вылетел в Голландию. (Он первым из крупных бизнесменов стал активно летать по миру, притом как на огромные, межконтинентальные расстояния, так и на короткие, ценя каждую минуту, — до этого предпочтение отдавалось водному и наземному транспорту; Онассис и в этом был первооткрывателем.) Уже через несколько часов владелец гётеборгской верфи перерегистрировал тот же корабль под панамским флагом.

— Вот так, мой друг, — радушно улыбаясь, пожал руку поднявшемуся на корабль греческому консулу Аристотель. — Это наш флаг. А вы — лишь уважаемый гость на панамском корабле.

Считается, что этим Онассис положил начало хождению судов под «удобными» иностранными флагами, то есть флагами тех государств, чьи правительства предоставляют наиболее

льготный режим, без чего нынешнее судоходство невозможно представить. Тогда об этом писали многие газеты. Онассис обретал известность, хотя точно никто не мог сказать, чем именно этот шустрый грек занимается — табаком, складами, кораблями, женщинами, оружием, нефтью?.. — и в какой стране.

В 1936 году, в день своего тридцатилетия (как многие честолюбцы, он был неравнодушен к юбилеям и знаменательным датам), Онассис совершил вполне безумный, по мнению большинства бизнесменов в мире, шаг: на судоверфи в Гётеборге начал строительство своего первого танкера, и сразу с рекордным для того времени водоизмещением — 15 тысяч тонн. (Самые ходовые тогда суда имели водоизмещение восемь-девять тысяч тонн; судно водоизмещением 12 тысяч считалось гигантом.) Название танкера придумалось сразу, в день рождения — «Аристон», в честь себя, любимого. Некоторые биографы полагают, что назвала так строящийся танкер Ингезе, сделав эдакий королевский подарок своему пылкому и ревнивому возлюбленному.

Торг о цене постройки был долгим и жарким (это уже не стоимость «роллс-ройса», как во времена недавней Великой депрессии). Сошлись на 160 тысячах фунтах стерлингов. Притом лишь 25 процентов Онассис обязывался выплатить во время постройки, остальное — в течение десяти лет под 4,5 процента годовых, что было неслыханно выгодно, учитывая вдобавок и то, что ему удалось добиться заключения контрактов на перевозку нефти на целый год вперёд с солидной предоплатой. То есть своих денег он не истратил ни цента — и это станет одним из принципов бизнеса Аристотеля Онассиса.

Большие танкеры в то время у судовладельцев были не в чести: цены самого горючего и его перевозки слишком резко колебались, бизнес был слишком рискованным. Большинство устраивала стабильная прибыль от эксплуатации судов малого и среднего тоннажа.

«В то время люди считали меня сумасшедшим, вспоминал Онассис. — Они воспринимали нефтеналивное судно так же, как в наши дни воспринимают атомную бомбу: очень опасно в обращении… Я же смотрел в будущее…»

8

Учителя Аристотеля Онассиса.

(Отступление первое, которое лишний раз подтверждает, что XX век — век нефти.)

Когда Джон Рокфеллер был молод, он говорил, что у него есть две мечты — заработать 100 тысяч долларов и дожить до 100 лет. Он умер, не дожив двух месяцев до своего 98-го дня рождения. Но с первой задачей Рокфеллер справился на ура.

И многим в своём несомненном успехе (!) он обязан нефти, а точнее — керосину. Долгое время он возглавлял корпорацию «Стандард ойл компани».

Когда-то Рокфеллер наткнулся на настоящую золотую жилу: вечером во всех домах, от дворцов Вандербильтов и Карнеги до лачуг китайских эмигрантов, загорались керосиновые лампы, а керосин, как известно, делают из нефти. Компаньон Рокфеллера Морис Кларк говорил: «Джон верил только в две вещи на земле — в баптистское вероучение и нефть».

Джон Рокфеллер познакомился с химиком (имя его неизвестно), который рассказал ему про керосин. Так была основана компания «Стандард ойл». Рокфеллер занялся поисками нефти. В начале своей деятельности будущий миллиардер заметил, что весь нефтяной бизнес представляет собой какую-то сумбурную машину. Он понимал, что, только наведя порядок в работе, можно будет думать о каком-то коммерческом успехе. Этим он и занялся с партнёром. Для начала был создан устав фирмы. Чтобы мотивировать сотрудников, Рокфеллер на первых порах решил отказаться от заработной платы, премируя их акциями. Он полагал, что благодаря этому они будут активнее работать, считая себя частью компании. Да и их конечный доход будет зависеть от успешности бизнеса.

«Стандард ойл» стала приносить прибыль, а Рокфеллер начал постепенно скупать другие нефтяные компании. По одному, небольшие предприятия, которые не могли стоить слишком дорого. Такая стратегия не нравилась многим американцам. Рокфеллер договаривался с железнодорожными компаниями о регулировании транспортных цен, таким образом «Стандард ойл» получила более низкие цены, чем у конкурентов: за перевозку бочки нефти она платила 10 центов, тогда как конкуренты — 35 центов, причём разница в 25 центов с каждой бочки шла в карман Рокфеллеру. Конкуренты не могли ему противостоять, Рокфеллер поставил их перед выбором: объединение с ним либо разорение. Большинство из них предпочло войти в состав «Стандард ойл» в обмен на долю акций.

И благодаря многочисленным мелким и средним слияниям в руках Рокфеллера оказалось 95 процентов нефтедобычи Америки. Став монополистом, он поступил по правилу «монополисту легче поднять цены, чем увеличить продажи». «Стандард ойл» стала в это время крупнейшей компанией в мире. Правда, ненадолго. Уже

через десять лет вышел закон против монополий. Рокфеллер отреагировал на него, разбив «Стандард ойл» на 34 мелкие компании (во всех у него будет контрольный пакет акций). Благодаря этому закону Джон Рокфеллер стал ещё богаче, чем прежде. Кстати, отметим, что почти все сегодня существующие крупные нефтяные компании пошли именно от «Стандард ойл».

С возрастом разум не изменил Рокфеллеру. Он железной рукой правил своей империей: одна только «Стандард ойл» приносила три миллиона долларов ежегодно (сегодня они равнялись бы чуть ли не 100 миллионам). Он владел шестнадцатью железнодорожными и шестью сталелитейными компаниями, девятью фирмами, торгующими недвижимостью, шестью пароходствами, девятью банками и тремя апельсиновыми рощами…

Имя Рокфеллера стало символом богатства, оно стало именем нарицательным.

…Джон Рокфеллер считал живопись «полным развратом», и ни на одной из его вилл до сих пор нет ни одного (!) живописного произведения. Эту активную нелюбовь, граничащую чуть ли не с ненавистью, он умудрился привить и детям.

Он очень мало ел, считая аппетит наказанием Господа. «Что это такое: ешь, ешь, и ещё хочется», — жаловался он своему другу Генри Форду. На еде он не экономил, конечно, но и затраты на неё считал бессмыслицей.

Вообще, это был крайне негативно настроенный к миру человек, стопроцентный мизантроп, если таковые существуют. Для каждого общепринятого понятия или события у него находился свой «лестный эпитет».

Он люто ненавидел буквально всё, чем жили его современники: театр, музыку, светское общество, любовь, литературу… При этом, как ни странно, оказался плодовит, и его семейство было очень дружным!

Он никогда не пил и не выкурил ни одной сигареты в жизни. Был поразительно равнодушен к земным благам, а бизнес его интересовал исключительно как процесс. Детей своих держал в строгости, в чёрном теле: они донашивали друг за другом одежду (которую берегли), катались по очереди на одном велосипеде… Впрочем, в этом был и положительный воспитательный момент: они научились добиваться всего своим умом, не рассчитывая ни на кого в этой жестокой жизни.

Первый баррель нефти (а они, «учителя Онассиса», все без исключения рано или поздно пришли к нефти!) был продан как «отличное средство от вшей». Оно и верно: вшей по сей день травят керосином и его производными (это было и остаётся

наиболее эффективным средством, что бы нам ни пытались внушить маркетологи).

До умопомрачения обожал каштаны, всюду носил их с собой: кушал от всех болезней, но в основном от ревматизма, и так привык к ним, что обходиться без них уже не мог, места себе не находил, когда в карманах было пусто.

Первое своё предприятие Джон Рокфеллер начал на заёмные деньги отца, исправно взимавшего проценты даже за день-два просрочки возврата долга (все они чем-то похожи, не правда ли?). Но при этом и отец, и сам Джон были не совсем чисты на руку. Например, отец повышал цены на свои товары, изображая обездоленного глухонемого калеку, и это, как правило, срабатывало. Впоследствии и Джон использовал уловки и хитрости.

Когда ему исполнилось 96 лет, страховая компания выдала ему чек на пять миллионов долларов, ибо он своим долгожительством значительно улучшил статистику, невыгодную страховщикам. Скорее всего, это была стоимость билета в рай, шутил Джон наедине с другом Генри Фордом.

Пожертвования Рокфеллера превысили полмиллиарда долларов. Из них более 80 миллионов получил Чикагский университет, не менее 100 миллионов — баптистская церковь. Также Джон Рокфеллер создал и до своей кончины полностью финансировал Нью-Йоркский институт медицинских исследований, Совет по всеобщему образованию, Фонд Рокфеллера и т. д. и т. п. (всего не менее пятидесяти организаций).

9

Аристотель Сократес Онассис неуклонно двигался к своей цели — большим деньгам, Мария Каллас — к своей, мировой славе, а по сути они двигались навстречу друг другу.

Мария начала слушать записи классических произведений в возрасте трёх лет.

Евангелия, мать Марии, годы спустя написала, как её четырёхлетняя дочь всех потрясла, подобравшись к пианоле, — механическому пианино, игравшему на перфоленте и приводившемуся в действие с помощью педалей, — и, нажимая на педали ручонками, ибо не могла достать до них ножками, вдруг сыграла, притом чисто и уверенно, «Ла Палому» — «Голубку».

В шестилетнем возрасте на одной из улиц Манхэттена Мария попала под машину, и её протащило целый квартал. Она

находилась в коме в течение двенадцати дней. Никто не ожидал, что она выживет. Греческие родственники, друзья и знакомые приходили проститься и выразить соболезнования родителям. И, когда Мария однажды утром вдруг открыла глаза и, жмурясь на солнце, едва слышно, слабеньким голоском затянула по-итальянски «О, соле мио», восприняли это как настоящее чудо, как знак судьбы. Она пролежала в больнице около месяца.

«Я нашла итальянского преподавателя для своих крошек, синьорину Сандрину, — вспоминала Евангелия. — Мария не брала уроков пения, но самостоятельно выучила „Ла Палому“, а в десять лет уже исполняла арии „Кармен“… Наконец произошло событие, которое я не забуду никогда. День выдался жарким, и окна были распахнуты настежь… Мария пела свою любимую „Ла Палому“ и аккомпанировала себе на пианино, в то время как лёгкий ветерок раскачивал кружевные занавески… Выглянув в окно, я увидела, что улица полна народу. У нашего дома собралась целая толпа. Люди стояли и слушали, как поёт моя крошка Мария. Затем раздались аплодисменты; люди не расходились, пока Мария пела…»

По воскресеньям девочка пела псалмы в церковном хоре греческой православной церкви Святого Спиридона. Еженедельно ходила в библиотеку, но часто предпочитала книгам классическую музыку. В детстве она хотела быть дантистом, однако посвятила себя музыке и пению. Пластинки с классическими записями стали её игрушками. В девять лет она была звездой концертов в общественной школе. Бывший школьный товарищ рассказывал: «Мы все были очарованы её голосом». В десятилетнем возрасте Мария была способна услышать малейшие ошибки и неточности в исполнении арий, передаваемых по радио. В 11 лет она слушала Лили Пане в нью-йоркской Метрополитен-опера и пообещала, а может быть, поклялась: «Когда-нибудь я сама стану звездой, большей звездой, чем она». Мать записала её для участия в радиопередаче «Большие звуки любительского часа», когда ей было тринадцать, и кроме того, Мария ездила в Чикаго, где заняла второе место в детском телевизионном шоу.

На семейном совете, если можно так сказать, мать решила, что Марии лучше продолжать вокальное образование дома, в Афинах. Великая депрессия затронула и их семью. За восемь лет из-за хронического упадка в делах они переезжали с места на место девять раз, и в конце концов отец Марии, Георгиос, был вынужден продать свою аптеку. (По признанию Евангелии, окончательно разругавшейся с Георгиосом, муж был так счастлив избавиться от них, что не поскупился оплатить им дорогу и

пообещал ежемесячно высылать в Грецию 125 долларов и конечно же обещания своего не сдержал: однажды она получила от него 7 долларов, в другой раз — 17, и на этом вспомоществование закончилось.)

По дороге в Грецию тринадцатилетняя Мария согласилась по просьбе капитана корабля исполнить что-нибудь во время воскресной мессы. Правда, согласилась не сразу. Отметим, что уже тогда Мария знала себе цену. Появилась она перед собравшейся публикой — офицерами команды и пассажирами первого класса — в синем платьице с белым воротничком, с распущенными по плечам иссиня-чёрными волосами. Началось её выступление с «Ла Паломы», после чего прозвучала «Аве Мария» Гуно, затем весь её репертуар, а под конец знаменитая хабанера из «Кармен», чем девочка окончательно покорила слушателей. Войдя в образ героини, Мария выхватила гвоздику из стоявшей на рояле в кают-компании вазы и бросила капитану, будто тот был Хосе. В ответ капитан преподнёс ей большую куклу, которую Мария не сразу и сообразила, с какой стороны взять: это оказалась первая кукла в её жизни. «Когда с ребёнком так обращаются, — вспоминала Мария годы спустя, — он слишком рано взрослеет и становится похожим на маленького старичка. Нельзя отнимать у детей детство. Только когда я пела, мне казалось, что меня любят…» Кстати, первые 20 долларов она заработала пением там же, в кают-компании, — их как бы невзначай кто-то забыл на крышке рояля.

Позже, по словам мужа Каллас Батисты, Мария утверждала, что мать украла у неё детство. «Моя мать, — рассказывала она в одном из интервью, — как только осознала моё вокальное дарование, тут же решила сделать из меня чудо-ребёнка как можно быстрее… Я вынуждена была репетировать снова и снова, до полного изнеможения». В 1957 году в интервью итальянскому журналу она говорила: «Я должна была учиться, мне запрещалось без какого-то практического смысла проводить время… Меня лишили каких бы то ни было светлых воспоминаний об отрочестве».

Возможно, пытаясь восполнить холодность требовательной матери и смягчить свою незащищённость, дома Мария почти беспрерывно что-нибудь жевала, набирая вес. Скрупулёзные биографы даже подсчитали, что по достижении подросткового возраста она была пяти футов и восьми дюймов ростом, но весила почти две сотни фунтов.

«Отдушинами в её жизни были музыка и пристрастие к еде, — пишет один из её биографов француз Клод Дюфрен. — С утра до вечера она поглощала конфеты, медовые коврижки,

рахат-лукум. За обедом с аппетитом ела макароны. Вскоре — а кто нас побалует лучше, чем мы сами, — она встала за плиту и придумала своё любимое кушанье: два яйца под греческим сыром. Эту пищу нельзя было назвать лёгкой, но ребёнок нуждался в столь калорийном питании, чтобы хорошо петь: в те времена многие придерживались мнения, что хорошая певица не может быть худой. Этим и объясняется, почему мать чудо-ребёнка не препятствовала пристрастию дочери к еде».

Евангелия отмечала, что на родине у дочери изменился характер не в лучшую сторону. «Ещё ребёнком она была подвержена вспышкам гнева и к тому же весьма скуповата; теперь же эти черты становились всё более заметными. Она вела себя недопустимо оскорбительно по отношению к своим родным дядям и тётям… Она так же плохо обращалась и с прислугой, грубила старшим и раздавала пощёчины более юным, чем она. Когда я упрекала её за подобное поведение, она усмехалась мне в лицо и спрашивала: „Ну и что дальше?“ Кроме того, она ревновала к студентам консерватории также, как впоследствии будет относиться к другим певицам, и поэтому многие недолюбливали её. В гневе Мария снимала свои очки с толстыми стёклами и бросалась с кулаками на обидчика совсем как мальчишка!»

И другие однокашники нелицеприятно отзывались о Марии времён учёбы в Королевской музыкальной консерватории (куда, кстати, она была зачислена стараниями Марии Тривеллы, дававшей ей первые уроки вокала, на два года раньше положенных шестнадцати лет: благодаря рослости Марии Каллас обман прошёл незамеченным).

В консерватории Мария начала учиться у известной испанской оперной дивы Эльвиры де Идальго.

«Я услышала каскад не совсем точно контролируемых звуков, вызвавших в душе смутную, необъяснимую тревогу, — вспоминала позже Эльвира де Идальго, ставшая для Марии Каллас настоящей матерью, — но затем я закрыла глаза и представила себе, какое удовольствие я испытаю, когда я буду работать с таким материалом, придавать ему совершенную форму, открывать его обладательнице уникальные драматические ресурсы, о которых она ещё и не подозревает…»

Работали над каждой нотой, над каждой интонацией, как работали когда-то на галерах пожизненно приговорённые.

«Я была как атлет, стремившийся развить свою мускулатуру и находивший особое удовольствие в изнурительных тренировках… <…> Я пропадала на занятиях с утра до вечера», — годы спустя вспоминала Мария. И не раз признавалась: «Всей своей

подготовкой, всем моим художественным воспитанием как актрисы и человека музыки я обязана Эльвире де Идальго».

В 16 лет Мария завоевала первый приз в консерваторском конкурсе и начала зарабатывать деньги своим голосом. В девятнадцать Мария спела в Афинском лирическом театре свою первую партию в настоящей опере, «Тоска» Джакомо Пуччини, за баснословную королевскую плату — 65 долларов.

Она обожала своего далёкого, призрачного отца и не любила близкую реальную мать. Один из её друзей по консерватории описывал мать Марии как женщину, чем-то удивительно напоминающую гренадёра, которая постоянно «и толкала, и толкала, и толкала Марию». Дед Марии по матери, Леонидас Лонтцаунис, отозвался об отношениях между Марией и её матерью так: «Она была амбициозной, истеричной женщиной, у которой никогда не была настоящего друга… Она эксплуатировала Марию и постоянно экономила на всём… Это была настоящая землечерпалка денег… Мария каждый месяц посылала деньги чеками своей сестре, матери и отцу. Так вот её матери всегда не хватало, она требовала ещё и ещё больше».

…Двадцать пятого января 1936 года Аристотель Онассис наконец-то увидел, что на его банковский счёт поступил второй миллион долларов. На подходе были и другие деньги. Отметить это событие он решил в неприметном греческом ресторанчике на острове Манхэттен, недалеко от Центрального парка, где умели готовить настоящую мусаку. В одиночестве. И в мечтах.

ГЛАВА ПЯТАЯ, в которой подтверждается истина: кому война, а кому мать родна

1

В порядке журналистской практики я около года выдавал нагора для разных газет и журналов очерки, репортажи, интервью, заметки о подготовке к московской Олимпиаде-80. Не столько о тренировках спортсменов, сколько об истории Олимпийских игр и, так сказать, инфраструктуре, то есть обо всём, что с играми связано, от бюджетов до кухни, от архитектуры и строительства олимпийских деревень и спортивных объектов до моды, от торжественных церемоний открытия и закрытия до безопасности, от транспортного обеспечения до культурно-развлекательных программ…

— Кстати, — сказал мне в интервью один из руководителей «Аэрофлота», — вы знаете, что самая, пожалуй, экстравагантная и закрытая из крупных авиакомпаний в мире — греческая *Olympic Airways,* основанная миллиардером Онассисом?

Я этого не знал и высказал предположение, что сия авиакомпания, судя по названию, специализируется на Олимпийских играх. Мой высокопоставленный собеседник усмехнулся и ответил, что, во-первых, название — от горы Олимп и олимпийских богов, а во-вторых, хотя компания и в самом деле не раз была задействована на играх, но это не главное её предназначение, здесь всё мутно, ибо *Olympic Airways* обслуживает многопрофильный бизнес магната, замешанного, между прочим, во многих военных конфликтах современности.

— Но обслуживает шикарно, — не без нотки зависти разоткровенничался руководитель «Аэрофлота», — я не раз летал… Пьер Карден по заказу Онассиса разработал форму для экипажа, особенно постарался для стюардесс: проходит, а у пассажиров аж дух захватывает! Нет, наши бортпроводницы, конечно, лучшие в мире, но шарм… И только представьте: золотые столовые приборы! И пианист в первом классе!.. Онассис с помощью авиакомпании решал свои дела: «чёрные полковники», правившие Грецией, члены правительства и их семьи летали на его самолетах по миру с беспрецедентной, 97-процентной скидкой, то есть бесплатно! Компания просто не могла не разориться, когда хозяин после гибели сына утратил к ней интерес!..

На другой день, когда я расшифровывал торопливые записи в блокноте (о диктофоне мог лишь мечтать), раздался необычный (или позже так стало казаться?) телефонный звонок. Звонили из газеты «Труд», с которой до этого я не сотрудничал. Притом не кто-нибудь, а заведующий международным отделом, что меня, студента-международника, повергло в журналистский трепет. В ещё больший трепет привёл разговор, состоявшийся тем же вечером в кабинете редакции, располагавшейся рядом с Пушкинской площадью.

С иголочки одетый завотделом сообщил мне, загадочно улыбаясь и куря «Мальборо», что за серию публикаций о подготовке к грядущей Олимпиаде я удостоен премии газеты и награждён творческой командировкой в любую точку планеты. При этом кивнул на висевшую политическую карту мира, в которую было воткнуто множество булавок с рубиновыми головками. Булавки, догадался я, указывали места, куда хозяина кабинета заносила, так сказать, нелёгкая судьба журналиста-международника. Но если у нас на журфаке эта фраза произносилась с очевидным сарказмом, то здесь, как я понял, приглядевшись, сарказм был неуместен: превалировали «горячие точки» Африки.

— Недавно из Огадена прилетел, — перехватив мой взгляд, пояснил международник. — Эфиопо-сомалийская война, а до этого — угандийско-танзанийская!.. В армии-то служить приходилось?

Я ответил, что служил в Закавказском военном округе, застал греко-турецкий конфликт, когда нас подняли по тревоге и трое суток в полной боевой готовности мы провели в окопах на границе с Турцией, и теперь хотел бы вернуться туда в качестве спецкора уважаемой газеты…

Завотделом пожал плечами и осведомился, есть ли у меня мечта. Набравшись наглости, я выпалил:

— Средняя Азия — Самарканд, Бухара, Хива…

Он сказал, что это любопытно, но спрашивает о заветной мечте.

— Владивосток, Магадан… — безнадёжно молвил я с желанием уйти восвояси.

— Во Францию поедешь? — осведомился он тоном кота, наигравшегося с полудохлой уже мышью.

— В Париж? — ошарашенно уточнил я. — Бесплатно?

— Нет, со скидкой, как у Онассиса в авиакомпании *Olympic Airways,* самолётом которой я когда-то летел, — сыронизировал он.

— С девяностосемипроцентной? — осмелел я.

— А ты неплохо осведомлён, — заметил он и внезапно посуровел: — Речь идёт о загранкомандировке. Кстати, Онассис немало способствовал всем тем войнам, на которых мне довелось побывать в последние годы. Он поставлял оружие и тем, и этим, зарабатывая в день по миллиону долларов. Ну так как? Ничего не имеешь против командировки в Париж?..

Живут же люди, подумал я, с войны летают самолётами авиакомпании Онассиса, где стюардесс одевает Карден, едят золотыми вилками… Конечно, я не поверил своим ушам, когда услышал, что мне предоставляется возможность полететь в недельную командировку в Париж, чтобы подготовить материал на тему… Впрочем, тема пока была сформулирована в общих чертах.

Но вышел я на Пушкинскую другим человеком. И всё вокруг изменилось. Даже возвышающийся на площади Пушкин, которому не позволили увидеть Париж и вообще выехать за границу, казалось, ликовал вместе со мной. Одно подспудно смущало: слово, которое я дал в так называемом «первом», особом отделе: о предстоящей командировке никому не рассказывать, даже близким. Хотелось не то что близким, а всей площади проорать: «Я еду в Париж! Не просто по казённой надобности, но ещё с секретным предписанием!» О том, что это за секретное предписание, я, понимая, что простого студента журфака, пусть и написавшего заметки о подготовке к Олимпиаде, не пошлют, мог лишь догадываться. И от этих догадок, как пишут в вестернах, стыла кровь в жилах…

Между тем всё шло своим чередом.

Ветераны-большевики утвердили мою выездную характеристику на заседании комиссии районного комитета партии, притом сразу, без каверзных вопросов, о которых я был наслышан, типа: «В какое количество урн завещал поместить свой прах руководитель вьетнамской августовской революции товарищ Хо Ши Мин и где их захоронить?» В отделении Внешторгбанка на Калининском проспекте мои 200 «деревянных» советских рублей с изображением вождя мирового пролетариата В. И. Ленина без вопросов обменяли на целую тысячу новеньких красивеньких франков. Попросили на минуточку задержаться, куда-то звонили, потом улыбнулись и пожелали счастливого пути.

Накануне дня вылета я был извещён по телефону, что авиабилет и «всё необходимое» будет выдано мне в аэропорту под табло. Надо ли говорить, что ночь я не спал, рисуя в воображении самые сладостные картины парижской и вообще заграничной жизни! Бледный, с красными после бессонной ночи глазами, присев «на дорожку» с родителями, которым соврал, что

командирован в Оренбург, сотню раз проверив паспорт и деньги, я приехал в Шереметьево-2 не за два часа до отлёта, как полагалось, а за четыре и слонялся по пустынному гулкому залу.

Рейс Москва — Париж уже был объявлен, и меня чуть кондратий не хватил от волнения, когда появился мой знакомый чекист Андрей Х. И, озираясь, хотя зал вылета был по-прежнему пустынен, сообщил, что моя командировка отменяется. В ответ на мой наивный вопрос о причинах он процедил:

— No comment.

Не успел я вернуться домой, как раздался телефонный звонок и мне был голос, как небезызвестному герою из романа «Мастер и Маргарита»: «Сдавайте валюту».

По прошествии трёх суток чекист объявился. И в Бородинской панораме, где на этот раз было назначено свидание, объяснил, что я направлялся в Париж для «превентивной встречи с объектом», но события разворачиваются стремительно и завтра сам объект в сопровождении моего тёзки Сергея Каузова прилетает в Москву.

— Всё к лучшему, — с очевидным облегчением вздохнул Андрей Х.

— Что? — не понял я.

— Всё. В том числе и то, что я тебе не успел выдать для разработки объекта семнадцать тысяч шестьсот франков…

— Это почему же? — обиженно спросил я.

— Имеем информацию, — ушёл он от ответа, разглядывая батальные сцены. — Но не расстраивайся, для тебя Париж начинается завтра в Москве. В пятнадцать тридцать жду тебя там же, в Шереметьеве, только этажом ниже, в зале прилёта, у выхода из депутатского зала. С фотоаппаратом и журналистским удостоверением. Если что — мы не знакомы.

2

Вторая мировая война для Аристотеля Сократеса Онассиса началась задолго до того, как о ней узнал мир. В определённом смысле он в чём-то даже предвосхитил её, если так можно выразиться (как и множество последующих войн, вооружённых конфликтов, разного масштаба международных инцидентов).

В итальянском министерстве колоний, которое в январе 1935 года возглавил сам Муссолини (вскоре его официальным титулом станет «Его Превосходительство Бенито Муссолини, глава правительства, дуче фашизма и основатель империи»), возник план объединения Эритреи и Сомали в обширную колониальную

территорию с включением в неё Абиссинии (Эфиопии). Ещё в 1934 году тайно начались отправка итальянских войск в Эритрею и провокационные приграничные столкновения.

Онассис узнал об этом от одного из бывших мужей Ингеборг Дедикен (отметим, что у нашего героя, как правило, складывались приятельские отношения с бывшими мужьями и любовниками своих жён и любовниц, если те могли быть ему хоть чем-то полезны), торговавшего оружием, прилетел в Рим и заключил выгодные контракты под два судна, купленные им, как помним, в Лондоне «по цене „роллс-ройсов“» и ожидавшие своего часа.

Четвёртого октября 1935 года Италия напала на Эфиопию, хотя между ними был подписан пакт о ненападении. Итальянский представитель в Лиге Наций огласил повод для войны: «В силу трагической иронии судьбы Эфиопия владеет неабиссинскими колониями, в то время как в результате превратностей истории и международных ограничений Италия втиснута в территориальные рамки, в которых она задыхается. Италия вынуждена поднять на Ассамблее государств свой голос, требуя справедливости!»

Седьмого октября пятьюдесятью голосами против четырёх Лига Наций приняла решение применить к Италии экономические санкции. Но санкции были несерьёзные и даже издевательские по отношению к Эфиопии. (Забегая вперёд скажем, что они стали очередным университетом нашего героя и способствовали его обогащению.) Запрещался вывоз в Италию железного лома и руды, но не ограничивался импорт стальных болванок и чугуна, на которых работала итальянская металлургия. Было наложено эмбарго на алюминий — но это как раз тот металл, производство которого в Италии всецело перекрывало потребности. Агрессию можно было остановить лишением Италии горючего (СССР выступал главным инициатором нефтяных санкций), но импорт нефти в Италию не запрещался, и английское правительство отказалось закрыть Суэцкий канал…

Четыре парохода Онассиса перевозили в Абиссинию итальянских солдат, пушки, танки. Но, пожалуй, во многом благодаря Бенито Муссолини и той захватнической войне наш герой впервые осознал, какие деньги можно делать на поставках нефти и стратегического сырья во время войны. На его глазах с другими, более искушёнными судовладельцами расплачивались за нефть и нефтепродукты наличными, и это было зрелище не для слабонервных — десятки чемоданов и мешков.

Несколько раз Аристотель сам ходил на своих судах в

Эфиопию, где итальянский фашизм выявлял себя, по словам генерального секретаря Итальянской коммунистической партии Пальмиро Тольятти (в память о котором нам остались «жигули»), произнесённым на VII конгрессе Коминтерна, как самая варварская форма господства буржуазии, где «фашизм вёл войну против последнего свободного туземного государства в Африке, рассчитанную, как в Ливии, на истребление десятков тысяч туземцев — мужчин, женщин и детей».

Аристо был остроумным и интригующим рассказчиком. И в Париже, Стокгольме, Лондоне забавлял компанию друзей-миллионеров Ингеборг живописными рассказами о карательных операциях итальянцев, средневековых пытках, об оргиях меж костров с юными, ювелирно-утончёнными и неправдоподобно длинношеими эфиопками…

Двадцать девятого апреля 1936 года негус (император Эфиопии) обратился к западным державам с последним призывом о помощи, заявив: «Если вы не придёте, то я скажу пророчески и без чувства горечи: „Запад погиб“». Ответом был отказ западных держав от применения даже ограниченных санкций к Италии. Попытки Англии помешать действиям Италии в Абиссинии результатов не дали. Чтобы развязать себе руки, как сказал Тольятти, Италия вообще вышла из Лиги Наций и стала усиленно вооружаться. Так на кратчайших морских путях из Европы в Азию завязался один из узлов грядущей мировой войны.

А Аристотель Онассис вдобавок к «Аристону» срочно заказал на гётеборгской верфи ещё два нефтеналивных супертанкера.

3

Благодаря Ингеборг Дедикен Онассис познакомился, а затем и подружился (если это слово уместно там, где правят большие деньги) с Гетти, что со стороны казалось фантастикой. К «великому Гетти» уже тогда было не подступиться. У этого американского магната наш герой многому научился, так что расскажем о нём подробнее.

(Отступление второе.)

В империю Гетти входили крупнейшая компания *Getty Oil Company* и более двухсот концернов. Он был старшим товарищем и наставником нашего героя — Аристотеля Онассиса. Именно с его подачи тот занялся нефтью.

Жан Поль Гетти родился 15 декабря 1892 года в Миннеаполисе, Миннесота, в семье нефтяного магната ирландца Джорджа Франклина Гетти и дочери шотландских эмигрантов

Сары Кэтрин Макферсон Ришер, бывших уже в солидном возрасте и к тому же за два года до того потерявших свою единственную дочь Гертруду.

Жан Поль Гетти с ранней юности мечтал о собственной империи. Он предъявил иск матери, которой отец оставил основную часть наследства, и дело закончилось тем, что она продала ему часть акций отцовской компании за 4,5 миллиона, причём большую часть этой суммы он уплатил векселями. «Мать я попросту обобрал», — позже признался Жан Поль Гетти. Но Сару было не так-то легко перехитрить. Чтобы защитить семью и сына от его же рискованных спекуляций, она учредила трест «Сара Гетти» с капиталом в 2,5 миллиона долларов, обеспечивающий финансовый резерв Жану Полю и его сыновьям. Этот трест стал основной силой компании «Гетти ойл». (Кстати, в 1984 году, когда эта компания была продана корпорации «Тексако», трест «Сара Гетти» стоил четыре миллиарда.)

Закончив Оксфордский университет в 1913 году, Поль начал торговать нефтью в районе Талсы (штат Оклахома) и к 1916 году заработал первый собственный миллион долларов. В том же году его компания переехала в Калифорнию. В 1920-е годы Поль Гетти скупил несколько нефтяных компаний, ставших фундаментом его финансовой империи.

После Второй мировой войны Гетти переехал в Англию, в Саттон-Плейс в Суррее. Его поместье было окружено крепостной стеной и охранялось целой армией службы безопасности и собаками, специально выдрессированными для охраны людей.

Казалось, Гел и умел выжать деньги даже из камня.

В 1949 году он купил нефтяную концессию в Саудовской Аравии, которая в 1950-е годы стала приносить миллиардные прибыли. В 1957 году Поль Гели был объявлен самым богатым человеком на Земле. Этот титул он сохранил до самой смерти.

Как и большинство очень богатых людей, во второй половине жизни Гели начал заниматься благотворительностью. В 1953 году основал «J. Paul Getty Museum» в Малибу, где представил большую часть собственной художественной коллекции.

Успехи Гели на Ближнем Востоке сделали его компанию «восьмой сестрой» в «нефтяной семье» (знаменитыми «семью сёстрами» были «Бритиш петролеум», «Ройял Датч-Шелл», «Стандард ойл — Нью-Джерси», «Стандард ойл — Калифорния», «Мобил», «Тексако» и «Голф»), Вырвав у «Стандард ойл» компании «Тайдуотер» и «Скелли», Гели в 1967 году приобрёл авуары в три миллиарда долларов.

Гели был сложной личностью. Будучи самым богатым американцем (официально, согласно налоговым декларациям), он

последние четверть века прожил за пределами США (сохранив американское гражданство). Его подозревали в симпатиях к нацизму…

Считая, что его можно сравнить с Цезарем, Гетти и жил соответственно: в своём имении в Малибу построил виллу в римском стиле, занимался помимо искусств недвижимостью: в 1938 году за 2,3 миллиона купил в Нью-Йорке гостиницу «Пьер», построил «Дом Гели» на Медисон-авеню и в 1959-м купил в Салон-Плейсе (Англия) имение площадью в 60 акров, где провёл остаток жизни в окружении высшей английской знати. (Он хвастался, что приобрёл эту недвижимость за двадцатую часть её реальной стоимости.)

Гетти также прославился как скряга: секретаря заставлял проверять каждую строчку счетов из продуктовых магазинов и экономил на верёвке при упаковке вещей. Говорили также, что он сам стирал своё бельё, утверждая, что делает это не ради экономии, а потому, что не терпит моющих средств, применяемых в прачечной.

После ряда неудачных браков (только официальных — пять) Гетти перестал думать о женитьбе, но всегда был окружён сонмом красивых женщин — по слухам, их привлекало не только его богатство, но и его мужские качества.

Отношения с пятью сыновьями у Жана Поля Гетти были скверные — он 21 раз менял завещание. Младший сын Тимми умер в двенадцатилетнем возрасте от опухоли мозга. Старший сын Джордж — от передозировки лекарств (по слухам, он сделал это намеренно, то есть совершил самоубийство). Гетти не приезжал в Америку ни на одни похороны. Он отрешил отдел сына-тёзку Жана Поля-младшего… Как отмечал его биограф Роберт Ленцнер, семья Гетти была «группой совершенно чуждых друг другу людей».

В 1973 году произошло событие, которое могло закончиться трагически и которое ещё более упрочило в общественном сознании репутацию Поля Гетти как человека жестокого. Был похищен его внук, Поль Гетти III, который обосновался в Риме, ведя там богемную жизнь. В течение пяти месяцев Гетти-старший отказывался платить выкуп, объясняя: «Если я сдамся, то моих внуков начнут похищать одного за другим». Чтобы принудить его к уступчивости, похитители прислали Гетти отрезанное ухо внука. После этого миллиардер всё-таки решился раскошелиться.

В старости Гетти составил список из ста своих наиболее запомнившихся любовниц. Поставляя ему отборных наложниц со всего света (латиноамериканские уроки молодости не пропали даром), Аристотель Онассис усвоил его жизненные постулаты,

как то: «Длительные отношения с женщиной возможны, только если вы банкрот (заметим, это одна из любимых поговорок Гетти, которую он повторял неустанно)… Лучше получать один процент от усилий ста человек, чем сто процентов только от своих собственных усилий… Практически единственный способ заработать действительно большие деньги — это открыть своё дело. Вы никогда не получите много, работая на кого-то. Найдите свою нишу, выпускайте товар, который нужен людям, но который они не могут купить или достают с большим трудом. Чтобы стать миллиардером, нужны прежде всего удача, значительная доза знаний, огромная работоспособность, я подчёркиваю — ОГРОМНАЯ, но главное, самое главное — вы должны иметь менталитет миллиардера. Менталитет миллиардера — это такое состояние ума, при котором вы сосредоточиваете все свои знания, все свои умения, все свои навыки на достижении поставленной цели. Это то, что изменит вас…»

В отличие от Рокфеллера Гетти не считал своё богатство «даром небес». К концу жизни состояние Гетти оценивалось более чем в два миллиарда долларов.

Даже после смерти в 1976 году в 83-летнем возрасте Гетти не обрёл покой. Он завещал, чтобы его похоронили близ его музея в Калифорнии, но, по законам этого штата, похороны не разрешены на территории, являющейся частной собственностью. Прошло два года, прежде чем было разрешено захоронить его останки на берегу Тихого океана.

После смерти Жана Поля Гетти его нефтяная компания была продана «Тексако» за десять миллиардов долларов.

Основную часть своего огромного состояния Поль Гетти оставил *Getty Trast* — одной из богатейших в мире благотворительных организаций, которая является владелицей этого музея, а также крупного *Getty Center* в Лос-Анджелесе, построенного в 1997 году.

4

А Аристо уже не надо было меняться. И удачу, очевидную даже для самого Гетти, Онассис поймал за хвост в канун и во время Второй мировой войны. Именно Гетти, по мнению доктора, историка Рэя Пьера, привлёк своего способного ученика к поставкам нефти милитаристской Японии. Флагманом в 1938 году стал красавец «Аристон», к нему присоединились ещё два танкера такого же тоннажа (по 15 тысяч тонн), спущенных со стапелей в Гётеборге.

Ещё в августе 1936 года японское правительство, выйдя из Лиги Наций, разработало программу установления господства Японии в Восточной Азии. В «Программе использования вооружённых сил» главными потенциальными противниками определялись США и СССР, следующими по важности — Великобритания и Китай.

Одной из главных форм поощрения западными державами Японии к войне являлось резко увеличившееся снабжение её военной промышленности и армии дефицитными военно-стратегическими материалами, особенно бензином, керосином, соляркой и другим горючим. 7 июля 1937 года началась открытая широкомасштабная война Японии против Китая. 21 августа между Китаем и СССР был заключён договор о ненападении, и в 1938–1939 годах СССР предоставил Китаю три кредита на общую сумму в 250 миллионов долларов. Через северо-запад Китая из Советского Союза непрерывным потоком поступало оружие, горючее, своим ходом шли колонны танков, летели истребители и бомбардировщики не только для защиты неба над китайскими городами, но и для нанесения ударов по глубоким тылам японцев, их военным кораблям на Янцзы и даже у острова Тайвань.

Военно-промышленный потенциал Японии из-за крайней бедности её природных ресурсов был ограничен. Заводы, производившие вооружение и военные материалы, почти всецело зависели от привозного сырья, иностранного фрахта. Таким образом, нефть, поставляемая в Японию Полем Гетти и примкнувшим к нему Онассисом, «воевала» с советской нефтью, поставляемой Китаю.

Наш герой заработал на этих поставках ещё четыре миллиона долларов, а в общей сложности он заработал на Японии более десяти миллионов, что в те времена являлось огромным капиталом.

5

Когда началась война в Европе, торговые флоты большинства стран мира несли огромные потери. Например, историческая родина нашего героя, Греция, из 450 судов, принадлежавших государству или частным лицам, потеряла 370, а вообще войну пережили менее десяти процентов греческих океанских кораблей. Флот же Аристотеля Онассиса, имевшего прочные связи с итальянским, а впоследствии и немецким фашистским режимом, почти не пострадал.

Главный финансист, президент Рейхсбанка Шахт, обеспечивший, по сути, поддержку магнатами НСДАП (Национал-социалистическая рабочая партия Германии) самого Адольфа Гитлера и финансово подготовивший Германию к войне, писал в своих послевоенных мемуарах: «Мы поддерживали с господином Онассисом тесные отношения. Через посредников мы фрахтовали у него суда и получали некоторую информацию». О том, что это была за информация, история, а точнее контрразведывательные службы Великобритании, США, Норвегии, Швеции, Японии пока умалчивают. Но сам Онассис порой бравировал своим космополитизмом и верой лишь в золотого тельца: «Как грек я принадлежу Западу, как судовладелец — капитализму. Моя любимая страна — та, которая предоставляет мне максимальную налоговую неприкосновенность, навязывает наименьшие коммерческие ограничения».

С 1939 по 1944 год фашистская Германия коммерческих ограничений Онассису не навязывала. Всё оформлялось в установленном немецком порядке. За фрахт не переплачивалось ни пфеннига, но платили исправно (у Шахта была идеально организована расчётная система, однако в 1944 году его обвинили в участии в заговоре против Гитлера и отправили в концентрационный лагерь, что для Третьего рейха явилось больше, чем преступлением — ошибкой), в то время как налогов Аристотель Онассис ни в Европе, ни в США, ни в Аргентине почти или вовсе не платил.

И всё-таки значительная часть европейского танкерного флота Онассиса стояла на приколе, общий замороженный тоннаж судов превышал 50 тысяч тонн. С лета 1940 года он стал больше внимания уделять своим судам, ходившим под панамским флагом на восточном побережье США. Он и сам на одном из пароходов пересёк Атлантику, рискуя попасть под бомбёжку, напороться на мину или быть потопленным немецкой подводной лодкой.

Прибыв в Нью-Йорк, ослепивший огнями рекламы после Европы, погружённой во мрак войны, Онассис занял шикарные пятикомнатные апартаменты на 38-м этаже отеля «Ритц Тауэрс» и устроил приём. Во многом благодаря Полю Гетти на приёме присутствовали богатейшие люди Нью-Йорка — так называемого «Большого яблока» — политики, крупные бизнесмены, успешные деятели искусства, в том числе Фрэнк Синатра со своей крохотной дочерью Нэнси, а также главы мафиозных семей, присматривавшихся к удачливому греку или уже сотрудничавших с ним.

Удостоила своим присутствием приём и Грета Гарбо,

явившаяся перед публикой в сногсшибательном вечернем наряде с умопомрачительной диадемой. На другое утро газеты пестрели аншлагами по поводу того, что греческий нувориш сделал предложение «Прекрасному Сфинксу» (Грета тогда после перерыва снималась в фильме «Двуликая женщина») и преподнёс уже свадебный подарок — греческую диадему стоимостью 100 тысяч долларов. Будто в подтверждение слухов Онассис вскоре перебрался с 38-го этажа «Ритц Тауэрс» на 19-й, где разместился рядом (через дверь) с апартаментами Греты Гарбо.

Онассис вновь вернулся к табачному бизнесу в Буэнос-Айресе. Он вообще отличался тем, что почти никогда не бросал начатого, лишь в зависимости от конъюнктуры мирового рынка и политической обстановки перемещал «центр тяжести» приложения своих усилий и воли. Теперь война обрубила поставки сырья из Старого Света. Онассис летал в Рио-де-Жанейро, в Гавану, которую очень любил за её весёлый нрав. В 1940-х годах столица Кубы была абсолютным рекордсменом по количеству ресторанов, игорных домов, борделей…

В 1980-х годах Роландо Бетанкур, политический обозреватель главной кубинской партийной газеты «Гранма», мой соавтор по документальному фильму о Кубе, уверял, что Онассис был совладельцем нескольких известных гаванских казино, отелей, увеселительных заведений, внедрил парижскую моду на *sex-show* и *life-show,* пользовавшихся безумной популярностью у туристов. Но благодаря известной кубинской ясновидящей Терезе, предсказавшей ему крах всемирного борделя, в конце 1950-х, незадолго до революции, успел выгодно всё продать итальянской и еврейской мафии, которая, разумеется, «попала на деньги».

В Нью-Йорке Онассис подружился с давними поклонниками Греты Гарбо — знаменитым продюсером-миллионером Отто Премингером, аргентинским табачным магнатом Артуро Пассманом, банкиром, от которого зависел «весь Уоллстрит», Эрнесто Торнквистом, мультимиллионером Альберто Додеро… Все они были старше и богаче Аристотеля, но нашли его «забавным и славным парнем». Тем более что за него ходатайствовала сама великая Грета.

Совместно с Пассманом и старым знакомцем Гаоной Онассис наладил производство сигарет, сигарилл и сигар из бразильского и кубинского табака. И, кроме всего прочего, стал одним из основных поставщиков табачных изделий для Третьего рейха (за годы войны он поставил немцам и их союзникам миллионы сигарет, не исключено, что их курили на Курской дуге, в окопах Сталинграда, в Кёнигсберге, бункере Гитлера, да и наши солдаты, возможно, затягивались трофейными).

Испокон веков состояния сколачиваются на войнах — это аксиома. Одна из популярнейших в мире компьютерных игр — «Герои войны и денег». На войне так или иначе зарабатывали и римлянин Марк Лициний Красе, и византиец Василий II, и Рокфеллер, и Карнеги, и Вандербильт, и Форд, и династия Ротшильдов…

Что до нашего героя, то в 1930–1960-х годах не было ни одной войны, ни сколько-нибудь заметного вооружённого конфликта, в которых бы Онассис так или иначе не участвовал, поставляя противникам, то есть противостоящим сторонам, оружие, горючее, продовольствие, табачные изделия (как мы уже отмечали)…

Для Аристотеля Онассиса, в совершенстве овладевшего искусством богатеть на войнах, слова «англо-франко-израильская война против Египта» (1956 год), «присутствие США в Индокитае», «война во Вьетнаме» (с 1964 года), «война Израиля с арабскими странами» (июнь 1967 года) звучали как музыка.

Когда в 1950-е годы в США вскрылась его афера с военными судами типа «Либерти» и «Т-2», прокуроры были ошарашены и потрясены масштабами подкупа Онассисом высших должностных лиц, сенаторов и конгрессменов этой страны (он едва ли не открыто «мотивировал» политиков сотнями тысяч долларов, которые те без зазрения совести принимали).

За время Второй мировой войны, напомним, Онассис не потерял, в отличие от других греческих судовладельцев — уникальный случай (но нашу, как говорится, версию мы непременно скоро приведём), — ни одного танкера, ни одного матроса. Позже выяснилось, что его танкеры фрахтовали и японцы, и итальянцы, и немцы, и американцы, и англичане… К концу войны его состояние выросло, по одним данным, до 30 миллионов долларов, по другим — до семидесяти (в сегодняшних измерениях — по крайней мере, в десять раз больше).

В то время как в Европе гибли миллионы людей на полях сражений, в блокадах, концентрационных лагерях и корабли Аристотеля исправно снабжали воюющие стороны необходимым для самой античеловечной в истории человечества бойни, а счета в банках ежедневно пополнялись, друг Онассиса, греческий консул в Сан-Франциско Коста Гратсос «пристрастил» его к западному побережью Соединённых Штатов, к Калифорнии.

Онассис обосновался в Беверли-Хиллз, поселившись на шикарной вилле рядом со звёздами Голливуда, и они с Костой «исследовали возможности», «проводили пробы» — наш герой впервые выступил в роли продюсера (благо расценки на производство голливудского киноширпотреба были для него

смешные), и эта роль ему подошла.

Чего только не выдумывали друзья-эллины! Комбинации, описанные в книгах Маркиза де Сада, Альфреда де Мюссе или Генри Миллера, кажутся невинными забавами по сравнению с теми оргиями, которые организовывали Коста и Аристо, возвращаясь с китового промысла!

(Гратсос предложил Онассису новый выгодный бизнес — производство спермацетового масла, это специфическое масло китового жира пользовалось высоким спросом, его применяли, в частности, для смазки ружейных механизмов, а адренокортикотропный гормон, добываемый из гипофиза синего кита, — прекрасный афродизиак, и друзья купили небольшую китобойную флотилию.)

С какими только знаменитостями не связывали имя Онассиса — и с Полетт Годар, и с Симоной Симон, и с Вероникой Лейк, и с бразильской певицей и танцовщицей Мирандой Кармен…

Он, низкорослый, далеко не красавец, рано начавший седеть, не выдерживал сравнения с голливудскими красавцами, однако ему ничего не стоило отбить у них любую. «Не думайте, что я такой высокий, — шутил Аристотель. — Просто я сижу на бумажнике».

Позднее Коста Гратсос писал в мемуарах: «Там были звёздочки, полузвёзды и уже состоявшиеся звёзды без конца и края. Выбирать было из кого, и мы выбирали, сколько хватало сил».

Сам Аристотель Онассис, вспоминая голливудские приключения, говорил, что им недоставало романтики.

6

Однако главным «трофеем» мировой войны для Онассиса стало ангельское четырнадцатилетнее создание. 17 апреля 1943 года благодаря Грете Гарбо он познакомился с Тиной Ливанос — младшей дочерью «крёстного отца» морского бизнеса Греции, судовладельца-мультимиллионера Ставроса Ливаноса.

Ливанос родился на острове Хиос в потомственной семье моряков. Хиос — один из крупнейших центров эгейской культуры, древнегреческой литературы и искусства, где, как уверяют хиосцы, родился Гомер, где был первый в истории Эллады рынок рабов и откуда вывозили лучшие в Греции вино, мастику, мрамор, смокву… Кому этот остров только не принадлежал! И карийцам, и ионийцам, и грекам, и Римской империи, и Византийской империи, и Никейской империи, и

Венецианской республике, и Генуэзской республике, и Османской империи…

В 1822 году произошла так называемая хиосская резня — месть турок за то, что островитяне поддержали борцов за независимость Греции. Из 155 тысяч жителей острова уцелело меньше двух тысяч. Остальные были либо вырезаны, либо проданы в рабство, либо оказались в изгнании, образовав хиосские диаспоры в Германии, Великобритании, Австралии, США. В 1922–1923 годах Хиос стал перевалочным пунктом для сотен тысяч греческих беженцев из Малой Азии, в частности, из Каппадокии, Смирны и Эфеса, но лишь незначительная часть их осталась на острове. Благодаря влиянию хиосской диаспоры некоторые фамильные греческие династии с Хиоса стали известны как владельцы морских судов.

Ставросу Ливаносу пришлось всё начинать сначала, практически с нуля, чтобы продолжить семейное дело (у отца почти всё нажитое непосильным трудом, притом в буквальном смысле слова, отобрали турки). К тридцати шести годам у Ливаноса были лишь парусник, на котором он возил (нередко сам в качестве шкипера) любителей морских прогулок вдоль берегов Англии, да несколько старых маломерных грузовых пароходов, штопаных-перештопаных, как говорила его красавица-супруга Ариетта. Обосновались они в небогатом районе Лондона, ниже уровня среднего класса, на всём экономя. Но буквально за три года каким-то чудодейственным образом Ливанос, построив на британской верфи свой первый нефтеналивной танкер и выразившись в том смысле, что корабли должны размножаться, как кролики, стал владельцем семи судов (большинством из них завладев по суду) и отцом двух дочерей.

Поговаривали, что основу своей империи он заложил ещё совсем молодым человеком, во время Первой мировой войны, но для приумножения капитала выжидал благоприятных условий, которые предоставила ему Великая депрессия. Он добился своего: открывал офисы, покупал недвижимость по всему миру, его жена имела дворецкого, личного шофёра, повара, многочисленную прислугу, его дочери учились в самых престижных учебных заведениях Британии, их семью принимали на высшем уровне самые высокопоставленные аристократы (хотя он долго ещё носил старомодные костюмы и курил дешёвые греческие сигареты «Этнос»)…

О том, каким образом Ставросу Ливаносу удалось столь стремительно разбогатеть и праведным ли путём, история всё же умалчивает. Красноречивая деталь. Даже пожимая кому-то руку, Ливанос никогда не смотрел ему в глаза. Лишь Онассис, задержав

в своей руке грубую мозолистую руку профессионального гребца, вынудил Ставроса посмотреть себе в глаза… И, смеем предположить, многое в них увидел… (Забегая вперёд заметим, что кончил Ливанос плохо: сошёл с ума.)

Итак, в апреле 1943 года Аристотель Онассис, опытнейший, искушённый в амурных делах (он сам признавался, что в 1940-х «окончательно сбился со счёта»), приступил, словно паук, к плетению замысловатой паутины вокруг мотылька — четырнадцатилетней Афины. Ему на руку было её увлечение легендами и мифами Древней Греции, богами и героями. (Потом едва ли не журналистским штампом станет сравнение Онассиса и с Ясоном, добывшим золотое руно, и с хитроумным Одиссеем, повидавшим много стран и обретшим свою Итаку, и с Гераклом, совершавшим великие подвиги, и с Мидасом, всё превращающим в золото своим прикосновением, и с изобретательным Дедалом… Но первой в этом была Афина Ливанос.)

Её воображение (не женское ли воображение вообще лежит в основе продолжения рода человеческого?) рисовало, вернее, разрисовывало и раскрашивало, как ученицы в тетрадках, приземистого пожилого мужчину, почти старика по сравнению с ней, больше похожего на шута, чем на солидного бизнесмена, в брутального героя-эллина. И сам Аристотель прикладывал немало сил к культивированию этого образа, этой роли, в которую со свойственным ему артистизмом вживался (а может, вживаться не требовалось — таким он себя ощущал).

Бывая с визитами у Ливаносов после далёких командировок, он рассказывал нечто захватывающее, завораживающее мечтательную девичью душу. Рассказы его были полны суровой морской романтики, частенько с пиратским душком, но всегда уморительны и со счастливым финалом. Всему семейству, начиная с главы, славившемуся своей скаредностью и любовью к подаркам, Аристо преподносил оригинальные и порой весьма дорогостоящие сувениры, называя их «сущими безделицами». Например, он подарил супруге Ставроса Ариетте усыпанную бриллиантами диадему из Коломбо.

До поры до времени Ливанос не подозревал о действительных намерениях Онассиса, предполагал, что тот подбивает клинья под красавицу Ариетту. Кроме того, Аристо часто появлялся у них с Гретой Гарбо, которую молва прочила ему в жёны.

Адольф Гитлер преподнёс подарок своему другу Бенито Муссолини — позволил Италии совместно с покорительницей Европы Германией оккупировать Грецию.

Евангелия Калогеропулос в мемуарах пишет, что вся их семья активно сотрудничала с Сопротивлением. Она вспоминает, как в конце августа 1941 года они укрыли в кладовке своего дома в Афинах знакомого греческого лётчика с двумя английскими офицерами, чем спасли им жизнь. Лётчики были весёлыми и симпатичными, успели даже закрутить нечто вроде романов с дочерьми, Джеки и Марией. Вскоре после того, как англичане покинули дом, с обыском явились итальянцы — кто-то из соседей выдал Евангелию оккупантам. Поначалу итальянцы вели себя грубо, ругались, лапали девушек…

«Нас спасла Мария, — пишет Евангелия. — Она бросилась к пианино и, изумительно себе аккомпанируя, запела в полный голос „Тоску“. Никогда ещё я не слышала, чтобы Мария пела так, как пела в тот день. Итальянцы, заслушавшись, расселись на полу вокруг пианино и ушли только после того, как она закончила петь. На другой день они пришли к нам снова, но совсем не для того, чтобы нас арестовать. Они принесли продукты: хлеб, пармскую ветчину, макароны, шоколад… Они вывалили эту роскошную по тем временам снедь на пианино, словно приношение богине, и Мария опять пела для них, некоторые даже плакали, остальные с трудом сдерживали слёзы: кругом война, оккупация в разгаре, где-то поблизости стреляют или кого-то расстреливают, слышны крики, взрывы, а тут звучит прекрасная музыка и божественный голос, будто в раю…»

В роли Тоски Мария Каллас дебютировала на сцене Афинской оперы семнадцатилетней студенткой консерватории, и это, по словам её биографа Клода Дюфрена, была «грандиозная, патетическая, незабываемая Тоска… Мария изобразила такую неистовую страсть, предалась столь глубокому отчаянию, что напрашивался вопрос: как можно было игрой достигнуть подобной убедительности, заставить публику уверовать в достоверность происходящего на сцене?».

Дюфрен свидетельствует: «Как потрясённый зритель на одном из последних представлений произведения Пуччини в 1965 году с Каллас в Париже, я мог представить, какой восторг у афинских любителей оперы в 1941 году вызвала эта юная исполнительница, так верно передававшая чувства, о которых сама не имела ещё никакого представления».

Успех дебюта был колоссальный! Солистка Флер, которую Мария заменила в этой роли, в восторг, разумеется, не пришла. Муж Флер, во время представления стоявший за кулисой, злобно

язвил по поводу голоса Марии, её зажатости на сцене, полноты, неумения носить платье Тоски и прочего. Закончив одну из арий и уже потеряв терпение, Мария вышла за кулисы и нанесла обидчику совершенно мужской прямой удар кулаком в нос. Тот ответил, завязалась потасовка. Результат, как говорится, был на лице — дебютантка вернулась на сцену в разорванном платье и с подбитым глазом, задорно сиявшим в огнях рампы. У мужа Флер, в свою очередь, хлестала из разбитого носа кровь, лицо было исцарапано, он беспрерывно приседал за кулисами, держась за причинное место, которое поразила коленом юная обладательница колоратурного сопрано. В другой раз она метнула увесистую табуретку в машиниста сцены, позволившего себе некорректное высказывание по поводу её внешности, и вновь выбежала на авансцену на поклоны…

В общем, столь блистательного дебюта Афинская опера ещё не знала.

…Через некоторое время Мария стала подкармливать своё голодающее семейство макаронами и пармской ветчиной от некоего полковника Марио Бональти, восхитившегося её талантом, ставшего опекуном и, как судачили, любовником. (Об этой истории в жизни оперной богини говорить не принято, дабы не разрушать или не размывать образ, и мы не станем разбираться в этих слухах и, возможно, домыслах.)

Самой Марии больше всего запомнился знойный летний вечер 1944 года. В опере Людвига ван Бетховена «Фиделио», написанной на сюжет французской пьесы Жана Николя Буйи «Леонора, или Супружеская любовь», Мария играла главную роль — Леоноры, которая, переодевшись в мужчину и назвавшись Фиделио (то есть Верный), пытается спасти мужа из якобинской тюрьмы. («Из всех моих детей, — писал Бетховен об этой опере незадолго до смерти, — она стоила мне наибольших мук при рождении, она же доставила мне наибольшие огорчения, — поэтому-то она мне дороже других».)

Было чрезвычайно душно, зрители, в основном немецкие офицеры и солдаты, до отказа заполнившие величественный античный амфитеатр, обливались потом. Опера прошла в невероятной тишине. Но в финале, в самый драматический и сильный момент все как один поднялись с мест и бесконечно долго, как ей тогда казалось, аплодировали под звёздным афинским небом. Аплодировали ей, Марии, бросали, преподносили цветы, пытались вызвать на бис и не отпускали, когда она выходила раскланиваться… Как актриса она была в таком воодушевлении, что ей даже почудилось, будто звёзды пришли в движение, сталкиваясь и рассыпаясь на тысячи

осколков, разлетающихся по всему чёрному небу, от края до края…

Провожать Марию после спектакля вызвалась сразу дюжина офицеров, осыпавших её комплиментами.

После освобождения Греции певицу стали упрекать в том, что она выступала перед врагами. Под этим предлогом дирекция Афинского оперного театра разорвала (или не продлила) с ней контракт. Каллас никогда и не скрывала, что многажды пела в спектаклях, организованных немецкими и итальянскими оккупационными властями, и неоднократно ездила с гастролями по стране, на острова, в Салоники… Но руководящим мотивом, как это ни покажется странным, был для певицы страх голода.

Марии вменяли в вину, что в том же 1944 году она согласилась во время литургии петь для немецких солдат и офицеров. «Молодой и очень обходительный немецкий офицер, — вспоминала Евангелия, — услышав пение Марии, прислал ей цветы; затем он пришёл к нам домой. Молодому человеку было всего двадцать четыре года и звали его Оскар Ботман… Весёлый парень пришёлся всем нам по душе. В свою очередь, он был очарован Марией. Вспоминала ли когда-нибудь Мария своего восторженного ухажёра? Мне порой кажется, что она и до сих пор его помнит…»

В своих отношениях с поклонниками певица сохраняла полный нейтралитет, не отдавая очевидного предпочтения ни итальянским, ни немецким, ни английским офицерам. Впрочем, как и освободителям.

По новому контракту с Афинской оперой ей положили небольшое ежемесячное жалованье — 1300 драхм. Но пропасть между Марией и её партнёрами по сцене с каждым новым её успехом углублялась и расширялась. «Эти люди, — жаловалась она матери, — наводят на меня тоску. Но я нисколько не боюсь их».

Мария решила ехать в Нью-Йорк, чтобы добиваться достойной карьеры.

В августе 1945 года, заработав деньги на дорогу, она уложила чемодан и приехала в порт, где от лица мэра городка Пирей предстоял прощальный обед. Накануне, промучившись в размышлениях всю ночь, Мария не пригласила на обед ни мать, ни сестру. Она была тогда — впрочем, и всю жизнь, до последнего вздоха — эпохально одинока, как и все гении. После прощального обеда на пристани её, отплывавшую в туманную неизвестность на океанском теплоходе «Стокгольм», провожала лишь Эльвира де Идальго, преподавательница, заменившая ей, по сути, родных и близких. Провожала с горечью и страхом, ибо была убеждена, что

любимая ученица совершает ошибку: карьеру оперной певицы следовало начинать только в Италии.

Мария страха не испытывала. Позже она так говорила о своём отъезде в Соединённые Штаты: «В двадцать один год, одна и без единого цента, я взошла в Афинах на корабль, отплывающий в Нью-Йорк. Нет, я ничего не боялась».

Листая на палубе и в ресторане теплохода модные американские журналы, изучая диеты голливудских звёзд, Мария терзалась сомнениями лишь по поводу своего веса — 110 килограммов! Однако терзания не умеряли её неистребимую тягу к сладким булочкам, конфетам, шоколаду…

Евангелия напишет в мемуарах, что в этом дочь винила её: «Мария начала упрекать меня в том, что растолстела по моей вине, что едой она компенсировала отсутствие внимания с моей стороны. Это не могло не повлиять на её отношение ко мне».

Высадившись в порту Нью-Йорка (и найдя статую Свободы тоже полноватой), Мария попала в крепкие объятия своего шестидесятилетнего отца Георгиоса Калласа (который и приглашал её в США, выслав от щедрот своих 100 долларов).

Оказалось, что он отнюдь не владелец аптеки, как писал в письмах, а скромный начальник отдела, что жил он в тесной съёмной квартирке на 157-й улице, а в комнатушке, которую он предоставил приехавшей дочери, трудно было повернуться. Но для Марии всё это не имело значения, тем более что её поддержал крёстный отец доктор Лонтцаунис…

Мария не забывала истинных причин своего переезда в Новый Свет.

Сориентировавшись, она стала звонить директорам театров, многочисленным театральным агентам (благо английский для неё был родным), записываться и ходить на прослушивания к импресарио…

Иллюзии по поводу головокружительной карьеры в Нью-Йорке лопались как мыльные пузыри. Соотечественник Марии, известный певец Никола Москона, в Афинах осыпавший её комплиментами, здесь, в Нью-Йорке, не пожелал даже встретиться с ней, перестал подходить к телефону, когда она с назойливостью старой девы названивала ему утром, вечером и ночью. А когда она всё-таки его поймала и умоляла замолвить за неё словечко маэстро Артуро Тосканини (под чьим руководством Москона спел не одну оперную партию), то получила категорический отказ.

Череда неудач и полных провалов казалась нескончаемой. Её согласился прослушать «золотой голос» нью-йоркской Метрополитен-оперы Джованни Мартинелли. Отметив, что у неё

есть все данные для того, чтобы стать певицей, он посоветовал «очень много работать» и предложил прийти к нему через год.

«Я задавала себе вопрос: в конце концов, если я — певица, каких много… — рассказывала Мария позже в одном из интервью, — если мой успех в Афинской опере был вершиной моей карьеры, может быть, самое лучшее и правильное, что я могу сделать, — это купить билет на ближайший теплоход и отправиться обратно в Грецию?..»

Неожиданно для себя она, мужественная, стойкая, независимая Мария Каллас, всё чаще стала ощущать, что ей не хватает матери Евангелии, чьей навязчивой и строгой опекой она так тяготилась, и Эльвиры де Идальго, с которой всем откровенно делилась…

Однажды ночью она даже задумалась о том, почему самоубийц отказываются хоронить на кладбищах. Но утром продолжила начатый штурм: звонила, писала, просила…

Когда Мария утратила едва ли не последнюю надежду, её согласился послушать директор Метрополитен-оперы Эдвард Джонсон. И она произвела на него такое впечатление, что он тут же, ни с кем не советуясь, предложил ей в следующем сезоне исполнить сразу две главные партии: Чио-Чио-сан в «Мадам Баттерфляй» и Леоноры в «Фиделио».

Казалось бы, победа!

И тут впервые в полной мере проявился непростой, мягко говоря, характер будущей примадонны крупнейших мировых сцен. (А может быть, потому она и стала величайшей в XX веке Примадонной…)

После раздумий Мария Каллас, в буквальном смысле пропадавшая в Нью-Йорке без денег, без работы, отказалась. Неужели в самом деле, как заявлял Эдвард Джонсон в 1958 году в интервью «Нью-Йорк пост», её не устроил контракт «для дебютантки»?

«Я решила не соглашаться на кабы что, даже если умру с голоду, — скажет она через много лет в интервью. — Тот, кто хочет остаться независимым, всегда умирает голодной смертью, не правда ли? Я отказалась дебютировать в Нью-Йорке несмотря на то, что мне предложили роли, о которых можно было лишь мечтать… Меня сочли сумасшедшей, и я себе говорила: „Тебе никогда больше не представится такой случай“. Но я знаю, что подобное решение свойственно моему характеру: я умею отказываться, я умею выбирать, я умею ждать, каким бы мучительным для меня ни было это ожидание. Когда я говорю „нет“, это вовсе не каприз, а решение, принятое в результате зрелых размышлений, а также, возможно, благодаря моей

интуиции…»

Обе партии предстояло петь не на итальянском, а на английском языке, что для серьёзной оперы, как считала Мария, неприемлемо (даже для части американской публики из настоящих ценителей оперного пения). Интуиция? Несомненно. И ещё «чувство пути». В «Мадам Баттерфляй» ей доставалась роль миниатюрной хрупкой японки. Как восприняли бы любители и знатоки оперы исполнительницу весом в 100 килограммов?..

Так что дело было не только в более чем скромном денежном содержании контракта. Всё же, выходя из кабинета Эдварда Джонсона, Мария бросила ему напоследок:

— Придёт день, и Метрополитен на коленях станет умолять меня спеть, и я не соглашусь петь задаром!

Она вновь отправилась на поиски работы. Но и прослушивание у директора Театра оперы в Сан-Франциско Гаэтано Меролы не оправдало надежд.

— У вас хороший голос, — заключил Мерола после прослушивания. — Но здесь, в Америке, вас никто не знает. Сперва сделайте себе имя в Италии — и я охотно подпишу с вами контракт.

— Когда я завоюю известность в Италии, — задавив отчаяние внутри себя, дерзко ответила Каллас, — вы мне будете не нужны!

В Нью-Йорк к дочери прилетела Евангелия — на одолженные у того же доктора Лонтцауниса 700 долларов. Мария искренне обрадовалась встрече со своей деспотичной матерью, которая заставила дочь вновь поверить в себя, не падать духом и не забывать ни на секунду о своём великом предназначении.

Именно на этом душевном подъёме судьба свела Марию с опереточной певицей Луизой Казелотти, сыгравшей несколько эпизодических ролей в кино и занявшейся теперь обучением начинающих артистов, и её мужем Эдди Багарози, адвокатом-неудачником. Послушав Марию, они сразу поняли, что это их шанс в жизни. Мария охотно согласилась брать у Луизы уроки.

Адвокат Багарози уверял Марию, что её ждёт блистательное будущее, и предложил — якобы в шутку — подписать контракт, согласно которому она обязывалась до конца жизни выплачивать ему десять процентов от всех полученных в будущем контрактов. Не глядя, тоже в шутку, Мария Каллас поставила свою подпись (не подозревая, чем это может обернуться).

Благой порыв Эдди Багарози создать труппу молодых талантливых артистов (куда входила и Мария) из Старого Света, дабы утереть нос Новому Свету, не увенчался успехом, точнее — с грохотом провалился.

В феврале 1946 года стало известно, что в Нью-Йорке

находится Джованни Дзенателло, знаменитый тенор, ставший после завершения своей карьеры художественным руководителем ежегодного фестиваля в Вероне. Прибыл он в поисках певицы-сопрано для исполнения главной роли в «Джоконде» Понкьелли и согласился прослушать Марию Каллас. Аккомпанировала ей Луиза. Когда дело дошло до дуэта Джоконды и Энцо, Дзенателло с неожиданной для семидесятилетнего мужчины силой запел, после чего пылко обнял Марию и взволнованно произнёс:

— Дитя моё, такого голоса за всю свою долгую карьеру я ни разу не слышал!

Сбылось предсказание Эльвиры де Идальго: звезда Марии должна была взойти на итальянском небосклоне. В оставшиеся несколько месяцев до возвращения в Европу Мария, чувствуя, что дождалась своего часа, работала как одержимая. В Италию она должна была плыть с Луизой Казелотти (на семейном совете Багарози было решено не оставлять Марию без присмотра — возможно, учитывая и подписанный контракт, о котором певица сразу забыла).

В конце июня 1947 года на пристани Нью-Йорка Мария Каллас взошла на борт теплохода, взявшего курс на Неаполь.

…Первую рецензию на премьеру Марии Каллас Онассис прочтёт 26 декабря 1947 года. Это будет положительный отклик на премьеру, точнее, ввод Марии в «Норму» в Генуе. И выучит рецензию наизусть. А потом будет беспрестанно цитировать. (Забегая далеко вперёд скажем, что с цитатой из той первой серьёзной рецензии он и придёт к ней в Париже с последним предложением руки и сердца, но будет уже слишком поздно.)

ГЛАВА ШЕСТАЯ, в которой рассказывается о браке по расчёту и уроках тестя-миллиардера

1

Приехав в Шереметьево почти за три часа до назначенного времени (и всё ещё на что-то надеясь, мало ли что бывает, а вдруг?), я прогуливался по пустынному гулкому залу прилёта, делая вид, что букет привезённых мною роз не имеет ко мне ровно никакого отношения. Анализировал, подобно Штирлицу, ситуацию с дочкой Онассиса, прорабатывая возможные и невозможные варианты. Кто такой Каузов, который в качестве жениха прилетал с Кристиной, откуда взялся? Если чекист, что скорее всего, потому что таких случайностей не бывает, то слишком уж грубо, примитивно сработано.

С другой стороны, это же потрясающий ход: воспитать наследника Онассиса и присвоить его плавучую империю, крупнейший в мире частный флот! Так или иначе, но комбинация гениальная! А что я, собственно, знаю о Кристине Онассис? Взбалмошная, непредсказуемая… Ничего конкретного. И шансов никаких не имею. Хотя вот Каузов, Каузов Сергей, мой тёзка и ненамного старше, как-то ведь сумел её закадрить…

Я прогуливался по залу прилёта, поглядывая на часы, поднимался, дабы убить время, наверх, в зал вылета, столь же пустынный и гулкий, снова спускался. Понемногу аэропорт стал оживать: подъезжали репортёры, съёмочные группы устанавливали, настраивали, проверяли аппаратуру… Мне хотелось «затеряться в толпе», которой тогда просто-напросто не могло быть в международном аэропорту «Шереметьево-2» — по определению, как говорится. Поневоле прислушивался к разговорам, пересудам вокруг на русском, английском, французском, греческом, испанском…

Имели место как вполне логичные предположения, так и совсем абсурдные, невероятные. Большинство встречающих сходились во мнении, что жених Кристины Онассис — кадровый офицер разведки, проверенный в деле чекист «с чистыми руками, холодной головой и горячим сердцем» (как говаривал Феликс Дзержинский), получивший задание из Центра и с блеском его выполнивший. Рознились версии выполнения этого архисложного задания. Одни говорили, что это огромного роста накачанный

боец, не имеющий равных в постели, и поэтому вопрос решился в первую же ночь. Другие уверяли, что жених, наоборот, неказист, но осаду вёл долгую, умелую, по всем правилам искусства обольщения. Кто-то доказывал, что это Владимир Высоцкий, которому надоела Марина Влади, и всё совпадает с описаниями: небольшой рост, низкий хрипловатый голос, да всё!.. Кто-то горячо утверждал, будто жених — сын члена политбюро, курирующего нефтегазовый комплекс, и отныне танкерная флотилия Онассиса станет монопольно вывозить нефть из СССР и продавать за золото, которое то ли пойдёт на подготовку и проведение Олимпиады-80, то ли по совершенно секретному решению будет храниться на личных счетах и в банковских хранилищах самих членов политбюро на чёрный день — если внезапно произойдёт обвал цен на нефть…

Между тем время приземления самолёта Париж — Москва приближалось, и атмосфера накалялась. Уже почти все встречающие, а в общей сложности человек пятьдесят, скопились у выхода из депутатского зала. «Раз, два, три, четыре, пять…» — проверялись диктофоны. Всё чаще слепили фотовспышки. Жарко становилось от включаемых и выключаемых юпитеров.

Самолёт прилетел по расписанию. Через час, миновав бдительный — муха не пролетит! — паспортный контроль и таможенников, досматривавших всех без исключения прибывших, утомлённые пассажиры стали выходить по одному в зал. Кристины всё не было, как и её спутника Каузова. Миновали полчаса, час, пошёл второй, все пассажиры разъехались…

А потом стало известно, что Кристина Онассис прилетела утром, остановилась в гостинице «Интурист» на улице Горького (Тверской) и в настоящее время разгуливает по Красной площади. Журналистская братия, как воробьиная стая от выстрела, снялась и упорхнула в сторону Красной площади, будто Кристина там стояла и ждала, мечтая кому-нибудь дать интервью.

Но лично мне в тот же вечер повезло: я увидел её в интуристовском ресторане «Золотой», куда трижды возвращался выпить чашку кофе и бокал вина, словно предчувствуя, что радения мои не напрасны, и куда перед закрытием спустилась с компанией Кристина, близоруко и подозрительно озираясь по сторонам.

Вскоре в западной прессе, а к некоторым изданиям (выборочно, в основном левым или нейтральным) я как будущий журналист-международник порой допускался, была опубликована аналитическая статья — «История загадочной любви греческой миллиардерши и одноглазого русского чекиста».

Это одна из крупнейших в XX веке операций ОГПУ-НКВД-КГБ

СССР, говорилось в статье, сопоставимая по масштабу с легендарной операцией «Трест», так называемым «другом Ленина» Армандом Хаммером и даже «мюнхенским сговором Сталина с Гитлером» (!). Якобы Кристина, оставшаяся после гибели брата Александра, а затем смерти отца единственной владелицей колоссальной империи Онассиса, растерялась, не зная, что делать и как поступить с этим обрушившимся на неё несметным богатством: движимым (крупнейшим в то время частным торговым флотом в мире) и всем сопутствующим недвижимым (островом, замками, домами по всему миру), акциями в самых доходных корпорациях, счетами в банках и пр. и пр. И тут в офисе одной из её многочисленных компаний — «Олимпик маритим» в Париже — раздаётся телефонный звонок. Джентльмен приятным баритоном на безупречном английском представился Сергеем Каузовым из московского представительства Совфрахта. Звонил господин Каузов по поводу возможности аренды её танкеров для перевозки нефти. СССР тогда только начинал по большому счёту выходить на мировые нефтяные рынки, и результат этих переговоров имел чрезвычайное значение.

Но 27-летнюю Кристину, по её признанию, заворожил голос. Ей, мультимиллиардерше, не столь уж важен был результат, у неё, «привыкшей к ломаному, колониальному английскому, просто закружилась голова от тембра, от очень приятного оксфордского произношения с придыханием». Прощаясь, она в шутку пригласила Сергея Каузова на переговоры в Париж, думая, что для рядового советского клерка это исключено. И каково же было её изумление, когда буквально несколько дней спустя в отеле «Крийон» ей представили господина Каузова собственной персоной.

На момент их знакомства ему исполнилось 37 лет, писали газеты, и она мгновенно подпала под его мужское обаяние. Хотя Каузов был заметно ниже Кристины, лысоват, один глаз заметно косил…

Если вкратце свести все западные журналистские байки, то первое их общение выглядело примерно так. «Вы верите в Бога? — осведомилась она. — Вы — член партии коммунистов, не отпирайтесь, я знаю, что вы являетесь советским агентом, иначе никогда бы здесь, в отеле „Крийон“ в центре Парижа, не оказались. Так вы верите в Бога? Отвечайте!» — «Ну, как сказать… — смутился коммунист Каузов. — С одной стороны… но с другой…» — «А с третьей или десятой?» — саркастически усмехнулась Кристина Онассис. «Верю, в общем-то». — «И это мне заявляет убеждённый коммунист-ленинец?..»

Не прошло и часа, как они поднялись в королевский сьют Кристины и сразу же предались любви (как сообщали журналисты — наверное, держали свечу).

Однако окончательно, как писала буржуазная пресса, Сергей Каузов покорил взбалмошную гречанку тем, что, подписав удачный для греческой компании контракт, отказался от предложенных Кристиной премиальных в долларах, с трудом поместившихся в «дипломате». «Так мог поступить только святой! — восхитилась наследница. — Я люблю тебя, Серёжа!»

С тех пор они не расставались в Париже, несмотря на то, что около них постоянно дежурили агенты не только французской разведки и американского ЦРУ, но и спецслужб других морских держав, с которыми Онассис когда-либо имел дело и которые (каждая по-своему и сугубо по своим, надо полагать, причинам) пытались предотвратить вопиющий мезальянс. На миллиардершу оказывалось беспрецедентное давление. Но безуспешно. Упрямство Кристина унаследовала от отца.

С гомерическим хохотом уроженка родины Гомера объясняла друзьям: «Русский, коммунист, агент КГБ — столько запретных плодов в одной корзине, кто же мог устоять?»

2

На шестом этаже сталинского дома на улице Горького, 4, жила моя однокурсница Елена. Её окна смотрели прямо на гостиницу «Интурист». И поскольку ни Дон Жуана, ни даже Бальзаминова из меня не вышло, я решил заделаться папарацци. Взяв свой «Зенит» с 200-миллиметровым телевиком и воспользовавшись тем, что родители моей подруги на даче, я устроился с фотоаппаратом у окна, вычислив апартаменты, где жили Кристина с Каузовым.

Я надеялся, что ещё при остатках дневного света, пока моя чувствительная плёнка хоть что-то может уловить, Кристина, возможно, даже обнажённая, подойдёт к окну, чтобы задёрнуть шторы. Не подошла. Я просидел в засаде до половины четвёртого утра и ушёл несолоно хлебавши. Но на другой день вернулся в квартиру Елены. И на третий.

На четвёртый день, проявив, напечатав, просмотрев отснятое мною и удостоверившись, что Кристину на фотокарточках не узнал бы и собственный папа, я отправился в редакцию газеты «Гудок», с ответственным секретарём которой был знаком. Взяв с него страшную клятву, что будет молчать, поведал ему о задании КГБ и своём самонадеянном намерении сделать (по крайней

мере) репортаж. Он выслушал меня с искренним, как показалось, сочувствием. Кому-то позвонил, с кем-то, не назвав ни одного имени, посоветовался. После чего, выразительно вздохнув, отобрал у меня кровное удостоверение внештатного корреспондента «на временное хранение» и взамен напечатал двумя пальцами на старинной машинке (которая, должно быть, помнила ещё удары пальцев Ильфа и Петрова, в своё время работавших в «Гудке») письмо следующего содержания:

«Многоуважаемый господин Каузов! Газета „Гудок“ убедительно просит Вас допустить к съёмкам и оказать по возможности содействие в политически взвешенном и правдивом освещении событий нашему внештатному корреспонденту-стажёру, студенту четвёртого курса международного отделения факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова (декан — Я. Н. Засурский) тов. Маркову С. А. Заранее благодарим и просим извинить за возможные неудобства».

Подпись, подумав, ответсек не поставил, но спасибо что хоть напечатал на фирменном бланке. Хотя логичнее было бы получить такое письмо на бланке журфака за подписью вышеупомянутого Засурского.

— Подведёшь ты меня под монастырь, — тяжко вздохнул ответсек, протягивая мне сию лягушачью бумажку.

— Спасибо! — выдохнул я и спешно покинул кабинет.

Со следующего дня, обретя какую-никакую легитимность, я стал почти открыто охотиться за знаменитой парой.

Это оказалось делом непростым. Опасаясь повышенного, мягко говоря, интереса, они как-то незаметно покидали свой многокомнатный люкс в «Интуристе» и ездили по Москве на «Волге» Каузова, но всегда в сопровождении многочисленной охраны. Когда удавалось их засечь, я лихо, нарушая правила движения и отмахиваясь от гаишников выданным мне письмом, преследовал «Волгу» на отцовском «москвиче».

Они посещали Третьяковку, Пушкинский, Музей Советской армии и Военно-морского флота, планетарий, Бородинскую панораму… Иногда бывали у матери Каузова, которая в ту пору работала вторым режиссёром какого-то объединения на «Мосфильме» и жила в двухкомнатной квартире на Мосфильмовской, недалеко от киностудии. Остальное время наследница проводила в своём сьюте, расположенном в отдельном, изолированном крыле «Интуриста», где постоянно дежурили телохранители — немолодые угрюмые греки, доставшиеся Кристине, наверное, в наследство от папы.

Однажды неожиданно мне удалось проскользнуть внутрь. Я крался на цыпочках, готовя «к бою» фотоаппарат, но тут был

замечен охранниками. Последовала немая сцена. Мне показалось, что они с интересом разглядывают мой «Зенит». Не успел я выкрикнуть, что я — пресса, как послышалась греческая ругань (благозвучная!), меня в два счёта скрутили и вышибли.

Хорошо, что тогда ещё не было принято убивать журналистов на месте.

3

Соперничество двух титанов, выдающихся *self-made men,* всевластных миллиардеров, Аристотеля Онассиса и Ставроса Ниархоса, достойно песни Гомера. И по сей день многое в этом соперничестве остаётся тайной.

Морской офицер Ставрос Ниархос перед пулями и снарядами на Второй мировой войне не кланялся, воевал смело, честно и даже не был ранен. К концу войны теплоходы его компании в мирном режиме курсировали по Средиземному морю, но выходили и в Атлантику, бывали и в Персидском заливе…

Впрочем, для начала давайте познакомимся с Ниархосом.

Родился Ставрос в 1909 году в семье Спироса Ниархоса и Евгении Кумандарос, натурализованных американцев, незадолго до рождения сына вернувшихся в Грецию. В штате Буффало у них был свой магазин, но жилось там трудно, невесело, и беременной Евгении всё время не хватало лимонов. «Наш мальчик хочет к солнцу», — заключил Спирос, уверенный, что родится именно сын, и в апреле, когда поспели первые лимоны, супруги прибыли в Афины, а в солнечном июле, третьего числа, на свет божий появился Ставрос.

С раннего детства его воспитывали как будущего Дон Жуана и супермена. «Лучше жить с чёртом, чем с неказистой бабой», — твердил дед, который до глубокой старости слыл великим бабником. «Тебя достойна лишь принцесса!» — уверяла мать.

Точно неизвестно, когда появился в жизни Ставроса Ниархоса Аристотель Онассис. По одной из версий, Ставрос познакомился с ним в 14 лет. Онассис, несколькими годами старше, скоморошничал, гонял по Афинам на разваливающемся мотоцикле без глушителя, показывал самым красивым девчонкам фокусы, выхватывая из штанин то букетики лимонных веток, то живых хомячков или ящериц, а девчонки со смехом усаживались позади него на мотоцикл, обнимали и с визгом куда-то уносились. Всё это производило впечатление. Неожиданно Онассис куда-то эмигрировал, позже стало известно, что в Аргентину, но Ниархос его запомнил.

Первый брак, всё загодя взвесив, обдумав и рассчитав, Ставрос Ниархос заключил с дочерью прославившегося во время войны адмирала Константина Споридеса — Эленой. Жизнь с ней оказалась тоскливой, брак продлился недолго. Как только Ставрос встретил высокую зеленоглазую Мельпомену Каппарис, он предложил Элене развод, с чем она неожиданно быстро и безболезненно согласилась.

Ставрос изучал право в Афинском университете, работал в зерновом бизнесе, занимался доставкой грузов и убедил семью, что прибыльнее иметь собственные суда. Война не пощадила корабли, построенные Ставросом со своим дядей, большинство из них погибло от мин и под бомбёжкой (в отличие от флота Аристотеля Онассиса). Страховые компании выплатили им более двух миллионов долларов, по тем временам огромные деньги. Ниархос в рамках международной судоходной компании «Ниархос Лтд», которой суждено было стать одной из крупнейших в мире, приступил к созданию нового флота.

Спустя несколько месяцев после возвращения с войны Ниархос с женой был приглашён на званый ужин к южноамериканскому судовладельцу Альберто Донеро в его поместье на одном из греческих островов. Мельпомену за несколько часов пути по морю укачало, и она чувствовала себя неуверенно среди богатых и знаменитых гостей Донеро. Пока муж оживлённо беседовал, завязывая нужные знакомства, с компанией степенных стариков-миллионеров во фраках, её подхватил какой-то приземистый коренастый энергичный брюнет, предложил ей бокал минеральной воды и вышел с ней из зала. Некоторое время спустя Онассис, а это был он, вернул её, заметно повеселевшую, на место, к разволновавшемуся мужу. (Остаётся загадкой, куда он уводил Мельпомену и чем так уж развеселил.)

— Джентльмены, — объявил, улыбаясь, Онассис, — позвольте представить вам очаровательную Мельпомену Ниархос!

— Благодарю за знакомство, — сухо ответил Ставрос, — но это моя жена.

— Правда? — удивился (или сделал вид) Онассис. — Я не знал! Вы, значит, уже нашли свою тихую гавань, а я только собираюсь кое-куда забросить якорь.

Ниархосу, много лет не видевшему Онассиса, объяснили, что Аристотель рассчитывает жениться на Афине, младшей дочери Ливаноса, и для этого якобы уже есть и все предпосылки — они обручены. Сказать, что это известие расстроило Ниархоса, значило бы не сказать ничего. У магната Ливаноса были сотни судов, поместий, замков, семнадцатилетняя белокурая дочь-красавица, похожая на принцессу, и всё это теперь достанется

Ари!..

Так вспыхнуло это соперничество, которое забегая вперёд мы вкратце обрисуем, чтобы были понятны некоторые ходы (нередко и «конём», то есть непонятные для окружающих) и зигзаги нашего героя.

Спустя год после женитьбы Онассиса на Афине, Тине, как звали её в семье, Ниархос сделает предложение её старшей сестре Евгении, и Аристо со Ставросом станут родственниками. К 1960-м годам компания «Ниархос Лтд» будет владеть почти сотней нефтеналивных танкеров, в том числе крупнейшими в мире. Когда в 1956 году разразится Суэцкий кризис, вооружённый арабо-израильский конфликт длительностью в полгода, неожиданно и резко возрастёт спрос на суда большого тоннажа, Ниархос, как и Онассис, буквально за несколько недель станет настоящим мультимиллионером (в современных измерениях — миллиардером). В 1957 году Аристотель Онассис по сути учредит национальную греческую авиакомпанию *Olympic Airways,* где пассажирам будут подавать еду на золотой посуде. Но первым «золотым греком» назовут всё же Ниархоса. Он построит гигантскую яхту «Креол» и уговорит греческую принцессу Софию и испанского принца Хуана Карлоса отпраздновать на ней свадьбу. Яхта «Кристина О.» будет на 15 футов длиннее, и Онассис залучит туда надолго Уинстона Черчилля, за которым потянутся почти все монаршие особы Европы. Ниархос закрутит роман с голливудской звездой За-За Габор, Онассис — с Марией Каллас… Они синхронно или почти синхронно будут покупать личные самолёты, поместья, острова, шикарнейшие коллекционные автомобили… В 1965 году Ставрос бросит Евгению и женится на американской «принцессе» Шарлотте Форд, наследнице легендарной автомобильной империи. Спустя три года Аристотель женится на американской «вдовствующей» королеве — Жаклин Кеннеди. После чего, собравшись с духом, Ставрос возьмёт в жёны Афину Ливанос, единственную, пожалуй, женщину, которая смогла бросить и уязвить Онассиса.

После нефтяного кризиса 1973 года, когда в авиакатастрофе погибнет сын Онассиса Александр, Ставрос Ниархос продаст большую часть своих компаний и займётся торговлей алмазами и финансами. Тогда же он начнёт инвестировать капитал в разведение чистокровных лошадей, покупку суперэлитных конюшен во Франции, Великобритании и США. Позже создаст одну из крупнейших в мире частных коллекций, в которой будут шедевры Рубенса, Эль Греко, Гойи, Пикассо… Официально он женится пять раз, две его жены — сёстры Ливанос — при загадочных обстоятельствах и примерно в одном возрасте

скончаются от передозировки барбитуратов. У него будет пятеро детей от разных браков. А ещё — ослепительные сенсационные романы… В общем, со стороны его жизнь будет выглядеть весьма насыщенной и красивой. Скончается он 16 апреля 1996 года в Цюрихе в возрасте 86 лет и будет погребён в семейном склепе в Лозанне.

Но всё это, похожее на вестерн с погонями, в будущем.

А пока только закончилась война, вертлявый Онассис, воспользовавшись тем, что зеленоглазая красавица-жена Ниархоса на время осталась без присмотра, увёл её куда-то на глазах всего общества и, кроме того, собирается жениться на одной из самых богатых невест.

4

Сорокалетний Аристотель Сократес Онассис обвенчался с первой невестой Греции семнадцатилетней красавицей Афиной Ливанос в Русской православной церкви Нью-Йорка.

Довольно долго её отец, Ставрос Ливанос, противился этому очевидному, как ему казалось, мезальянсу: во-первых, жених годился в отцы его дочери; во-вторых, смущал аморальный облик «молодого», за которым тянулся шлейф романов и разнообразных похождений; в-третьих, не давали покоя упорные слухи о его морском пиратстве, подозрения в дружбе (естественно, не бескорыстной) с нацистами, с мафией, которую он чуть ли не возглавлял, и пр. и пр….

К тому же был и формальный повод для отказа греческому ортодоксу-националисту (как он сам себя порой называл в неформальных беседах с будущим тестем) Онассису: ещё не вышла замуж старшая сестра Афины Ливанос, Евгения. Но Аристотеля подобной ерундой невозможно было укротить. Темпераментом, показной (а порой и реальной, нужной ему) щедростью, весёлостью нрава он перетянул на свою сторону главное действующее лицо предстоящего обручения и свадьбы: невесту. И свадьба при огромном стечении народа состоялась.

Газеты расписывали бриллианты, которые Аристотель подарил на свадьбу своей Тине. Всех интриговала монограмма, выгравированная на сете: «T. I. L. Y.», что на самом деле означало всего-навсего — «Tina I love you». (Забавно, что с женщинами Онассис был не особенно изобретателен — и Марии Каллас, и Джеки Кеннеди он впоследствии подарит точно такие же сеты с той же монограммой, меняя лишь первую букву.) А ещё среди свадебных подарков молодожёнам были два больших судна и

пятиэтажный дом за 446 тысяч долларов на Ист-Ривер (Каттон-сквер, 16) — столько же, если не больше, Онассису пришлось добавить за перестройку и ремонт (в основном из денег, подаренных им с Тиной на свадьбу, — наш герой оставался верен себе и не очень любил тратить свои кровные).

Капитал Ставроса Ливаноса в 1946 году составлял в сегодняшнем исчислении не менее 30 миллиардов долларов, но брачный контракт ушлый папа сочинил столь хитроумно, что основная часть средств компании «Тина риэлти корпорейшн» оказалась для Ари Онассиса недоступной. Их отношений (внешне) это не испортило. Сам факт родства с Ливаносом открывал Аристотелю массу новых возможностей.

Тридцатого апреля 1948 года у Онассисов родился сын Александр, названный в честь Александра Великого (Македонского), 11 декабря 1950-го — дочь Кристина.

«То время, — писала впоследствии Тина Ливанос в своих мемуарах, — было грандиозным. Онассис любил всё это… ежемесячное, ежедневное наращивание полезных связей, шумные компании, красивых благоухающих женщин, весёлые шутки… И я тоже любила. Ари тогда был чудным мужиком».

Но вскоре семейная идиллия заканчивается. Аристотель всё чаще заводит интрижки на стороне. Тина, глядя на это, тоже начинает изменять мужу.

В ту пору завязался роман Онассиса с женой президента Аргентины Эвой Перон, Эвитой.

— Будущая жена президента Аргентины Хуана Доминго Перона была чрезвычайно сексапильна! — рассказывала мне доминиканская исследовательница-феминистка Мину Таварес Мирабаль (будущий член парламента Доминиканской Республики, крупный политический деятель латиноамериканского континента), с которой я познакомился в Гаване, находясь там на стажировке. — С девичества.

Родилась будущая любимица Аргентины 7 мая 1919 года в деревушке Лос-Толдос, что в 150 милях от Буэнос-Айреса. Мать и отец девочки — бедные крестьяне, не состоявшие в браке, — дружно жили во грехе и неустанно производили на свет божий незаконнорождённых детей. Эвита была четвёртой по счёту. В 14 лет она решила стать актрисой. В то время в их местах гастролировал известный танцор танго Хосе Армани. Эвита, действительно наделённая от природы артистизмом, уговорила танцора взять её с собой в Буэнос-Айрес, соблазнив обещанием отдаться ему по дороге. По другой версии, привёз её в столицу популярнейший в те годы танго-певец Агустино Магалис.

Так или иначе, но не прошло и года, как её опекуном стал

богатый издатель популярных газет и журналов и, кстати, совладелец крупнейшего в Аргентине и всей Латинской Америке издательства «Лосада» (где впервые будет опубликован нобеленосный роман Габриеля Гарсия Маркеса «Сто лет одиночества») Эмилио Корстулович. Он подхватил её на выходе из ресторана и тут же, в машине, стал ощупывать, чему Эвита умело возмутилась: «Сеньор, я не с панели!» — «Так чего же ты хочешь?» — осведомился медиамагнат. «Господи! — изумилась пассажирка. — Все хотят меня, а вы первый человек, который спросил, чего хочу я…» Но ещё месяц лукавая Эвита не позволяла Эмилио дойти до той точки, после которой девушка, как она знала, может в одночасье лишиться всей своей привлекательности для вожделеющего и стареющего мужчины. А когда час настал, разыграла спектакль, одновременно драму и комедию, настолько талантливо, что Корстулович, прекрасный семьянин (которого Эвита загодя изрядно накачала спиртным в ресторане), так до конца и пребывал в уверенности, что оказался у неё первым.

Её любовниками становились мужчины всё более влиятельные и состоятельные. Рафаэль Фиртузо, владелец театра, после первого же свидания дал ей хорошую роль в одном из спектаклей, а хозяин парфюмерной фабрики, которому Эва «уделила внимание» лишь раз, надолго обеспечил её дорогой французской косметикой…

Злые языки (в их числе выдающийся аргентинский мыслитель, поэт, прозаик, эссеист и философ Хорхе Луис Борхес) утверждали, что начинала будущая первая леди Аргентины профессиональной проституткой в портовом районе Ла Бока. Дескать, поэтому-то она, став женой президента, и пыталась легализовать древнейшую профессию. Маловероятно, что Эвита долго проработала «на улице». Недавняя полуграмотная крестьянка в Байресе стремительно обрастала полезными связями. Любовники заказывали ей туалеты у самых дорогих портных, оплачивали педагогов, обучающих правилам хорошего тона, этикету и сценической речи, устраивали приглашения на приёмы, где светловолосая, высокая красавица неизменно обретала всё новых и новых высокопоставленных поклонников…

О её юности мало что известно. Факт, что приехав в Буэнос-Айрес, она зарабатывала тем, что позировала для порнографических журналов, которые несколько лет спустя, когда она «взлетела на олимп», по её приказу были уничтожены тайной полицией. И факт, что именно при Эвите, ставшей женой президента, начали бесследно исчезать люди, в основном мужчины, которых она когда-либо ублажала, и их челядь, их

шофёры… У аргентинского писателя Хулио Кортасара есть сакраментальная фраза об Аргентине эпохи президента Перона: «Смех смехом, а четверых не стало». Думается, он имел в виду тактику и самого Перона, и его законной супруги Эвиты. Некоторых спустя время находили то в канализации, то в воздуховодах, то в фундаментах зданий… Но большинство исчезало бесследно.

Во время европейского турне она проезжала по Милану в открытом автомобиле в сопровождении отставного адмирала. На тротуарах шумела толпа, и Эва, повернувшись к своему спутнику, вдруг воскликнула: «Господи, да они называют меня шлюхой!» — «Я их прекрасно понимаю, мадам, — поддержал разговор адмирал. — Я не был в море уже пятнадцать лет, а меня по-прежнему называют адмиралом».

К ней на виллу на Итальянской Ривьере прилетел Аристотель Онассис по «консульским вопросам» (улаживал в том числе и финансовые дела нацистов в Аргентине). «У Ари было море обаяния, — пишет исследователь Мишель Глотц. — Если он задумал кого-либо обворожить, то действовал с умом… Простота общения, широта жестов и весёлый нрав удивляли и подкупали любого человека, на которого он желал произвести благоприятное впечатление, хотя слухи о нём ходили самые нехорошие». Истощив любвеобильного магната-судовладельца, Эва приготовила ему знаменитый омлет с сыром, ветчиной и помидорами и получила от него десять тысяч долларов на благотворительность — это был «самый дорогой в жизни омлет», как выразился наш герой. Но вскоре — благодаря льготным условиям, предоставленным мужем Эвиты, президентом Хуаном Доминго Пероном, Онассис тысячекратно окупил тот омлет. Как тут не вспомнить тестя Онассиса, Ставроса Ливаноса, умудрявшегося из всего, даже из секса извлекать прибыль.

По некоторым данным, первая леди Аргентины с 1945 по 1952 год предоставила политическое (так называемое) убежище сотням нацистских убийц в обмен на ценности, прежде всего ювелирные украшения, отобранные у богатых еврейских семей. Журналисты Леандро Нарлох и Дуда Тейкстейр утверждают, что эти, так сказать, «экспроприированные» ценности, владельцы которых сгорели в печах концлагерей, перекочевали в сейфы президента Аргентины Хуана Перона и его супруги Эвиты и обеспечили нацистов надёжным «домом» с «крышей» в Аргентине.

Писатель Юлиан Семёнов, в 1974 году в Испании, в Мадриде, встречавшийся со знаменитым эсэсовцем-диверсантом Отто Скорцени (кстати, зятем «финансового кудесника» самого Адольфа Гитлера, того самого доктора Яльмара Шахта, бывшего

президента Рейхсбанка, который до конца своих дней за какие-то заслуги получал зарплату у Аристотеля Онассиса), свидетельствует: «Восемнадцатого апреля 1945 года в Управление военно-морской разведки Аргентины был передан документ СФ-ОР-2315. Документ гласил, что агент „Поталио“ извещает о деятельности агента Третьего рейха Людвига Фрейде, который занят размещением значительных вкладов в банках „Алеман“, „Трансатлантико Алеман“, „Херманико“, „Торнкист“ на имя Марии Евы Дуарте — той самой Эвиты. Ещё 7 февраля 1945 года в Аргентину доставили на подводной лодке груз ценностей, предназначенных для возрождения нацистской империи».

(Кстати, Отто Скорцени стал основателем известной организации «O.D.E.S.S.A.» — *Organization der Ehemalige SS Angehorige* — «Организация бывших членов СС» и *Internationale Fascista* — «Фашистский интернационал», чья штаб-квартира много лет располагалась в одном здании с испанской разведкой и мадридским отделением ЦРУ.)

Во время своего европейского турне после войны Эвита Перон, ставшая «духовным лидером нации», побывала и в Швейцарии, где в одном из банков Женевы открыла счёт для перевода на него нескольких десятков миллионов долларов, полученных ею от нацистов в обмен на аргентинские паспорта. Среди нацистов, в разное время живших в Аргентине, были Адольф Эйхман, отвечавший в Третьем рейхе за техническую сторону «окончательного решения еврейского вопроса», Йозеф Менгеле, «ангел смерти», ставивший опыты над заключёнными Освенцима, и многие другие, менее известные…

Эвита Перон, отличавшаяся экстравагантностью, пристрастием к украшениям от «Кристиан Диор» и «Картье» и общественным темпераментом, прославилась своей благотворительностью (на что, по всей видимости, и шла часть нацистских денег), её фотографии зачастую соседствовали с изображениями Девы Марии. Она добилась равных избирательных прав для женщин, помогала профсоюзам…

Активно работал и Фонд Эвы Перон — через него супруга главы государства перекачала миллионы долларов из бюджета Аргентины в программы помощи нуждающимся. Официально она не занимала никакого государственного поста. Но де-факто была министром здравоохранения и труда. Каждый день длинная очередь выстраивалась у дверей её кабинета, посетители рассказывали о своих проблемах, и она решала, кого необходимо отправить к врачу, кому дать одежду или деньги. Многие были с язвами, кровоточащими ранами, однако, не брезгуя, всех их она обнимала. Возглавляемый ею фонд строил школы, жилые дома,

больницы, приюты для престарелых, а в конце концов появился целый городок для обездоленных и нищих, который получил название город Эвиты.

Всё большее число обездоленных нуждалось в Эвите, чуть ли не всё население страны боготворило её. Всё более тесные узы — жены, любовницы, главного советника — связывали её с генералом Пероном. Вероятно, и она любила его… Умерла она 26 июля 1952 года в 33 года. От рака матки. Безутешный супруг приказал забальзамировать тело той, которую оплакивала вся Аргентина. Но предали земле её лишь в 1974 году.

Имя Марии Эвы Дуарте — Эвиты Перон живёт в легендах, где перемежаются правда и вымысел, ничуть, впрочем, не оскорбляющий её память. Могила её стала местом паломничества.

В 1978 году на сцене лондонского *Prince Edward Theatre* состоялась премьера мюзикла «Эвита», написанного Эндрю Ллойдом Уэббером, прославившимся своей рок-оперой «Иисус Христос — суперзвезда». В 1996 году на экраны вышел голливудский вариант биографии Эвы Перон: режиссёр Алан Паркер, главную роль сыграла Мадонна. Роль удивительной женщины, чьё имя стало легендой ещё при жизни. До сих пор Эвита остаётся одной из самых ярких, неоднозначных, для кого-то одиозных, для кого-то величественных фигур в истории Латинской Америки. Подобно своему земляку Эрнесто Че Геваре.

Но это отступление.

5

Онассис объявил жене, что переносит базу своей деловой активности в Европу и им нужен новый дом. Помимо нью-йоркского особняка и дома в Монтевидео супруги обзавелись постоянными апартаментами в отеле «Плаза» в Буэнос-Айресе, виллой в Афинах на берегу моря, апартаментами во весь этаж на авеню Фош в Париже, и, поскольку этого показалось маловато, Ари взял в аренду на 99 лет замок Шато де ла Круа. Сей мерцающий белый дворец с частными пляжами, 25 акрами соснового леса, теннисными кортами, плавательным бассейном и колоссальной художественной студией, открывавшейся навстречу солнцу, до Онассиса давал крышу над головой королю Бельгии Леопольду, королю Италии Умберто, герцогу Виндзорскому и другим таким же «скромным постояльцам». Чтобы всё это работало, требовались: ключник, два повара, два метрдотеля, три девушки, посудомойка, поварёнок, два шофёра, конюх,

обслуживающий персонал, десяток садовников, а позже ещё и две гувернантки для детей…

Подписав контракт с дюссельдорфской корпорацией «Хенкель», Онассис стал полновластным и единственным хозяином китобойного флота общим водоизмещением 18 тысяч тонн. 17 корветов были перестроены из военных судов. (Притом по крайней мере два из них промышляли морским пиратством, то есть откровенными или кое-как завуалированными под сборщиков каких-то мифических налогов грабежами.) Когда сам Онассис бил для забавы китов из гарпунной пушки и вся палуба была залита кровью, то, по свидетельству друзей, со смехом вспоминал слова Бакеры, вождя племени Латука-Коморро: «Хорошие люди все слабы: они хороши потому, что недостаточно сильны, чтобы быть дурными».

Правительство США решило распродать по дешёвке наштампованные второпях 100 кораблей *Liberty Ships,* однако Онассису, как греку-иностранцу, поначалу не досталось ни одного судна. Но его жена Тина Ливанос имела американское гражданство. Так что Онассис купил несколько десятков кораблей, записав их на её имя. Некоторое время генеральный прокурор США пытался препятствовать этой купле-продаже, но безуспешно: Онассис пообещал руководителям судостроительной промышленности Соединённых Штатов в последующие годы дать заказы на 50 миллионов долларов. И действовавшая с большим размахом машина коррупции закрутилась. Нарушение закона тогда «замазали», а Онассис получил право на владение приобретёнными кораблями и использование их по своему усмотрению. Бо́льшую их часть он переделал в нефтеналивные суда, а тем временем на полуразрушенных западногерманских верфях в Гамбурге для него уже строили серию ещё более крупных танкеров. После этого Аристотель начал искать деньги. Его состояние исчислялось уже многими десятками, если не сотнями миллионов долларов, но самому выкладывать сразу несколько миллионов не хотелось, приятнее было пользоваться чужим кошельком.

Особое внимание Онассис уделил «Нэшнл сити бэнк». Процесс кредитования растянулся на месяцы изматывающих переговоров, которые шли к тому же параллельно со встречами, консультациями и переговорами с правительственными чиновниками, инженерами, юристами, банковскими служащими… пока, наконец, сделка не стала реальностью, хотя, конечно, далеко не на тех условиях, которые вначале выдвигал Аристотель. Вместо десяти лет заём предоставлялся на срок всего от 6 до 12 месяцев под залог контрактов, которые должны были

выполнять эти корабли, перевозя главным образом уголь в Германию, Южную Америку и Францию. Кроме того, банк соглашался оплатить не всю сумму, а самое большее 50 процентов стоимости судов.

Знаменитая схема Онассиса «снижения эксплуатационных расходов» будет выглядеть примерно так. Американская судоходная компания (подлинный хозяин которой Онассис, управляющий ею через родственников или подставных лиц) сдаёт очередное судно в аренду панамской компании, которая тоже принадлежит Онассису. Далее, эта же самая «панамская» компания заключает фрахтовую сделку со «Стандард ойл» Джона Рокфеллера или «Тайдуотер ойл» Поля Гетти на транспортировку его грузов. Но зачем Онассис строил свои танкеры в США? Ведь в Европе и Японии это обошлось бы в два-три раза дешевле (в зависимости от конъюнктуры). Однако в этом случае Аристотель лишился бы чрезвычайно выгодных условий кредитования, позволяющих его судам рождаться «из ничего», а точнее «из денег других людей».

Империя Аристотеля Онассиса строилась по ухищрённой модели (которая ввиду своей доказанной эффективности заслуживает пристального изучения), предполагавшей максимальную анонимность для того, кто реально контролирует всё дело.

Ещё закладывая первые камни в её строительство, Аристотель решил следовать старому правилу: во-первых, не создавать крупных пароходных компаний, а во-вторых, как можно меньше фигурировать в официальных бумагах под своим именем. Для этого решения помимо скромности были и другие, гораздо более веские причины.

Всякая новая серия сухогрузов или танкеров давала жизнь новой компании: «Олимпик маритим» (Франция), «Оверсиз балк кэррриерс» (Либерия), «Трафальгар стимшип компани» (Великобритания) и т. д. — всего 85 компаний, содержащих от одного до двенадцати кораблей. Такое дробление позволяло «приписывать» ту или иную компанию к определённой стране и наилучшим образом использовать специфику местных условий и динамично меняющуюся конъюнктуру рынка.

Годом позже, после выгодной сделки с кораблями «Либерти», приступая к строительству новых танкеров, Аристотель решил добиться более долгосрочного кредита для своих проектов. И уже не на половинную стоимость, как это было с «Нэшнл сити бэнк», а на всю сумму сделки. От эпопеи с «Либерти» у него сохранился контракт с крупным финансистом из гигантской страховой компании «Метрополитен лайф иншуранс» — Гарри Хэггерти.

Последний пообещал поддержать просьбу Аристотеля о займе на совете директоров, при наличии, разумеется, серьёзного поручительства.

Теперь уже вполне официально, а не завуалированно речь шла о строительстве танкерного флота. Аристотель чувствовал себя в лучшем из возможных положений: жил большую часть времени в Америке, формально был женат на американской гражданке и собирался строить свои танкеры в Нью-Йорке. За деньгами (6,5 миллиона долларов) он обратился к Гарри Хэггерти, но результата не достиг.

Поняв, что бьётся головой о каменную стену, Аристотель решил изменить тактику и (как ушлый судовладелец) зайти с другой, подветренной стороны. Онассис перенёс огонь на нефтяную компанию «Сокони ойл» — огромный нефтяной концерн, контролируемый семейством Джона Рокфеллера. Подготовив (приглашениями на свои роскошные приёмы) почву на различных руководящих уровнях, Аристотель предложил заключить долгосрочный контракт на перевозку нефти его концерна ещё не существующими танкерами. Заранее оговаривалась точная цена за тонну перевозимой нефти на весь срок контракта. В различных пунктах контракта фиксировались гарантии, которые судовладелец давал нефтяным магнатам на случай всяческих неожиданностей. Стоимость ремонта всех повреждений, требующих для своего устранения три-четыре месяца или меньше, покрывается, как обычно, страховой компанией.

— Нужда в кораблях столь велика, — говорил Онассис, — что ваша компания может заключить чартерный контракт, предусматривающий гарантированные платежи в таких-то размерах за тонну в месяц на срок в шестьдесят месяцев без вычета времени простоя!

В этом и была суть предложения: Аристотель был готов предоставить компании двойные бесплатные услуги. То есть в том случае, когда накапливался простой в три месяца за весь срок чартерного контракта, он не только брал на себя связанные с этим расходы, но и обязывался — по существу — бесплатно работать целых три месяца (простой свыше трёх месяцев в любом случае покрывался страховой компанией). Это предложение являлось единственным очевидным решением всей проблемы с финансированием. Онассис иллюстрировал своё предложение простым примером: возьмём корабль водоизмещением 30 тысяч тонн с оплатой в четыре доллара за тонну груза в месяц (типичный случай чартерного контракта на время), что составит 120 тысяч долларов в месяц.

При контракте на пять лет это даёт (60 месяцев по 120 тысяч долларов) всего 7 миллионов 200 тысяч долларов минус время простоя. Онассис предлагал компании дать твёрдые договорные обязательства платить помесячно указанную сумму без вычета времени случайного простоя в обмен на указанные услуги. Это было выгодно как нефтяной компании, так и Аристотелю, который благодаря этому пункту мог преодолеть скептицизм банков и получать кредиты.

Так, в январе 1947 года был заключён первый договор «Сокони ойл» с Онассисом на эксплуатацию танкера водоизмещением 28 тысяч тонн сроком на пять лет. Вскоре аналогичное соглашение было достигнуто и с нефтяной корпорацией «Тексако». С этими договорами в кармане Аристотель отправился в «Метрополитен лайф иншуранс», где Гарри Хэггерти, имея в руках обязательство нефтяной компании платить за наём судна во всех случаях, сразу дал своё благословение.

Однако сумма этих двух контрактов сильно зашкаливала норму для обеспечения гарантий по займу. Онассис тут же ринулся на Уолл-стрит в Нью-Йорке, возобновил переговоры с «Метрополитен лайф иншуранс» и теперь легко пришёл к соглашению о ссуде, но уже не в 6,5 миллиона (на которых остановились переговоры с Г. Хэггерти), а в 40 миллионов долларов на строительство шести танкеров водоизмещением по 28 тысяч тонн. Заказ на строительство танкеров-гигантов получила стальная корпорация семейства Джона Пирпонта Моргана «Бетлехем стил».

В 1954 году последний корабль серии «Либерти» был спущен на воду. Это был крупнейший по тому времени танкер в мире, имевший водоизмещение 50 тысяч тонн. Новый корабль нарекли «Аль Малик Сауд» («Король Сауд»), Такое имя новому танкеру было выбрано не случайно. Равно как и то, что вместо традиционного шампанского в гамбургском порту корабль был обрызган «святой водой» из источника в Мекке. «Аль Малик Сауд» был детищем тайных переговоров, которые велись почти на протяжении года между Аристотелем Онассисом и престолонаследником Ибн Саудом, который, став затем королём Саудом, правил с 1953 по 1964 год. Разумеется, никто не знает, сколько миллионов долларов перекочевало за время переговоров с принцем в королевскую казну, сколько на личный банковский счёт наследного принца в Швейцарии. Однако король Сауд и Онассис подписали соглашение, по которому саудо-арабскую нефть компании АРАМКО, находящейся в руках американских трестов, будет перевозить нефтеналивной флот Онассиса.

Нефтяные тресты бушевали, в ярости был и конкурент — родственник Онассиса Ниархос, уже знавший, что Аристотель истратил на подкуп другого саудовского принца, который в это время занимал пост министра финансов, не менее одного миллиона долларов. Однако факт подкупа нужно было ещё доказать. Извлекли на свет агента ЦРУ Роберта Мае (который позднее стал заниматься наведением мостов между мультимиллионером Говардом Хьюзом и ЦРУ). Но вещественных доказательств подкупа не смог раздобыть даже Мае.

Однако с союзом нефтяных компаний и ЦРУ, как ни богат был Онассис, он не мог состязаться. И ЦРУ само поручило своему агенту Мае распространить в американских газетах слухи о подкупе как «надёжную, заслуживающую доверия информацию». Этим, разумеется, ЦРУ хотело проучить не только Онассиса, но и короля Сауда. Урок удался. Король Сауд, ведший в это время ожесточённую борьбу со своим братом и будущим наследником престола Фейсалом, вынужден был росчерком пера аннулировать заключённое между ним и Онассисом соглашение.

К тому же крупные нефтяные монополии начали бойкотировать корабли Онассиса. Обречённые на бездействие танкеры только за то, что они стояли в портах, пожирали по нескольку сот тысяч долларов в неделю, причиняя греческому корабельному магнату огромный ущерб. И это был, возможно, один из наиболее критических моментов во всей карьере Онассиса. Выдержи нефтяные монополии ещё некоторое время бойкот, они, вероятнее всего, сломили бы Аристотеля Онассиса.

Но в дело вмешалась мировая политика. Бойкот нефтяных компаний начался в 1955 году, а в 1956 году президент Египта Насер национализировал Суэцкий канал. Затем последовало англо-французско-израильское военное вмешательство, после которого канал был вообще закрыт: в нём затопили несколько кораблей, и практически канал перестал функционировать на долгие годы. Закрытие сообщения по Суэцкому каналу означало наступление золотого века для нефтяных танкеров. Путь нефти из Персидского залива в Европу удлинился на две недели: корабли были вынуждены теперь снова огибать всю Африку, потому нужда в нефтеналивных танкерах увеличилась многократно. Кризис превратил нашего героя в одного из богатейших людей планеты.

Таким образом, Онассис «запатентовал» свою формулу успеха: он начал спускать на воду свои танкеры как утят, не потратив (выражаясь фигурально) ни одного своего доллара. Открытие новой «формулы» выдвинуло его в высшие круги большого бизнеса. Он был теперь желанным гостем на Уолл-стрит, а его щедрыми кредиторами вслед за «Метрополитен лайф

иншуранс» и «Фёст нэшнл сити бэнк» стали рокфеллеровские «Чейз Манхэттен бэнк» и «Кемикл бэнк».

Он продолжает наращивать мощь своего танкерного флота. Оставшиеся далеко позади конкуренты твердили: «Везёт же ублюдку!» На что довольный Ари отвечал, потирая ладони: «Справедливость всё-таки торжествует. Есть, есть в этом мире Бог!»

Он продолжает вкладывать деньги (кредитные, повторим) в строительство новых супертанкеров. Так, на воду спускается супертанкер водоизмещением 250 тысяч тонн!

6

Его суда теперь регистрируются, кроме Панамы, в Аргентине, Уругвае и других странах — всюду, где условия для их эксплуатации наиболее благоприятны. Но распоряжается всем он сам. Аристотель не любит возиться с бумагами и корреспонденцией, хотя внимательно вчитывается во все документы и контракты, которые подписывает. Его зрение так остро, что он не нуждается в очках, чтобы прочесть даже самый мелкий шрифт.

Он не любит путешествовать с большой свитой и перепоручает значительную часть рутинной и второстепенной работы (как делают большинство греков-бизнесменов) родственникам и близким друзьям. В Буэнос-Айресе его зять Николас Кониалидес надзирает за ходом дел; Нико Кониалидес сопровождает его в деловых поездках; Коста Кониалидес представляет интересы хозяина в Монтевидео; Николас Коккинис, кузен его друга Андрэ Эмбрикоса, распоряжается в американском агентстве Онассиса, выполняя обязанности исполнительного директора в Нью-Йорке…

Онассис непрерывно выстраивает свою империю, основанную на огромных деньгах, связях в деловых и политических сферах, на врождённом даре предпринимательства и новой, неслыханной до него философии бизнеса. Его империя, конечно, несопоставима по своим масштабам с глобальными конгломератами Ротшильдов, Рокфеллеров, Морганов или Дюпонов, построенными на акционерном капитале. Активы этих консорциумов исчисляются сотнями миллиардов долларов. Но Онассис в отличие от них — предприниматель-одиночка, который по размерам личного состояния обошёл даже Рокфеллера. Поэтому логичнее сравнивать его с такими же магнатами, которые не вступали в монополистические объединения (тем же

«нефтяным королём Америки» Полем Гетти). «Одинокие художники», сами себе хозяева, они единолично распоряжались своими капиталами — без каких бы то ни было советов директоров или советов пайщиков. Имея свои (порой кажущиеся странными, слишком экзотическими или чересчур дорогими для простых смертных) увлечения.

Одним из любимых хобби Аристотеля Онассиса оставалась охота на китов. Но арктическая зона была закрыта для промысла, и Онассис бил китов у побережья Латинской Америки. Однажды, когда перуанское правительство решило расширить зону запрета на рыболовство до 200 миль от берега, несколько судов Онассиса были застигнуты внутри этой зоны и эскортированы в перуанский порт — ожидать судебного разбирательства.

К претензиям Перу присоединились Чили и Эквадор. Вскоре Онассису предъявили обвинение в варварском уничтожении некоторых видов китов, но ему удалось по обыкновению отделаться крупным (беспрецедентным по тем временам) штрафом. Разумеется, штраф заплатила лондонская страховая фирма. Однако общественное мнение было настроено против китобойного промысла. Одна из влиятельных английских газет именовала Аристотеля Онассиса не иначе как «главным китовым пиратом».

И в 1956 году он решил продать весь свой китобойный флот японцам. Стоило это 8 миллионов 200 тысяч долларов (в современных измерениях, учитывая привходящие и перспективы, — не менее 100 миллионов).

ГЛАВА СЕДЬМАЯ, в которой рассказывается о монакской идиллии

1

В своём замке Шато де ла Круа на юго-востоке Франции, в соседних замках и на виллах Лазурного Берега Онассис сблизился с европейскими знаменитостями, подружился с британским медиамагнатом лордом Бивербруком, главой исмаилитов Али Ханом, писателем Сомерсетом Моэмом, легендарным Уинстоном Черчиллем, монакским принцем Ренье…

Впрочем, золотой век игорной столицы мира уже минул. Монте-Карло в начале 1950-х годов было скорее скучным местом, всего лишь тенью собственной легендарной истории. Ушли времена князей Голицыных, Волконских, Юсуповых, Барятинских, Потёмкиных-Таврических, Радзивиллов, некогда проигрывавших здесь в рулетку свои состояния, забывая, что России и крепостных уже нет и некому восполнить миллионы (и некоторых проигравшихся в пух и прах сами игорные заведения даже брали на пожизненный пансион). Но Онассис отлично помнил, каким увидел Монако с корабля, увозившего эмигрантов в Латинскую Америку…

После завершения Первой, а особенно Второй мировой войны княжество Монако, карликовое государство в центре Европы, долго не могло стать на ноги. Организованное ещё в XIX веке Общество морских купаний учредило игорный дом, ставший всемирно известным казино, вокруг которого вырос целый город Монте-Карло. Во владении общества находились также пять отелей, кегельбаны, лужайки для гольфа, спортивные клубы… Две мировые войны резко сократили поток посетителей и туристов. Учредители общества морских купаний были всерьёз озабочены его (и своей) дальнейшей судьбой.

Находившийся на грани банкротства игорный бизнес Монако привлёк внимание стремительно увеличивающего своё могущество Аристотеля Онассиса. Сделав необходимые расчёты, он принял решение взять под контроль игорный бизнес, который, как подсказывало чутьё, может принести прибыль.

Известному магнату, играющему всё более заметную роль в деловом мире, не составило особого труда договориться об аудиенции у князя Ренье, правителя Монако, который принадлежал к древней правящей династии Гримальди. Во время

встречи он показал князю сделанные расчёты, обещая возвратить Монако его прежний блеск за 500 дней (как тут не вспомнить Григория Явлинского и его «яблочную» программу «500 дней»). Предложение бизнесмена показалось князю Ренье достаточно заманчивым. Он с энтузиазмом поддержал планы развития своего государства.

Онассис вступает в переговоры с учредителями Общества морских купаний, и учредители предлагают ему приобрести крупный пакет акций. Через подставных лиц на Парижской бирже он скупает 550 тысяч (52 процента) акций компании «Общество морских купаний» и становится, по существу, владельцем этого карликового государства, выложив сравнительно небольшую сумму — всего один (!) миллион долларов США.

Он решает строить в Монако новый порт. Стоимость — 90 миллионов долларов. Но город смог бы принимать как минимум две тысячи туристов в день, а это для начала 1950-х, когда туризм в нынешнем понимании реанимировался после войны и вообще только зарождался, едва ли не рекордное количество.

Вести дела в Монте-Карло оказывается гораздо легче и веселее, чем в том же Париже. Чутьё и на этот раз не обманывает бизнесмена. Благодаря его умению извлекать из всего выгоду, придерживаясь принципа «максимальный эффект при минимальных затратах», игорный бизнес Монако начинает приносить дивиденды и Онассису, и князю Ренье, и населению Монако.

Когда князь взял в жёны самую богатую голливудскую кинозвезду Грейс Келли, Онассис подарил молодожёнам миллион долларов, а на яхту, на которой они совершали свадебное путешествие, с самолёта Аристотеля Онассиса, вдруг вырвавшегося из-за туч, было сброшено целое облако красных и белых гвоздик (национальные цвета княжества).

ФБР заводит на магната досье. Его обвиняют в профашистских симпатиях, в покупке по подложным документам американских крупнотоннажных кораблей, ибо собственниками этих судов по закону могли быть только граждане США (очухались, что называется). Аристотеля арестовывают, и он чуть было не попадает в тюрьму. «Король Монте-Карло обвиняется в мошенничестве» — пестрели заголовками нью-йоркские газеты. Однако в тот раз всё заканчивается благополучно. Суперкрупный штраф (наличными) — и Онассис на свободе. В другой раз Аристотеля обвиняют в подкупе: он-де подарил Ренье яхту «Део Хуанте», чтобы войти в доверие, а теперь вознамерился стать хозяином всего флота Монте-Карло…

Князь, вставший на ноги благодаря поддержке Аристотеля

Онассиса, начинает испытывать раздражение по поводу значительной, а по сути ведущей роли, которую тот с некоторых пор играет в Монако. Он видит в нём соперника — чуть ли не претендента на престол. Расчётливым, но не слишком чистым и честным (хотя странно говорить о чистоте и честности там, где вращаются большие деньги) — по отношению к магнату — ходом он увеличивает число акционеров компаний, не сообщив об этом Аристо, и тем самым делает его миноритарным акционером.

Закончена была эта «игра по-крупному» только под нажимом французского правительства. Париж, а в нём — человек строгих правил генерал де Голль стали неодобрительно поглядывать на эту дружбу князя, а главное, на то, что ранее находившееся под исключительным политическим контролем Франции княжество становится частным владением пускающегося в какие-то сомнительные аферы миллиардера.

Находившееся в руках Парижа радио Монако в 1960-х годах открывает кампанию против Аристотеля Онассиса, а французские банки обещают неограниченные кредиты князю, если тот выкупит у магната акции общества. И поскольку речь всё-таки шла не просто об игровой площадке в гольф, а о государстве, то на весах перетянули не деньги, а чиновничья бюрократия. Государственный совет Монако под давлением французского правительства принимает закон о выпуске новых акций «курортного общества» и тем самым в один миг у Онассиса из рук уплывает контрольный пакет. Государственный совет Монако даёт указание обществу скупить акции у Онассиса по 16 долларов за штуку; Онассис протестует, утверждая, что акции стоят как минимум 50 долларов. Но как опытнейший бизнесмен уже понимает, что угодил в ловушку, потому что с жалобой может теперь обратиться только в Верховный суд Монако, а тот находится под контролем (и строгим взглядом) генерала де Голля. В конце концов Онассис вынужден уступить.

Учитывая бурное развитие игорного бизнеса и инфраструктуры Монте-Карло, потери Аристо составили не менее 32 миллионов долларов. Но эта история не стала для него катастрофой: сумма упущенной выгоды оказалась меньше цены одного танкера, которых в его империи было уже больше сотни.

2

Всего за 50 тысяч долларов Онассис купил бывший канадский фрегат «Стормонт» водоизмещением 2200 тонн, а затем вложил в него больше четырёх (более сорока в современных измерениях)

миллионов долларов, чтобы превратить в самую фешенебельную яхту мира. Для этого олигарх не поскупился на гонорар выдающемуся немецкому профессору архитектуры Цезарю Пиннау, который набросал эскизы изумительного белого корабля, изящные и дерзкие линии которого бежали назад от высокого стройного бушпиля.

На судоверфи Говальдта в городе Киле немцы были счастливы заняться строительством такого чуда, но их сбивали с толку экстравагантные желания богача. Длина яхты — 110 метров, то есть футбольное поле. Онассис хотел иметь палубу (яхта была пятипалубной), вмещающую два аэроплана, несколько скоростных катеров, катер на подводных крыльях, парусную шлюпку, плавательный бассейн, танцплощадку и, конечно, комплект спасательных лодок разного калибра. Безопасности экипажа и пассажиров на яхте вообще уделялось гипертрофированное внимание. Гидроплан должен быть всегда заправлен горючим и быть в полной готовности к отлёту в любой момент.

Что касается электроники и различных технических устройств, то Аристотель хотел иметь на своём корабле их все, притом непременно обгоняя, как теперь модно говорить, «тренд». В результате на «Кристине О.» нельзя было плюнуть, чтобы не попасть в какое-нибудь чудо техники.

Огромный кондиционер, установленный между двумя палубами; сложная и надёжная система тревоги срабатывала как от резкого повышения температуры, так и от пробоин в корпусе корабля; специальное устройство поддерживало температуру воды в палубном плавательном бассейне на несколько градусов ниже температуры воздуха, так что, нырнув в него, гости Онассиса могли приятно освежиться. Для новейшей радарной системы и телефонной сети на 40 номеров требовалась непрерывная работа четырёх дизельных генераторов. Даже обеспечение звукоизоляции этих дизелей потребовало выписки из Берлина особого и весьма дорогостоящего специалиста.

Детальное внимание было уделено интерьеру яхты. Каюты и помещения Аристотель приказал обставить с роскошью: большой открытый камин в курительной комнате был выложен драгоценной ляпис-лазурью по цене четыре доллара за квадратный дюйм. И каюты гостей, и каюты членов команды имели отменные кондиционеры. Двери, ведущие на главную палубу, сделали из антикварного японского дерева, покрытого особым лаком. Для отделки девяти двойных гостевых кают на второй палубе, каждая из которых получила название одного из греческих островов, использовались сиенский и каррарский

мрамор и мозаика.

Личные апартаменты Онассиса состояли из кабинета, спальни и полукруглой ванной комнаты, оборудованной серебряными и золотыми водопроводными кранами и соединённой со спальней зеркальной дверью, через которую можно было видеть, что за ней происходит. В кабинете на стенах располагалась изысканная коллекция холодного и огнестрельного оружия, на антикварном письменном столике, некогда принадлежавшем французскому королю Людовику XIV, стояли две электрические лампы с уникальными абажурами ручной работы, а прямо перед столиком на стене висел знаменитый шедевр Эль Греко «Мадонна и ангел».

Полотна знаменитых старых мастеров украшали и стены холлов. В каюте, где позже разместится Мария Каллас, висела большая русская икона — если верить слухам, работы самого Андрея Рублёва (как она оказалась там — бог весть) с изображением Пресвятой Девы Марии. На яхте была большая, прекрасно подобранная библиотека с огромным, занимающим всю центральную часть стены портретом дочери Онассиса Кристины, беззаботно сидящей на траве. В библиотеке имелся камин, отапливаемый берёзовыми (!) дровами. Был на яхте и плавательный бассейн с огромным мозаичным миносским быком на дне (Минотавром). Когда спускали воду, бассейн использовался в качестве танцевальной площадки.

Вся яхта была украшена роскошными коврами, поручни в баре были сделаны из слоновой кости, водопроводные краны — из золота, табуреты в баре — обтянуты кожей крайней плоти кита, что давало возможность Аристотелю весело шутить: «Мадам, вы сидите на самом большом в мире фаллосе!»

Камбузы были полностью электрифицированы, погреба снабжены мощными холодильниками и морозильными камерами, способными вместить несколько тонн продуктов. На корабле было 60 матросов и офицеров (больше, чем на крупном нефтеналивном танкере), а также обслуга — стюарды, охрана, оркестр, два парикмахера, шведский массажист, зарплаты которых значительно превышали средний заработок в Греции, да и во всей Европе в те годы.

В течение двух недель (стандартного срока одного круиза) на яхте потребляли неимоверное количество снеди. Только на одну неделю завозили десять зажаренных туш телят, десять-пятнадцать молочных поросят, дюжину ягнят, полдюжины зажаренных говяжьих туш и около двух сотен цыплят. На «Кристине» существовал обычай есть цыплят по воскресеньям. Что касается рыбы, то её потребляли в неделю не меньше 250 килограммов, не

считая, конечно, пятидесяти-семидесяти омаров и деликатесных угрей. Это за семь дней съедали члены семьи и от двадцати до восьмидесяти гостей (в среднем — 40). Члены же команды знали, что в понедельник у них на столе будет рыба, во вторник — сосиски и т. д. Камбуз команды был разделён большой перегородкой кремового цвета надвое: в одной секции ели греки, в другой — не греки (напомню, Аристотель Онассис во всём, кроме главного — бизнеса, был великодержавным греческим шовинистом до конца дней и не скрывал этого)…

Содержание яхты обходилось более чем в полтора миллиона долларов ежегодно. Кстати, его вечный конкурент греческий миллиардер Ставрос Ниархос на содержание своей роскошной яхты «Креол» тратил не меньше.

Такая смесь роскошного борделя с дворцом восточного монарха привлекала знаменитостей всего мира. На яхте бывали Марлон Брандо, Грейс Келли и Фрэнк Синатра, Франклин Рузвельт-младший, Элизабет Тейлор, Грета Гарбо, Уинстон Черчилль и члены британской королевской семьи, далее по VIP-списку середины прошлого столетия. Актёр Ричард Бартон как-то сказал: «Думаю, что на земле не найдётся ни одного мужчины или женщины, которые не поддались бы соблазну бесстыдного нарциссизма, излучаемого этим судном». На что Аристотель не без гордости ответил: «Я позаботился о том, чтобы именно так всё и было».

Когда Фидель Кастро пришёл к власти, Черчилль и Онассис как раз проплывали мимо Карибских островов. Черчилль предложил посетить Кубу, где в молодости работал репортёром, и встретиться с Фиделем, но Форин Оффис (МИД) убедил сэра Уинстона не делать этого, что весьма судьбоносно. Если бы они всё-таки высадились и Черчилль побеседовал с Фиделем (происходило это в ту пору, когда остров был, так сказать, вольноопределяющимся), то не исключено, что смог бы перетянуть его на свою сторону (Черчилль умел быть убедительным). «Кристина» бы пополнила запасы сигар «Double Corona» и рома, а история могла пойти по-другому.

3

И ещё одно приятное и знаменательное событие: Аристотель Онассис купил остров в Ионическом море недалеко от побережья Греции.

Когда миллиардер впервые ступил на Скорпиос, там были всего три каменные постройки: церковь, скотный двор и

маленькая фабрика по производству оливкового масла. За короткий срок Аристотелю удалось превратить Скорпиос в остров сокровищ.

Скотному двору было суждено стать прославленным Розовым домом — любимой резиденцией миллиардера. (Планировку Розового дома разрабатывал знаменитый дизайнер Поль Леонар.) Хозяин острова принимал там многих сильных мира сего. Неугомонный в своих изобретениях, Онассис разбил английский газон площадью три гектара, оборудовал прекрасные пляжи, посадил диковинные даже для Греции деревья, завёз огромные стада коров, в том числе экзотических пород, для разведения на своём острове: по советам специалистов им давали слушать классическую музыку, что должно было значительно повышать качество молока.

Онассис ценил одиночество, и именно этой черте его характера обязан своим появлением тайный, закрытый пляж в глухом уголке острова (где вездесущие папарацци сумели-таки через несколько лет застать Жаклин Кеннеди загорающей и купающейся в обнажённом виде). Сколько рабочих мест и выгодных заказов посыпалось на жителей селения Нидри, находившегося по соседству, из рога изобилия Аристотеля Онассиса!..

Это была сказочная земля площадью 500 акров, напоминающая своим контуром скорпиона, с густой растительностью — кипарисами, оливковыми и ореховыми деревьями, пиньями, платанами… До покупки Скорпиоса Онассис подумывал и о других греческих островах — чуть ли не о Крите (чтобы стать новым царём Миносом?), о Родосе, Корфу, Патмосе, где был создан Апокалипсис…

Жизнь нашего героя вообще можно назвать воплощением заветных детских мечтаний — и до определённого времени удачным, порой блистательным, дух захватывающим и загадочным, до сих пор кажущимся мистическим воплощением.

Кто из нас в детстве не мечтал о морских путешествиях на белоснежной бригантине, о том, чтобы хоть ненадолго сделаться благородным, как капитан Блад, пиратом, об открытиях необитаемых островов, о прекрасных дамах, о богатстве, как у графа Монте-Кристо или Фантомаса, о доступности всего и вся, что только пожелаешь!..

Диверсификация в бизнесе, о которой стало модно говорить в последние десятилетия, и непрерывная, настойчивая инновация (Онассис обожал, как мы знаем хотя бы по строительству «Кристины О.», технические новшества: он один из первых применил у себя в империи сверхмощный компьютер, бывший

тогда, в конце 1960-х — начале 1970-х, размером с небольшой дом и обладавший смешными теперь скоростью, оперативной памятью и объёмом «жёсткого диска») — залоги надёжного ведения дел.

У Аристотеля Онассиса были, конечно, свои причуды и странности (кроме страсти бить китов в открытом море).

Он, например, отдавал в стирку свои рубашки только в одну-единственную прачечную, которая находилась в Афинах. Это создавало определённые неудобства, потому что Аристотель менял рубашки пять-шесть раз в день, и отвозить их в стирку можно было только на плечиках, но ни в коем случае не в обычном смятом виде. При этом миллиардер ни за что не соглашался расстаться со своей любимой рубашкой, в которой ему удалась какая-либо удачная сделка (а таковых за десятилетия занятий бизнесом накопилась уйма), считая её «счастливой», пока она вовсе не изнашивалась.

В то же время Онассиса нельзя было назвать пижоном. Его скромный гардероб состоял всего из дюжины, или около того, клубных пиджаков и примерно пятидесяти костюмов. Все — тёмно-синего или тёмно-серого цвета. Правда, на деловые встречи Аристотель предпочитал надевать один и тот же костюм день за днём, требуя только, чтобы он был каждый раз выглажен к утру. При этом ежегодно олигарх тратил не менее 12 миллионов долларов на «сносное» житьё в самых разных частях мира. Отдыхая в Греции, на Скорпиосе или на яхте «Кристина», Онассис обычно носил шорты, доходившие до колен, и простые футболки — тишотки (столь ветхие, что он не боялся, что их могут украсть).

4

А что же Мария? Где она, с кем она? Кто восхищается ею, кто аплодирует этому вокальному феномену?

Регистр её голоса от колоратурного до драматического сопрано и даже до меццо-сопрано позволят исполнять весь мировой лирический репертуар. Она обладала трёхоктавным диапазоном голоса: высоким, средним и нижним, образуя тремоло. Как заметил музыкальный критик Жан Пьер Реми, «она пела так, словно Бог даровал ей три голоса одновременно».

Италия — по мнению многих — мать всех искусств, в особенности бельканто. Мария Каллас должна была произвести впечатление, нет, потрясти видавшую виды итальянскую публику в опере «Джоконда» в театре «Арена ди Верона». Вместе с Луизой Казелотти она пришла на ужин в ресторан «Педавена»

(владельцем которого был известный режиссёр-постановщик и, по сути, организатор фестиваля в Вероне Гаэтано Помари), где им предстояло познакомиться с участниками труппы, в частности с дирижёром Туллио Серафином. Мария, вся в комплексах, зажатая, вечно неуверенная в себе, тихо сидела в углу и слушала. Вдруг раздался громкий голос Гаэтано:

— Ба, смотрите, кто пришёл!

Сразу же со всех сторон послышались крики:

— Баттиста, иди скорее сюда, к нам за стол!..

Этого лысоватого низенького сеньора с брюшком, присевшего напротив Марии, звали Джованни Баттиста Менегини. Поначалу без улыбки на лысого коротышку и статную девушку смелых форм мало кто мог смотреть. Когда они встретились в Вероне, ей было 24, ему — 53, то есть разница в возрасте без малого 30 лет. И почти такая же разница в росте (притом Мария в свои лучшие времена не испытывала комплекса неполноценности, не сутулилась и часто ходила на высоких каблуках).

При первой встрече Мария Каллас итальянцу, мягко говоря, не показалась. «Пока она сидела в своём углу, её излишняя полнота не была заметна, — вспоминал позже Менегини. — Но стоило ей привстать, как мне захотелось отвести глаза в сторону. Она была похожа на неуклюжую бесформенную тушу. Лодыжки её ног были такой же толщины, что и икры. Она с трудом передвигалась. Я не знал, что сказать, а насмешливые улыбки и презрительные взгляды некоторых приглашённых гостей говорили сами за себя. Это не ускользнуло и от её внимания; она стояла молча в стороне, не поднимая глаз».

Но он принял решение стать её импресарио и расшибался ради неё в лепёшку: ездил, ходил, встречался, уговаривал всевозможных импресарио, директоров оперных театров…

«Я познакомилась с мужчиной, который влюбился в меня без памяти, — писала Мария матери. — Он хочет на мне жениться. Я не знаю, что ему ответить. Ему пятьдесят три года, и он очень богат и обожает меня. Что ты думаешь об этом?»

Певец Мирто Пикки позже вспоминал, что поначалу невозможно было угадать, как в дальнейшем сложится карьера Марии Каллас. Публика ещё не готова была принять характерные для неё слишком резкие звуки. «Голос мощный, — писал доктор Милани, крупный авторитет в бельканто, — но порой резкий с каким-то гуттуральным звучанием». Обожавший творчество Марии знаменитый английский музыкальный критик Харольд Розенталь, основатель журнала «Опера», неизменно отдавая должное голосу Марии, отметил «не совсем привычный для слуха металлический тембр». Маловероятно, что ранимая Мария всё бы

это выдержала — если бы не было рядом с ней Менегини, её дорогого Титта…

Почти сразу после её смерти Менегини опубликовал письма Каллас, будто беря реванш у покойного тогда уже, не способного выпустить когти и рыкнуть льва — Онассиса.

«Весь прошлый день и прошлую ночь я переживала муки, — писала ему когда-то Мария. — Я решила уехать, поскольку мне показалось, что я надоела тебе… Разлука с тобой будет для меня слишком тяжёлым наказанием. Я нуждаюсь в тебе и твоей любви…

<…>Я почувствовала бы себя такой несчастной, если бы прошлой ночью ты ушёл от меня. Твоё присутствие было необходимо мне, чтобы уснуть в твоих объятиях. Ты — весь мой, и я благодарю тебя за это. Мне нужна твоя нежность и твоя любовь. Мой Баттиста, все мои чувства и все самые тайные мысли принадлежат тебе. Я живу одним тобой…»

Но по большому счёту её погоня за славой началась в конце 1947 года. И это растянулось на 20 лет. «Я была гордой, полной сил и уже имела достаточный сценический опыт, — вспоминала Мария. — Мне предстояло покорить весьма избалованную публику. Впрочем, я не люблю подарков судьбы. Я борюсь за искусство, а не за себя лично. Вот если бы я работала только на себя, всё было бы гораздо проще. Я не стремлюсь потрясти публику ради личного успеха, я только хочу придерживаться правил, принятых в искусстве. Вот почему мне выпала участь преодолеть немало трудностей… Я поняла, что создана для того, чтобы отдавать, а не брать. Мне нравится и получать, но увы! Я много отдаю, а у других вовсе нет желания отдавать…»

Зимой 1948 года в Венеции восходящую звезду принимали уже с восторгом! Почти подряд, с небольшими перерывами, буквально в несколько дней, она восемь раз спела в «Тристане и Изольде», шестнадцать раз в «Турандот», семь раз в «Аиде», четыре раза в «Силе судьбы», два раза в «Норме»… Она выступала и в Удине, и в Риме, и в Вероне, и в Генуе, и во Флоренции, и в Триесте, и в Турине, и в Ровиго… И всюду — на пределе или уже за пределом возможного. Но по-настоящему судьбоносной для Каллас стала встреча с Франческо Сицилиани, только оставившим должность директора неаполитанского театра «Сан-Карло», чтобы стать директором оперного театра Флоренции. Марию на прослушивание к нему привёл дирижёр Туллио Серафин. С пересохшим горлом, дрожа от волнения, она спела небольшой отрывок из оперы Беллини «Пуритане». И её исполнение так покорило Сицилиани, что он отважился изменить программу всего предстоящего театрального сезона: например,

решил заменить «Мадам Баттерфляй» успевшей стать уже коронной для Марии «Нормой».

«Плохая новость, — писала она Баттисте, — надо, чтобы в „Норме“ я была в парике. Меня хотят видеть рыжеватой блондинкой. Какой кошмар! Меня затянут в нечто, похожее на корсет, обнажающий грудь. Весь костюм будет очень прозрачным… Бедная я, бедный ты, представляю, как ты будешь переживать…»

И она всё глубже перевоплощалась в свою главную героиню. «Вполне возможно, — писала она впоследствии, — что в „Норме“ есть что-то от моего характера. Эта женщина слишком гордая, чтобы показывать свои чувства; надо ждать до самого конца, чтобы она открыла своё истинное лицо. В ситуации, сложившейся в основном по её вине, она не могла быть ни злой, ни несправедливой. Всякий раз, когда я пою „Норму“, мне кажется, что я это делаю впервые».

Тридцатого ноября под руководством Туллио Серафина Каллас спела свою первую «Норму» из девяноста, исполненных за всю карьеру. «Мы ничего не знали о Марии Каллас, — написал в рецензии журналист „Насьон“. — Однако стоило ей выйти на сцену, как мы тут же поняли, что перед нами сопрано высочайшего класса. Голос мощный, уверенный, звучный в форте, с очень нежными переходами; прекрасное владение голосом и высочайшая техника исполнения; совершенно особенный тембр голоса. Каллас создала персонаж, отмеченный печатью утончённой и волнующей воображение женственности. Она показала нам Норму не только суровой жрицей, но и влюблённой и разочарованной женщиной, матерью, подругой».

Это был уже профессионализм. И сразу высочайшей пробы. Отчасти сродни бизнесу: судоходному, нефтяному, банковскому… «В нашей работе никогда нельзя трогать „вокальный капитал“, — говорила Мария Каллас. — Мы можем пользоваться только процентами с него».

5

По одной из версий Аристотель Онассис заплатил Эльзе Максвелл, американской светской журналистке, награждённой французским правительством орденом Почётного легиона (активной лесбиянке, в объятия которой пала Мария, разуверившись в возможности быть с Лукино Висконти), 300 тысяч долларов за то, чтобы та уступила ему свою любовницу.

В ту пору наш герой мог себе это позволить. Шутя. Ари

вообще любил пошутить — по-своему, по-мультимиллионерски. Например, чтобы получить эксклюзивное право на транспортировку нефти морским путём из Саудовской Аравии, требовался формальный договор с правительством. Предварительная разведка показала, что для этого необходимо было дать хорошую взятку министру торговли и нескольким другим высокопоставленным чиновникам. Онассис был щедр. В руки министра перекочевало письменное обязательство возместить «труды и хлопоты» саудовских должностных лиц «скромной» суммой в 375 миллионов франков. Соответствующий договор без задержки прошёл через все инстанции и получил санкцию короля. Но через несколько недель обнаружилось, что подпись магната на обязательстве стала бледнеть и вскоре исчезла. Специальные чернила, которыми она была сделана, испарились. Одураченным чиновникам оставалось молчать и про себя призывать небесные кары на голову жуликоватого судовладельца: стань эта операция достоянием гласности, они могли бы лишиться собственных голов.

И всё же через некоторое время трагикомическая история с «волшебной» подписью попала в печать. Дело в том, что Онассис таким же образом одурачил и посредника, который организовал ему встречу с нужными людьми в Саудовской Аравии. Этот грек по имени Катаподис должен был получить 200 миллионов франков. Но в один прекрасный день, взяв в руки онассисовский вексель, он увидел, что стал жертвой мошенничества, ибо и на нём подпись отсутствовала. Катаподису нечего было бояться гнева саудовского монарха, и он не стал молчать.

А экстравагантный роман двух женщин начался с написанной Эльзой Максвелл критической, желчной статьи о творчестве Каллас…

«Историческая встреча двух женщин состоялась, разумеется, в роскошных декорациях, — пишет К. Дюфрен, — в отеле „Вальдорф Астория“. Переговоры между Франциском I и Генрихом VIII меркнут в сравнении с тем моментом, когда Эльза и Мария обменялись поцелуем, скреплявшим их мирный договор. Впрочем, первый шаг сделала именно Мария. Надо было иметь очень вескую причину, чтобы совершить столь не свойственный её характеру жест доброй воли. У знаменитой певицы появились неожиданные амбиции. Без сомнения, Мария царила в театральном мире, но она правила только картонным королевством шутов и акробатов. И это больше не устраивало её. С помощью Максвелл певица рассчитывала получить доступ в высшее аристократическое общество, о чём пока могла лишь мечтать. И Каллас смирила свою гордыню, чтобы с лёгким

сердцем принять унизительные условия перемирия с великосветской сплетницей».

Успех её выступлений в Метрополитен-опере был потрясающий, билеты продавались по рекордным не только для Штатов, но и для всего мира ценам. На представление 29 октября 1956 года королевскую ложу театра выкупил Аристотель Онассис (в ту пору имевший доход в несколько сотен тысяч долларов в день). Но знакомства двух великих уроженцев Эллады тогда не произошло, Мария была занята — в гримёрке Марлен Дитрих кормила её бульоном, который сама специально для неё сварила…

Лукино Висконти поставил для Марии оперу Глюка «Ифигения в Тавриде». И позже с восхищением вспоминал: «Она была одета в роскошное платье из светлого шёлка с длинным шлейфом, поверх которого был накинут широкий тёмно-красный плащ.

Её волосы были украшены крупным жемчугом, а по шее, прикрывая грудь, струились нитки жемчуга. В один из моментов она устремилась вверх по высокой лестнице, а затем спустилась быстрым шагом по крутым ступенькам. Её широкий плащ развевался по ветру, и на восьмой ступеньке она взяла самую высокую ноту. А как были согласованы с музыкой её жесты! Она была словно вышколенная цирковая лошадь, исполнявшая любой трюк, которого от неё требовал дрессировщик… Это было наше лучшее совместное творение. И без неё я поставил немало опер, но то, что я сделал вместе с Марией, занимает в моём творчестве особое место. Это то, что я создал исключительно для неё одной».

Хотя сама Мария на этой постановке неожиданно ожесточённо (быть может, сыграли роль и их личные отношения, а также приезд в Милан Эльзы Максвелл) заспорила с маэстро. «Пламенной, патетической» гречанке не нравилось, что Висконти перенёс действие из Древней Греции в XVIII столетие (объяснив это тем, что Глюк писал оперу в том веке) и «вообще ничего греческого не оставил»…

«Ифигения в Тавриде» имела ошеломляющий успех у публики — и стала «лебединой песней» в бурном, странном романе великих режиссёра и певицы. Потом она неизменно отказывалась от работы с Висконти, доводя порой ситуацию до абсурда: например, она отказалась от роли Кармен под предлогом, что в её венах течёт греческая, а не испанская кровь; отказалась от роли Саломеи, потому что ей предстояло появиться на сцене почти в обнажённом виде… Висконти сильно переживал, просил даже мужа Марии Менегини «взять его к ним в садовники, чтобы он мог каждое утро слушать пение Марии…».

Аристотель Онассис наблюдал за всем этим как бы со стороны. Выжидая в засаде.

Эльза, с которой Мария встречалась теперь едва ли не чаще, чем с собственным мужем (свидания происходили в самых шикарных отелях), объявила о том, что организует в Венеции бал в честь Марии. «Дружба моей жены с Эльзой Максвелл вызвала волну грязных и лживых пересудов, — писал Менегини. — Максвелл приписывали известные наклонности, и поползли слухи, что и Мария также вовлечена в запретные любовные связи. Да, Эльза, безусловно, была влюблена в Марию, преследовала её всюду, забрасывала любовными посланиями и подарками…»

Вот выдержки из писем Эльзы Максвелл к её возлюбленной Марии Каллас:

«Мария, единственно, от чего я прихожу в экстаз, так это от твоего лица и твоей улыбки…»

«Любовь моя, когда я позвонила тебе прошлой ночью, я очень боялась побеспокоить тебя, но по твоему голосу я поняла, что ты рада была услышать меня…»

«Я не смею описать словами, что я чувствую; ты можешь подумать, что я сошла с ума; это не совсем так, просто я другая…»

В этом «дуэте» мужскую партию, безусловно, исполняла Эльза: смаковались её страстные объяснения в любви, истерики, их скандалы, расставания навек и примирения… Она не то что не стеснялась и не скрывала чувств, а выставляла напоказ, едва ли не гордилась ими, в многочисленных газетных интервью исповедуясь и признаваясь в своей любви. А когда надежда на взаимность была утрачена (она сделала Марии предложение не только спать, но и вести, как говорится, хозяйство вместе и даже, возможно, взять на воспитание ребёнка, но получила решительный отказ), то по-женски горевала.

«Дорогая Мария, — исходя ревностью, но с преклонением перед талантом и с чувством собственного достоинства писала Эльза Максвелл возлюбленной, — спешу пожелать тебе и Баттисте великолепного путешествия на борту восхитительной яхты с таким чудесным и умным хозяином, каким является Ари… Начиная с сегодняшнего дня наслаждайся каждым моментом своей жизни. Бери от жизни всё! Отдай всё, что ты можешь себе позволить отдать: вот путь, ведущий к истинному счастью, который ты должна найти в пустыне сомнений. Я больше не ревную тебя. Мои чувства к тебе перегорели. Я даже не хочу тебя больше видеть. Люди скажут, и они уже говорят, что ты хотела только использовать меня. Я категорически отрицаю это. То малое, что я для тебя сделала, я делала с открытой душой и от

чистого сердца. Ты — великая и будешь ещё более великой…»

6

Лукино Висконти стал страстным обожателем Марии ещё в 1948 году.

«После каждого спектакля, — вспоминала певица, — он присылал мне неимоверное количество цветов. В какой-то момент я испугалась, решив, что этот человек — сумасшедший». Сам же Висконти в своих воспоминаниях признавался: «Каждый вечер, когда она пела, я брал ложу в театре. Скорее всего, я был похож на буйно помешанного, когда засыпал её цветами… Её жесты бросали нас в дрожь. Где она училась этому? Нигде; она сама их придумала… Она была такой прекрасной на сцене; мне нравилась её полнота, придававшая ей величавый облик Её нельзя было спутать ни с кем другим».

«Во втором акте, — в восторге писал Висконти после премьеры в Риме оперы Вагнера „Парсифаль“, в которой Мария исполнила роль волшебницы Карди, — она предстала почти обнажённой, едва прикрытой лоскутом прозрачного муслина. Столь соблазнительная картина заставила полностью забыть об импозантной полноте её тела: настоящая искусительница… Вокруг её головы был повязан тюрбан, который сползал всякий раз, когда она брала высокую ноту, и ей приходилось то и дело поправлять его…»

Висконти в нашей истории персонаж не главный. Но в жизни примадонны (а следовательно, и Онассиса) он сыграл, быть может, определяющую в отношениях с мужчинами роль, поэтому уделим великому художнику внимание.

К постановке оперы он впервые обратился в 1954 году, закончив съёмки кинокартины «Чувство», поглощённый творчеством Фёдора Достоевского и готовясь к экранизации «Белых ночей». (Картина «Le Notti Bianche» выйдет на экраны пару лет спустя, отчасти на деньги одной из судоходных компаний Аристотеля Онассиса, главные роли сыграют Марчелло Мастроянни, открытый Висконти для кинематографа, немецкая кинозвезда Мария Шелл и Жан Маре в роли принца на белом коне, о котором мечтает Наталья — Мария Шелл. Критики отметят, что «маэстро уходит от идеалов неореализма и создаёт романтическое произведение. Он перенёс действие в современный ему Ливорно и насытил ткань фильма лиризмом, вольной игрой фантазии, театрализацией… Повесть Ф. М. Достоевского открывала возможность бегства от

действительности и создавала контраст между пробуждением к реальной жизни, где всё ничтожно, и тремя ночными часами, проведёнными с этой девушкой. Часами как бы во сне, вне реальности, как бы невозможными в обычной жизни».)

Итак, в 1954 году Лукино Висконти обратился к опере Спонтини «Весталка» в Ла Скала с Марией Каллас в главной роли (кстати, позже некоторые критики усмотрят в постановке «Весталки» и других спектаклей с Марией некую «достоевщину»).

«Мария, без всякого сомнения, была самым дисциплинированным профессионалом, с которым мне пришлось работать, — вспоминал Висконти. — На протяжении многих лет я восхищался ею, с того самого дня, когда она спела в Риме Кундри и Норму. Мне нравилась её полнота, придававшая ей особую импозантность. Уже тогда она заявляла о себе как яркая индивидуальность. Её жесты приводили меня в трепет. Где она научилась этому? В „Весталке“ мы начали систематически работать над их усовершенствованием. Одни из жестов мы позаимствовали у великих французских драматических актрис, другие взяли из греческих трагедий. Длинная шея, статная фигура, руки и пальцы делали Марию не похожей ни на какую другую актрису. В какой-то момент Мария почти влюбилась в меня. Это было глупо; она придумала всё сама. У неё проявлялись слишком собственнические чувства ко мне. (Запомним это определение Висконти, оно поможет понять и их дальнейшие отношения с Онассисом. — *С. М.)* Она часто устраивала мне бурные сцены ревности. Однако я прощал ей, потому что она исполняла всё, что я хотел от неё, с самой тщательной точностью, не добавляя никогда ничего от себя.

— Ну же, Мария, сделайте что-нибудь по-своему! Как нравится вам.

Она отвечала мне:

— Что я должна сделать? Как мне держать руку?

В конце концов дело дошло до того, что она захотела, чтобы я направлял каждый её шаг».

Биограф Дюфрен вспоминает, что все, кому посчастливилось попасть в Ла Скала, когда Мария Каллас пела под руководством Лукино Висконти, «став свидетелями исключительного творческого союза, наслаждались сказочным действом, которое не могло не получиться, когда фея и волшебник занимались совместным колдовством. Если бы на жизненном пути оперной дивы не повстречался Висконти, узнала бы она когда-нибудь диапазон своих творческих возможностей? Возникло бы когда-нибудь в её душе чувство, о существовании которого она до сей поры и не подозревала?».

Озвучивался «исключительный творческий союз» нередко, особенно в начале их сотрудничества, в середине 1950-х, неслыханной Марией площадной бранью, по-русски можно сказать — отборной матерщиной. Герцог ругался виртуозно (лингвисты, филологи записывали его ругань, кто-то защитил даже по этой теме диссертацию, увязав с судьбами неореализма) и всегда во всеуслышание, никак себя не сдерживая.

«Мария восхищалась умом и талантом этого человека, но не переносила того, как он говорил, — вспоминал муж Марии Каллас Баттиста. — Речь Висконти была пересыпана самыми нецензурными словами. Мария часто делала ему замечания:

— Меня тошнит от твоей ругани!

Во время работы он совсем распоясывался. Марию коробило от его сквернословия. Она часто говорила мне:

— Если он обратится в подобных выражениях ко мне, то получит пощёчину».

На репетициях Лукино Висконти, красивый, статный, высокий (187 сантиметров), с густой шевелюрой, с прямым римским профилем, с потрясающей лепки крупными руками, куря одну сигарету за другой, расходился не на шутку.

— Ну куда ты пошла?! — кричал он своим неповторимым баритоном из зала. — Там что, кто?! Мужик голый тебя ждёт?! Эти свои суетливые ручки убери, нужен один только жест, один, понимаешь — но жест королевы! А эти пустенькие глазки! Ты куда смотришь? Там, за сценой, тебе кто-то что-то показывает?

— Я плохо вижу, Лукино, — оправдывалась Мария.

— При чём здесь твоё зрение? Я что — окулист?! Мне нужен живой взгляд, страсть нужна! Она, твоя героиня, готова идти на смерть! А что это за походка? Господи, да так коровы возвращаются с пастбища! И почему ты такая зажатая — как комод моего дедушки! Разожмись, всю себя освободи и не сутулься! Ты хоть догадываешься, что такое желание, страсть, вожделение? Понимаешь, что только в страсти и есть смысл жизни, остальное — от лукавого?! Ни черта ты не понимаешь! Берём с самого начала…

Мария, воспитанная в строгих католических правилах, жившая в семье ревностных католиков семьи Менегини, не могла свыкнуться ни с театрально-киношным римско-миланским сленгом, в устах герцога обретавшим гипертрофированные и оскорбительные формы, ни с богемными обычаями и образом жизни.

«Однажды вечером мы с Марией оказались в Риме, — вспоминал её муж Менегини. — Мы жили в отеле „Квиринал“. С нами была и моя мать. В холле отеля мы увидели Висконти,

вошедшего вместе с Анной Маньяни и какими-то ещё друзьями. На Маньяни было платье с очень глубоким вырезом. Моя мать, весьма целомудренная женщина старой закалки, была оскорблена до глубины души. Когда Висконти представил ей Маньяни, моя мать, повернувшись к нам с Марией, с презрительной гримасой воскликнула:

— Какой ужас!»

Со своей невесткой в вопросах нравственности мать Баттисты находила полное взаимопонимание. Ещё бы!

«Когда Мария узнала, что один из наших друзей изменяет своей жене, она не захотела больше его видеть, — вспоминал Менегини. — Однажды мы повстречались с Ингрид Бергман, которая только что ушла от Росселлини. Мария и Ингрид всегда были очень дружны. И как всегда, Ингрид обрадовалась такой встрече, однако Мария едва поздоровалась с ней. В дальнейшем разговоре речь зашла о недавнем событии в жизни Ингрид. Мария строго осудила Ингрид и объявила своей приятельнице, что отныне они не смогут больше поддерживать дружеские отношения, как прежде… <…> У неё были твёрдые пуританские взгляды на брак, — пишет бывший муж Марии Каллас. — Она считала недопустимым, чтобы супруги могли изменять друг другу или разойтись. Это трудно себе представить, если вспомнить о том, как вскоре она поведёт себя со мной. Однако это правда…»

Она долго отказывалась верить слухам о том, что Лукино Висконти — гомосексуалист.

— Да этого просто не может быть! Я же вижу, как он смотрит на женщин, не смотрит, он раздевает и пожирает глазами красивых женщин! Впрочем, красивые молодые актёры ему, конечно, нравятся тоже… Но я чувствую мужчину, даже когда он просто прикасается к моей руке… улыбается или орёт на меня, такой большой, сильный, красивый… нет, не может быть, невозможно, я не верю этим мерзким сплетням!

Она отказывалась слушать рассказы о похождениях Лукино, порой и в буквальном смысле воевала со слухами: однажды в кафе она дала затрещину журналисту вечерней миланской газеты, похвастaвшемуся, что сфотографировал Висконти целующимся с новым солистом Ла Скала. Мария была влюблена в Лукино по-древнегречески самозабвенно. Он требовал, чтобы она похудела, и она стала худеть пугающими окружающих темпами, порой сбрасывая по килограмму в день. Главным стимулом отказаться от сладкого, мучного и многих других продуктов, истязать себя массажем и турецкими банями явилась для неё жажда новых ролей. В творчестве, а с появлением в её жизни миллиардера Онассиса и в любви она страдала той же булимией,

ненасытностью, обжорством. Лишний вес Каллас истребила радикальным образом — проглотив ленточного гельминта, другими словами, солитёра. Возможно, это всего лишь скверный анекдот. Но говорят, что в тот период она стала писать в письмах «мы», подразумевая себя и червяка. Не исключено, что солитёр завёлся в её организме от диеты, где главным блюдом был тартар — мелко рубленное сырое мясо со специями и травами. «Она любила поесть, особенно торты и пудинги, — свидетельствует и Брюно Този, президент Международной ассоциации Марии Каллас, — но сидела в основном на салатах и стейках. Вес она потеряла за счёт того, что следовала диете, основанной на йодсодержащих коктейлях. Это был опасный режим, влияющий на центральную нервную систему, он изменил её метаболизм, зато из гадкого утёнка Каллас превратилась в прекрасного лебедя».

Пресса, которая нередко отпускала шуточки по поводу её тела, теперь писала, что у Каллас талия тоньше, чем у Джины Лоллобриджиды — к 1957 году Мария весила 57 килограммов при росте 172 сантиметра. Директор нью-йоркской Метрополитен-оперы Рудольф Бинг по этому поводу отозвался так: «Вопреки тому, что обычно происходит с внезапно похудевшими людьми, ничто в её облике не напоминало, что совсем недавно она была невероятно толстой женщиной. Она держалась на удивление свободно и непринуждённо. Казалось, точёный силуэт и грация достались ей от рождения». Висконти требовал, чтобы она училась ходить, и она ходила, ходила, брала уроки у балерин и манекенщиц… Её и его поклонники, присутствовавшие на репетициях и затем на представлениях «Весталки», в один голос свидетельствовали, что Мария полностью преображалась прямо на глазах, становилась утончённой, податливой, нежной, ласковой… Каждый раз, когда Висконти обращался к ней, её близорукие глаза вовсе затуманивались, она расцветала в улыбке, все его указания она исполняла беспрекословно, безропотно, охотно. «Да, так было, — подтверждал свидетельства очевидцев сам порочный герцог. — Неоспоримо то, что из-за абсурдной страсти, которую Мария питала ко мне, она желала, чтобы я диктовал ей каждый шаг».

Он был для неё не просто маэстро, а богочеловеком и самым желанным из мужчин. Никогда прежде Мария так не любила. Она поняла, что по-настоящему вообще никого не любила до Висконти. Некоторое время спустя, когда он ставил оперу Беллини «Сомнамбула», в последнем акте Мария настойчиво требовала, чтобы Висконти провожал её до самых кулис, объясняя это своей близорукостью. «Я всегда носил в кармане носовой

платок, надушенный английским парфюмом, запах которого нравился Марии, — вспоминал по этому поводу режиссёр. — Каждый раз она мне говорила, чтобы я оставил его на диване, на который она приляжет во время сцены на постоялом дворе.

— Так я смогу и с закрытыми глазами пойти в правильном направлении.

Хорошо, что никто из оркестровых музыкантов не употреблял этот парфюм. А то бы она рухнула прямиком в оркестровую яму».

С небрежностью и иронией относился Висконти к чувствам Марии. Однажды прямо во время представления «Травиаты» она настолько яростно и срочно возжелала увидеть своего бога, что, из последних сил допев до антракта, выскочила из театра и, как была, в ярком гриме, в сценическом платье, на глазах у изумлённых прохожих помчалась по улице в ресторан «Биффи», где перед отъездом в Рим ужинал с очередным любовником Висконти.

«Слава богу, „Биффи“ находился неподалёку от Ла Скала, — вспоминал потом Висконти. — Но в принципе могло быть и хуже. Представляете, если бы она ворвалась в ресторан в ночной рубашке, которую носит Виолетта в последнем акте!»

Она преследовала кумира повсюду. Однажды в том же «Биффи» Висконти признался, что в сексуальном аспекте женщины его не интересуют и она напрасно себя изводит, сходит с ума и ревнует: да, он гомосексуалист и не представляет жизни и творчества без мужчин. Но она продолжала его преследовать, следить за ним и устраивать сцены ревности за кулисами, в гостиницах, в ресторанах, где угодно — однажды в самолёте, на высоте семь тысяч метров, Мария, разругавшись с режиссёром из-за стройного голубоглазого стюарда, которого откровенно обхаживал Висконти, устроила истерику и потребовала немедленно выпустить её из лайнера…

Она ревновала его к водителям такси, к официантам, к полицейским, к футболистам (Висконти менял партнёров «как перчатки»)… Но особенно, конечно, к коллегам — в частности, к молодому тенору Франко Корелли, исполнявшему одну из партий в «Весталке».

«Мария, — вспоминал Висконти, — ненавидела Корелли из-за того, что тот был красив. Это действовало ей на нервы. Она постоянно следила за тем, чтобы я не уделял ему внимания больше, чем ей». Когда у режиссёра завязался роман с Леонардом Бернстайном, дирижировавшим оркестром в опере «Сомнамбула», Мария вообще не давала мужчинам уединяться: она появлялась, «словно античная статуя, размахивающая карающим мечом». Висконти рассказывал, как однажды утром зашёл к ней в номер

миланского «Гранд-отеля» с Леонардом Бернстайном: «Когда пришло время уходить, мы сказали: „Чао, Мария, доброго тебе здоровья“ и направились к двери. „Останься здесь, Лукино! — потребовала она, обращаясь ко мне. — Я не хочу, чтобы ты ушёл вместе с Лени!“». Но мужчины, рассмеявшись, вышли из номера. Мария обнажённая вскочила с постели и бросилась вслед за ними…

Позже Мария, до 32-летнего возраста совершенно не умевшая скрывать эмоции, научилась даже нехитро интриговать. Она сошлась с совсем молодым тогда ассистентом Висконти, режиссером Франко Дзеффирелли, уже растленным маэстро, но окончательно не определившимся со своей сексуальной ориентацией. Висконти ревновал, но всем своим видом показывал, что речь идёт исключительно о профессиональной ревности. Марию это тешило.

«Дзеффирелли в опере Россини „Турок в Италии“, поставленной в промежутке между двумя спектаклями Висконти, — пишет К. Дюфрен, — открыл нам совсем другую Каллас — смешливую, спокойную, избавившуюся от вспышек гнева… Дзеффирелли сумел добиться не только успеха у публики, но и расположения самой Каллас. И этого не мог простить своему ученику Висконти. „Декоратор? Да! — восклицал маэстро. — Режиссёр-постановщик? Никогда!“».

Дошло до того, что маэстро, вдруг отменив репетиции, умыкнул у Каллас своего юного любовника, с которым накануне едва не подрался на лестнице перед входом в театр «Пикколо», и они вместе отправились на Апрельскую ярмарку в Севилью, откуда присылали Каллас дразнящие открытки: «Марии — с приветом от любящих её Лукино и Франко».

И всё же Висконти непрестанно восхищался своей примадонной.

«Какое отличие от любой другой певицы старой школы! — вспоминал потом он. — Эбе Стиньяни, например, в роли Весталки со своими двумя или тремя жестами имела самый жалкий вид. На сцене она выглядела, как уборщица! Мария, напротив, постоянно училась и творчески росла. Стоило один раз указать ей нужное направление, как она, наделённая от природы удивительным артистическим чутьём, всегда оправдывала и превосходила возлагавшиеся на неё надежды. Что я помню о ней во время репетиций? Красоту… Яркость образа, экспрессию, всё… Она была феноменом… Едва ли не отклонением от нормы. Из тех актрис, которые исчезли навсегда…»

«Я поставил „Травиату“ для неё так, как это себе представлял. Надо служить Каллас… Мы перенесли действие

оперы в 1875 год, в конец XIX века. Почему? Потому что Марии будут необычайно к лицу костюмы той эпохи. Затянутая в узкий корсет, высокая и стройная, в платье, подчёркивающем талию, с турнюром и длинным шлейфом, она будет неотразимой…»

Онассис старался не пропускать её спектаклей.

7

Лукино Висконти родился в том же, что и Аристотель Онассис, 1906 году в Милане в одной из самых знатных семей Италии, которая вела свою родословную ещё со времён Римской империи. Полное его имя и титул звучат так (и это неизменно завораживало Марию Каллас): дон Лукино Висконти ди Модроне, граф Лонате Поццоло, синьор ди Корджело, консиньор ди Сомма, Кренна и Аньяделло, миланский патриций. Его отец носил титул герцога Висконти ди Модроне, верой и правдой служил Савойской династии, владел замками, покровительствовал театру «Ла Скала», возглавлял футбольный клуб «Интернационале». Сам Лукино в юности увлекался оперой, не пропуская ни одного представления в Ла Скала, и лошадьми. В конце 1930-х годов уехал в Париж, где работал ассистентом режиссёра, во время Второй мировой войны сошёлся с итальянскими коммунистами, активно помогал Сопротивлению…

Режиссёр Сергей Соловьёв восхищался живописной роскошью режиссёрского творчества Висконти, его глубинными связями с классическим итальянским театром вообще и с каноном великой итальянской оперы в частности, сущностной генетикой самой природы висконтиевского образа, свойствами его особости, самовитости и высокой породы, всем его странным генетическим гражданским симбиозом, из которого была соткана его уникальная личность: древний аристократический род, коммунистические убеждения, гомосексуальные влечения, понимание страсти как жизненной основы бытия…

— Казалось бы, кощунственно говорить о некоей красоте сцен «ночи длинных ножей» в «Гибели богов» Висконти, — размышляет Соловьёв, — убейте меня, но она там есть, мощная, своеобразная, даже завораживающая красота. И в грандиозной сцене «фашистского» инцеста там же. Заражающая сила этой дьявольской красоты создала целостную эстетику так называемой «фашистской картины», породила цикл изысканных эстетических лент, включающих и памятного «Ночного портье» Лилианы Кавани, да и знаменитое «Кабаре». Я видел его всего лишь раз — в холле гостиницы во время какого-то фестиваля. Он сидел в

кресле: я так и не понял, то ли это было кресло-каталка, то ли обычное кресло, но ноги его были закрыты пледом. Судя по всему, он просто кого-то ждал. Было очень странное ощущение, что в кресле не живой человек, а уже прекрасный памятник самому себе. Ясно было и то, что конечно же он не такой, как все мы. Он не ворочал влево-вправо головой, не почёсывался и не шмыгал носом — вообще не производил никаких действий, напоминающих о факте его биологического существования. Он был абсолютно неподвижен, а я так же неподвижно глядел на него со стороны и ждал, что же дальше произойдёт: может, придёт кто-то и укатит коляску, может, наоборот, он встанет и пойдёт. Прошло время — ничего не переменилось, не произошло. Висконти был по-прежнему неподвижен, не выказывал ни малейшего интереса ни к чему вокруг. Окружающие тоже не обращали на него внимания. Кажется, только я остолбенело смотрел на это поразительное, невероятной красоты произведение монументальной скульптуры, которое кто-то подарил нам напоследок для нашего изумления.

На закате своих дней Висконти возненавидел жизнь — лишь за то, что не понимал её. Жизнь упорно не желала подчиняться его мыслительным схемам, его мечтам и иллюзиям; и он мстил ей, возводя хулу и не чувствуя даже благодарности за щедрые дары, на него расточаемые. А дано ему было всё: и красота, и талант, и богатство, и бессчётные друзья, и награды, и почести… И вот перед самым финалом мир внешний сузился для него до размеров инвалидной коляски. Мир, более не требующий от него ни усилий, ни поступков. Через наушники в него сама собой вливалась симфония Брамса. Утруждал ли он себя вслушиванием? Или музыка, усыпляя, всего лишь ограждала его от страха смерти?

А ведь когда-то он изучал композицию и довольно прилично играл на виолончели. В 13 лет он дебютировал на сцене Миланской консерватории. Казалось бы, отличное начало музыкальной карьеры. Но становиться профессионалом? День за днём мучить себя и инструмент, гоняясь за призраком совершенного звука? Не спать ночами, пытаясь разгадать тайны интерпретации? Зачем всё это, если и без того чувствуешь себя избранным…

Виолончель была прихотью его светской, честолюбивой, любящей, буржуазной матери.

По подозрению в организации заговора Висконти был арестован. В фашистском пансионе Яккорино, где Лукино, приговорённый к расстрелу, провёл 15 суток, он стал жертвой сексуального насилия, причём и женщин-фашисток, и мужчин,

после чего сделался гомосексуалистом.

Его любовниками в разное время были не только таксисты и смазливые официанты, к которым, напомним, безудержно ревновала Мария Каллас, но и знаменитости — Жан Маре, Жан Кокто, Франко Дзеффирелли, ходили слухи, и Ален Делон (в период съёмок ставшего культовым фильма «Рокко и его братья»), многие известнейшие режиссёры, актёры, литераторы, музыканты, фотографы…

Юная супружеская пара — Делон и Роми Шнайдер — стала подопытными кроликами герцога Лукино. Он пригласил их сыграть в спектакле по пьесе английского драматурга XVII века Джона Форда «Как жаль, что ты шлюха!». Ему казалось пикантным выставить на сцене реальных любовников. Да ещё в такой скандальной драме, где в основе сюжета инцест — любовная связь между братом и сестрой. Началось с обеда, на который Висконти пригласил Ольгу Хорстиг, югославку, эмигрантку-импресарио, уже работавшую со звёздами первой величины, такими как Брижит Бардо и Мишель Морган. За столом режиссёр подробно рассказывал гостье (по одной из версий, она была и любовницей Аристотеля Онассиса) о замысле картины, для которой он никак не может найти исполнителя главной роли. Ольга с восторгом слушала историю вдовы Розарии Паронди и её сыновей Чиро, Луки, Симоне и Рокко — самого чувственного и сложного, — слушала и думала о своем подопечном, молодом Делоне. Ален — именно тот, кто нужен Висконти, убедилась она к концу обеда. И спустя несколько дней попросила актёра поехать с ней в Лондон. После премьеры оперы Верди «Дон Карлос» в постановке Висконти, которая привела Алена в полный восторг, они отправились повидать мэтра. «Лукино, — рассказывала Ольга Хорстиг, — посмотрел на Алена и без предисловий, просто и убеждённо произнёс: „Это Рокко“. Мы с Аленом были без ума от радости». На Висконти произвела впечатление не только красота молодого человека, но и его простодушие. «Это как раз то, что мне было нужно, — говорил он. — Если бы мне стали навязывать другого актёра, я просто отказался бы снимать фильм. К тому же я сразу увидел в Делоне некоторую меланхоличность, отрешённость…» Вскоре от дикого юноши с дурными манерами ничего не осталось. Делон полюбил Моцарта, начал разбираться в живописи, стал изысканно одеваться. Он купил «феррари» и загородный дом под Парижем, завёл конюшню, вложил огромные деньги в коллекцию редкого оружия. Получая 20 миллионов франков за фильм, он мог позволить себе почти всё. (До Онассиса ему, конечно, было, как до звёзд, но среди актёров Делон числился миллионером и мог

сам продюсировать картины.)

Ольга Хорстиг часто встречалась с Висконти на его римской вилле на виа Салариа. Она восхищалась его домом, коллекцией ковров и картин, унаследованной от родителей старинной мебелью. «Висконти терялся перед красотой — мужской или женской, не имело значения, — он был совершенно не способен на объективное суждение, — вспоминала она. — К пяти часам принесли чай с целой горой пирожных и маленьких сэндвичей. Меня это удивило, и я спросила Висконти, ожидает ли он гостей. — „Нет, — ответил он. — Но предпочитаю быть готовым к появлению кого бы то ни было“». Обед проходил с шиком. Им прислуживали несколько слуг в белых перчатках. Один из них совершенно лысый. Хозяин дома объяснил: «Это я приказал ему побрить голову. Иначе он был бы слишком красив».

Роми Шнайдер не разделяла восторгов своего жениха — его рассказы о Лукино Висконти всегда приводили к спорам. Ален постоянно восклицал: «Какой человек! Какой режиссёр! Какой аристократ! Его манера жить и общаться, его удивительная работа с актёрами, его необыкновенные придумки!..» А вот как Роми вспоминала первую встречу с великим Лукино на виа Салариа: «Мы с Аленом входим в гостиную. Он сидит в огромном кожаном кресле возле камина и смотрит на меня с таким саркастически-брезгливым видом, будто говорит: „Мне не стоило бы никакого труда развеять иллюзии Алена относительно его подружки“». Почти одновременно Висконти задействовал Роми Шнайдер в своём знаменитом фильме «Боккаччо-70», который финансировал через одну из своих многочисленных компаний именно Аристотель Онассис (герцог в материальных вопросах был покладист, как и любой режиссёр, и не отказывался от финансового участия в том числе и людей с сомнительной репутацией). Шнайдер играет роль обольстительной и порочной аристократки, которая сексуально провоцирует мужа, а затем требует с него плату за секс. В отличие от Бернардо Бертолуччи Висконти не снимал секс вживую. Но он добивался от актрисы желаемых эмоций, беспощадно, невероятно унижая её и заставляя испытывать мучительный стыд.

Идея вымирания рода смолоду была ему близка — подобно тем давним герцогам, его предкам. Он также не оставил наследника ни в жизни, ни в искусстве. В жизни — поскольку личные его особенности не позволяли ему связать себя с женщиной. В искусстве — из-за непреодолимой ненависти к «племени младому, незнакомому». К тем, кому предстояло жить после его смерти. Висконти упрекал молодых коллег в иждивенчестве, в конформизме, в том, что «они не хотят ни во

что углубляться». «В целом кино сегодня малозначительно, глухо и слепо к жизни… Я смотрю вокруг и ничего не вижу. А если вижу, то одни неудачи». О Дзеффирелли он говорил: «Мальчик подавал надежды, но по дороге испортился. А теперь то и дело впадает в такое глупое, такое женское тщеславие! Вы знаете, я ему звонил, я ему сказал: „Ты хуже Тейлор!“».

Успешнее была деятельность Висконти в опере. Да и могло ли быть иначе, если опера — а точнее сказать, знаменитый миланский оперный театр «Да Скала» был семейной вотчиной Висконти! Сам театр стоит на том самом месте, где Бернабо Висконти в 1381 году воздвиг «церковь Святой Марии у лестницы».

Премьера «Весталки» Спонтини — первой оперы Лукино Висконти — была приурочена к открытию оперного сезона 1954/55 года и состоялась по традиции 7 декабря (День святого Амброзия, покровителя Милана). Главную роль в этом спектакле, повторим, исполняла Мария Менегини-Каллас. «Любовная сторона супружества её мужа не интересовала вовсе, так как к женщинам он был безразличен, — писали злые критики. — Возможно, это особенно сближало его и с тогдашним руководством Ла Скала, и с дирижёрами, которых они продвигали, и с Лукино Висконти, никогда не скрывавшим своей сексуальной ориентации. Эти люди поставили на Марию Каллас… и не прогадали». Как сказал когда-то Пьер Карден, наблюдавший вблизи процесс её раскрутки и сам в нём участвовавший, «рядом с ней с самого начала находились легендарные режиссёры Лукино Висконти, Пьер Паоло Пазолини, Марко Феррери и актёр Марсель Эскофье. Выражаясь современным языком, эта четвёрка продюсеров сделала Каллас с нуля. Думаю, без них у Марии не сложилась бы столь звёздная карьера. Они занимались с ней драматическим искусством, учили держаться на сцене, этикету и прививали чувство вкуса и стиля в одежде…».

8

…Итак, вытолканный взашей суровыми греками-охранниками из «люкса» Кристины Онассис, стараний, как пел Булат Окуджава, я не оставил.

Дубовый зал ЦДЛ был престижным местом: там запросто можно было встретить знаменитых поэтов и писателей — Битова, Маканина, Трифонова, нашумевших шестидесятников Евтушенко, Рождественского, Вознесенского, того же Окуджаву, Ахмадулину,

Аксёнова, заезжал отобедать Высоцкий…

Не будучи членом Союза писателей СССР, я мог зайти туда с отцом, поэтом Алексеем Марковым, или без него просквозить, прорваться, прошмыгнуть. И вальяжно посидеть в нижнем буфете, в «пёстром» (где всем по-разному, в зависимости от качества комплимента, разливала коньячок грудастая романтичная буфетчица Лиля), или в легендарном Дубовом зале (где, по слухам, заседала масонская ложа и один из наших императоров, запутавшись в шпорах, споткнувшись, кубарем прокатился по лестницам).

Летом основная часть Дома литераторов закрывалась на ремонт, но Дубовый зал работал. Не помню, как просочился, но помню, что заказал я в тот раз (как, впрочем, и всегда) салат «Столичный», водку «Столичную», окрошку со льдом (окрошкой ресторан ЦДЛ славился на всю столицу) и котлету по-киевски.

Не спеша я приступил к трапезе — и тут появляются двое в штатском, внимательно и профессионально быстро всё осматривают, заглядывают под столы и исчезают. Друг за другом (Кристина впереди) в зал входит пара, которую невозможно было ни с кем спутать: Кристина Онассис и Сергей Каузов. Садятся они в глубине зала у камина, неподалёку от моего столика.

— Здесь мило, — замечает наследница, разглядывая стены и витражи. — Я и не думала… — Она берёт салфетку и расстилает у себя на коленях. — Знаешь, я голодная. Съела бы борщ.

— Здесь окрошку хорошо приготавливают, — действительно на приличном английском говорит Каузов (но с интонацией приставленного к ней чекиста).

— Я хочу борщ! — гнёт свою линию Кристина. — Здесь свежие продукты, с рынка? — уточняет. — Мне вчера очень понравилось на том рынке, где мы с тобой были. Как он называется?

— Центральный.

— Творог изумительный! И сметана — чудо!

А я пожираю глазами её, наследницу великой империи Аристотеля Онассиса. Ничего особенного. Худая, высокая, с плоской грудью. Талия, конечно, хороша: её талия мне представилась почти такой же, если не тоньше, чем даже у Натальи Николаевны Гончаровой-Пушкиной. Пальцы нервные, всё время что-то нащупывающие. И глаза: очень крупные, словно от другого, более масштабного лица, надрывные, тёмно-горчичного цвета, печальные, усталые настолько, что не хотелось с ней встречаться взглядом, казалось, усталость в них копилась столетиями, ещё со Средневековья или раньше; больше я в её лице ничего не запомнил.

— В Монако есть чем-то похожий ресторан, — сказала наследница, заказав себе борщ со сметаной. — Он существует уже века полтора и никто не знает, на какие деньги, потому что там всё очень дорого и никогда никого нет.

— Хорошо теперь в Монако, — предположил Каузов.

— Красиво, — печально кивнула Кристина. — Никогда не забуду свадьбу князя Монако Ренье с голливудской кинозвездой Грейс Келли! Мы с моим покойным ныне братом Александром были маленькие, но я всё запомнила, каждую мелочь, каждый звук! Это было нечто фантастическое!

— Расскажи, пожалуйста, — попросил Каузов. — Отец твой присутствовал?

— Нет, хотя да, в самом начале присутствовал, а потом срочно куда-то уехал, уплыл или улетел…

Мы с братом привыкли. А как отец с принцем рассорились из-за голубиной охоты, если бы ты видел! Прямо-таки зверские лица были: ах, так?., да, так!., тогда ноги моей больше не будет в вашем сраном княжестве — если я не могу даже пострелять здесь по голубям, чтобы отвести душу, дать нервам разрядку!.. Но это Грейс попросила Ренье запретить охоту на голубей, которую так любил Онассис.

— А что же свадьба?

— О, свадьба была потрясающая! Всюду звучала живая музыка — оркестры, в порт медленно, величаво вошёл огромный, великолепно, ослепительно украшенный корабль, который доставил Грейс Келли! Все суда княжества гудели на рейде, на доках были установлены флаги государств и орденов… Всем были приготовлены подарки. Было очень весело, но к трём часам ночи мы с братом устали, притом не терпелось узнать, какие подарки ждут нас. Около пяти утра нам удалось уехать, уже светало, и в нашем саду, забрызганном, точно кефиром, рассветом, мы с Александром увидели пару прекрасных арабских скакунов!

— Презент?

— На память нам с братом.

— Поистине королевский подарок! — сказал Сергей.

— А он и есть настоящий король своего государства — Ренье III. Жаль только, карликового. И всё в нём, как потом мы поняли, карликовое — и мысли, и чувства… Слушай, а давай поженимся?

— Давай…

— Ты разводишься со своей, мне и разводиться не надо — и в церковь! Мы ведь с тобой оба православные, так что никаких проблем я не вижу! Ты уже венчался?

— Нет… Да и не принято у нас венчаться как-то… загс…

— Но если я хочу венчаться! Где ваша кафедральная церковь?

— Елоховская, может быть.

— Мы едем прямо туда. Венчается раб Божий Сергий… и раба Кристина!.. Это же прекрасно!..

Каузов отлучился в туалет (видимо, проконсультироваться с кураторами из КГБ). Кристина достала из сумочки пудреницу и попудрила свой довольно крупный нос. Подвела глаза. Заметно заскучала. И вот тут-то, как я почувствовал, пробил мой час. Я решительно поднялся из-за стола и направился к ней, ещё не зная, как обращусь к дочке миллиардера, самой богатой на земле женщине, что ей скажу…

Но по мере приближения — хотя было рукой подать — решительность моя таяла. Уже на третьем шаге я приостановился, закурил и, встретившись взглядом с Кристиной, оробев, посмотрел в другую сторону, будто мне и надо было, конечно, туда, мимо, и даже кому-то несуществующему сделал знак рукой и жалко, смято, некрасиво улыбнулся. Хотя чувствовал, что Кристина с любопытством меня разглядывает своими большущими, в пол-лица, тёмно-зелёными глазами. На пятом шаге я вдруг ощутил на себе столь мощные чекистские (или какой-то иной, не здешней спецслужбы) взгляды от дверей, что шея моя сама собой согнулась и возникло физическое ощущение, будто прожигают насквозь лазером; показалось даже, что запахло палёным, почти уже жареным.

И я почему-то вспомнил в этот момент великую ерофеевскую поэму «Москва — Петушки»: «Всё на свете должно происходить медленно и неправильно, чтобы не сумел загордиться человек, чтобы человек был грустен и растерян».

Не сумев загордиться, растерянным и грустным, заметив возвращающегося из туалета влюблённо улыбающегося счастливчика Каузова с влажными руками (сушка в ЦДЛ часто не работала), я сам направился по скрипящей дубовой лестнице наверх в туалет, хотя нужды не испытывал. И долго оттуда не выходил, потому что было как-то необъяснимо неловко.

А когда вышел, столик у камина пустовал. Для меня осталось загадкой, почему Кристине не пришлась по душе русская кухня (притом что повар был в ЦДЛ тогда без преувеличения лучший в Москве).

У выхода из Дома литераторов меня довольно бесцеремонно басовито окликнули:

— Уважаемый!..

Учителя Аристотеля Онассиса. (Отступление третье. Династия Дюпонов, или исключение, подтверждающее правило.)

Северный Делавэр называют страной Дюпонов: дорога, ведущая в город Уилмингтон, носит имя Дюпон-хайвэй, да и в самом Уилмингтоне им принадлежит решительно всё — от заводов и банков до компьютерной корпорации.

Окружающие Уилмингтон городки кажутся кусочком Франции — то и дело мелькают дорожные указатели: Немур, Шеанн, Боре де Фоссе, Моншанэ и Грануа. На улицах каждого из них ещё недавно преобладала французская речь — 100 лет подряд Дюпоны брали на работу преимущественно французов.

Для сторонних людей «Дюпон де Немур» — гигантская транснациональная компания: размер состояния в активах — 211 миллиардов долларов, филиалы в Европе и Латинской Америке, мировая монополия на нейлон, орлон, дакрон и тефлон, десятки химических заводов, производство самолётов и оружия. К середине XX века Дюпонов было уже около полутора тысяч; 500 человек считались мультимиллионерами, 250 входили в ближний круг семьи, восемь вершили её судьбу.

…Знаменитые охоты и балы Дюпонов уходят в далёкое прошлое — после Первой мировой войны, принёсшей им золото, сотни миллионов франков, долларов, фунтов, они охотились на лис, сидя на кровных жеребцах, окружённые ловчими и сворами гончих, в камзолах XVIII века, треуголках и пудреных париках. На семейных праздниках они танцевали в костюмах маркизов и маркиз времён Людовика XV и разъезжались по домам в золочёных каретах — их усадьбы, выстроенные на манер феодальных замков и версальских дворцов, до сих пор окружают Уилмингтон.

Вот уже более двухсот лет Дюпоны олицетворяют особый аристократический стиль — не бросающееся в глаза богатство и эффективная власть; об их семейных тайнах, адюльтерах, самоубийствах, внезапных и трагических смертях, о преследующем род безумии в городе ходят легенды. В парадном зале Уилмингтонской трастовой компании висят потемневшие родовые портреты: галерею открывают светловолосая дама и статный широколицый господин в пудреном парике…

Одним из главных жизненных принципов господина Самюэля Дюпона было невежество: предки исповедовали протестантизм (и в католической Франции считались диссидентами), многие из его друзей-гугенотов сидели в тюрьмах, потому Самюэль и предпочитал не высовываться. У него был свой метод самосохранения: господин Дюпон не умел ни читать, ни писать — стало быть, королевские чиновники не могли обвинить его в том,

что он изучает запрещённые книги. Он не знал ни одной буквы и ни одной цифры и в придачу ко всему был упрям как осёл и самовлюблён как павлин.

Образованной и воспитанной его жене Анне Александрине приходилось с ним нелегко. Их сын Пьер рос необыкновенным ребёнком. На отца он походил лишь огромным, точно орлиный клюв, носом (большой нос до сих пор остаётся наследственной чертой Дюпонов — как тяжёлая челюсть Габсбургов или оттопыренная губа Бурбонов). Пьер с детства был хром, слаб и не здоров, зато отличался блестящей памятью и быстрым умом: в 12 лет он знал назубок французскую грамматику и свободно переводил с латыни.

Пьер оказался добрым мальчиком: когда рыжая, конопатая и глупая кузина Марианна заболела оспой, он просиживал у её постели сутками и в результате заразился. Через несколько дней врачи, не обнаружив у него пульса, констатировали смерть. Всю ночь перед похоронами Анна просидела у гроба сына, молясь за упокой его души. К утру мать задремала, как вдруг её разбудил крик Пьера: мальчик выжил, хотя лицо его было безнадёжно изуродовано. Щёки и лоб покрыли следы от оспы, один глаз поразила дальнозоркость, другой — близорукость: с годами Пьер Дюпон решил, что таким образом судьба отмечает избранников. «Я благодарен природе и случаю, — писал он в мемуарах, — за то, что они подарили мне возможность обладать всем диапазоном зрения». Мать рыдала, отец заставил сына заниматься фехтованием — Самюэль Дюпон считал шпагу универсальным средством, укрепляющим тело и дух. По вечерам они отрабатывали выпады, а дни проводили за работой: отец решил сделать из сына часовщика.

Так прошло несколько лет, а потом Анна Александрина умерла во время родов. Перед смертью, соединив руки мужа и сына, она произнесла: «Постарайтесь жить счастливо».

Это не удалось — после смерти матери Пьер сбился с пути истинного. Он свёл знакомства с начинающими писателями и молодыми актёрами, вместе с ними пил, пропадал за кулисами и ходил по борделям. К тому же молодой человек ударился в сочинительство стихов и пристрастился к пустым размышлениям: он закрывался на чердаке и часами медитировал, уставясь в потолочную балку. Однажды, застав Пьера за этим занятием, отец избил его как собаку, а затем вышвырнул из дома. Хромой, изуродованный оспой, полуслепой юноша очутился на улицах Парижа без гроша в кармане — так начиналась блестящая карьера Пьера Дюпона, публициста и коммерсанта, друга американского президента и приближённого французского

короля.

Друзья не дали бедняге умереть с голоду — знакомый часовщик взял его на работу. Через несколько лет Пьер пришёл в мастерскую отца, держа в руках великолепные часы в корпусе из резного дуба, с чеканным серебряным циферблатом. На нём была выгравирована надпись: «Сконструировано и сделано сыном Дюпона, посвящается отцу».

Пьер молча поклонился, вручил Самюэлю подарок и ушёл из родного дома навсегда. Так он отдал сыновний долг и избавился от чувства вины…

Но прежнюю жизнь смела революция — в 1799 году Дюпоны бежали из Франции, ибо были среди тех, кто пытался защитить короля. Отец и сыновья вместе с верными Людовику XVI придворными отстреливались от санкюлотов во дворце Тюильри, затем, чудом избежав гильотины, залегли на дно — и всё же не смогли устроиться в новой жизни. Вышедший из Тулона корабль «Американский орёл» был нагружен их мебелью, роялями и столовым серебром. Весь трёхмесячный путь через Атлантику Дюпоны охраняли своё добро с обнажёнными шпагами в руках — команда не внушала им доверия.

Занимался рассвет морозного утра 1 января 1800 года — начинался новый век, и в Америке он стал веком Дюпонов. Имя они сменили: в демократической Америке плебеи Дюпоны превратились во французских аристократов дю Пон де Немур. Дети парижского часовщика стали величать себя как маркизы, Немур — посёлок, где Пьер Дюпон познакомился с Мари Ле Дэ, превратился в их родовое поместье…

Кое-кто в Уилмингтоне до сих пор уверен, что Дюпоны обладают особым даром: они делают несчастными и себя, и своих близких. Однако большинство не верит в это: времена, когда Дюпоны торговали смертью, канули в прошлое.

У них по-прежнему вполне «вегетарианский» бизнес (нефтью они принципиально не занимаются): нейлон, тот же орлон, тефлон, колготки, ветровки, неподгорающие сковородки, минеральные удобрения, лекарства — всего более двадцати тысяч наименований различных товаров.

Очередной повод посудачить о Дюпонах появился в 1995 году, когда Джон Дюпон, уже немолодой джентльмен, всю жизнь занимавшийся биологией, в припадке внезапного безумия пристрелил приятеля, олимпийского чемпиона по борьбе Джорджа Шульца, заехавшего к нему пропустить стаканчик виски. Адвокаты сработали хорошо, и Джона Дюпона признали умалишённым.

Это было большой удачей: в худшем случае ему грозило

пожизненное заключение, за убийство без отягчающих обстоятельств могли дать от двадцати восьми до сорока лет, а он отделался пятью годами психиатрической лечебницы. Те, кто раньше видел Джона, не узнали его в зале суда: спутанная борода, длинные, грязные, за одну неделю поседевшие волосы… Когда присяжные вынесли вердикт, отец убийцы сказал, что срок, на который его осудили, большого значения не имеет: в арестантской робе или без неё, но всю свою оставшуюся жизнь Джон Дюпон проведёт в заключении. Ровно через год его выпустили из психиатрической клиники, и он поселился вдали от людей, в поместье Дюпонов, расположенном в Филадельфии. Там, где доживала свой век одна из родственниц Джона, безумная Шарлотта Шепард Хендерсон Дюпон. Но сами Дюпоны не склонны верить зловещим легендам о семейном проклятии, преследующем их род. Губернатором штата Делавэр долго был нынешний глава семейства Дюпон — Пьер Самюэль-четвёртый, обходительный и воспитанный господин, бывший кандидат в президенты США.

Каждый год многочисленный род увеличивается примерно на 30 крепких, краснощёких, большеносых малышей. Империя Дюпонов расширяется, работающие на них учёные изобретают всё новые высокотехнологичные, облегчающие человеческую жизнь игрушки. А полторы тысячи акционеров, имевших счастье родиться под фамилией Дюпон, живут в мире и довольствии.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ, в которой рассказывается об историческом круизе и семейных перипетиях

1

Аристотель Онассис и Мария Каллас познакомились 3 сентября 1957 года в Венеции на балу, организованном Эльзой Максвелл. (Но любовь «самых знаменитых греков в мире» вспыхнет по-настоящему через несколько лет, на балу у графини Кастельбарко, а затем на яхте, куда Аристо пригласит Примадонну с мужем.) Тина Онассис, одетая в ошеломляющее платье с каскадом бриллиантов, рубинов и изумрудов, вызывала на балу всеобщее восхищение, Онассис же не сводил глаз с Марии…

«Между тем Каллас, словно до неё не доходили злые сплетни по поводу поездки в Венецию, проводила время весьма весело, — вспоминал её муж. — Она царила на балу и на всех прочих праздниках, последовавших за историческим вечером 3 сентября. Более того, она позволила себе поистине королевский жест: спела оперные арии для узкого круга знати, притом с Эльзой Максвелл за роялем! От присутствия всех этих знатных и богатых персон, куривших ей фимиам, у Марии голова пошла кругом…

Всю эту шальную неделю в Венеции Онассис наблюдал за Марией, как хищник, выслеживающий свою жертву: в его голове созрел план сделать самую известную в мире женщину своей любовницей. Но намерения он до поры тщательно скрывал, а его щедрость по отношению к оперной диве не знала границ: он был готов исполнить её малейший каприз, словно добрый волшебник из сказки… Кроме того, он вызывал такое доверие, что ему можно было смело поручить присматривать за женой!»

Именно это и сделал Менегини, не подозревавший (а возможно, тайно желавший этого), что своими руками открывает дверь в овчарню и впускает волка, приготовившегося утащить его овечку. Можно ли было отказаться от яхты, которую Аристотель предоставил в распоряжение супругов Менегини во время их пребывания в Венеции? Почему бы не принять участие в роскошных приёмах, которые тот устраивал в Лидо и на острове Бурано? Почему бы не продлить удовольствие и не задержаться на борту яхты «Кристина», похожей на плавучий дворец?..

Отправиться в круиз на «Кристине О.» Мария согласилась не

сразу, ссылаясь на занятость, множество ангажементов, предстоящее выступление в Ковент-Гардене. Но недаром говорили: «Если бы Ари захотел, он бы наладил продажу холодильников эскимосам».

— Я приеду в Лондон за вашим ответом, — сказал Онассис.

Так и произошло — он одним из первых приехал в Ковент-Гарден, купил несколько десятков лучших мест в партере и раздавал своим друзьям и знакомым приглашения следующего содержания:

«Господин и госпожа Онассис имеют удовольствие пригласить на приём в честь Марии Каллас. Приём состоится в отеле „Дорчестер“ в четверг 17 июня в 23 часа 15 минут».

На приёме были самые изысканные угощения, неимоверное количество цветов… Оркестр играл всё, что хотела Мария, получая от Онассиса чаевые стодолларовыми купюрами…

Мария приняла приглашение Аристотеля.

В том историческом круизе участвовали многие звёзды. Сам владелец любил выступать в роли экскурсовода по своей яхте, притом экскурсии его были высокопрофессиональными и порой захватывающими.

Первая стоянка «Кристины О.» в Портофино — Мария сошла на берег в ярком открытом платье, броско накрашенная. Они заходили в бутики, и Аристотель покупал всё, на чём задерживался её взгляд… Подолгу Аристотель и Мария стояли на верхней палубе, он рассказывал о своей жизни, об Аргентине, о первых миллионах, победах… Она счастливо, звонко смеялась… Она взяла с собой на яхту партитуру оперы Беллини, но за всё время круиза не прикоснулась к ней ни разу.

«Кристина О.» встала на якорь в порту Пирей. Онассис с Марией, держась за руки и беспрестанно целуясь (при этом Мария нагибалась, чтобы Онассис мог достать до её губ), прогуливались по афинской Плаке, по Акрополю… Там, между колоннами, к компании как бы невзначай присоединился известный режиссёр Карл Форман и предложил Марии сняться в кино. Мария растерялась, стала расспрашивать про сценарий, но Онассис, обнимая её за талию, сразу одобрил идею:

— Замечательно! Я с удовольствием профинансирую этот фильм, обеспечу ему мировой прокат и высшие премии!..

В каюту к мужу Мария стала возвращаться лишь утром, чтобы переодеться.

— Что ты за мной следишь! Ты что, мой тюремщик? Одиннадцать лет ты держал меня на цепи, как собаку! Ты альфонс! Ты посмотри на себя — обрюзгший старик, не знающий ни одного иностранного языка, а он свободно говорит на всех! Ты

жадный! Импотент проклятый! Урод!..

Мария и Аристотель танцевали под один из лучших в мире джазовых оркестров, притом по распоряжению Онассиса оркестр играл медленные мелодии, во время которых партнёры прижимались друг к другу (и Марию пронзали токи альфа-самца).

Шестого августа 1959 года яхта бросила якорь в бухте у горы Атос, все вышли на берег, чтобы посетить монастырь, где гостей встречал специально для этого прибывший патриарх Константинопольский. Мария и Аристотель встали перед ним на колени. Патриарх назвал Марию «самой знаменитой в мире певицей», Онассиса — «современным Улиссом»… И торжественно благословил влюблённых, причём его высочайшее благословение было сродни венчанию — стоявший в стороне Баттиста так и подумал: истинное венчание. После чего капитан «Кристины О.» под колокольный звон занёс пожертвования — полный саквояж долларов.

На «Кристину О.» Мария возвратилась уже другой женщиной.

«Вечером 6 августа, — пишет Менегини в своих воспоминаниях, — когда мы вернулись на борт, я увидел, что она изменилась до неузнаваемости. Она отказалась идти спать. Когда же я сказал ей, что устал, она ответила: „Делай, что хочешь, а я останусь здесь“. С этого вечера началась их связь…»

На глазах изумлённой публики Мария и Аристотель удалились в каюту Онассиса. И занялись любовью, не обращая внимания ни на гостей, ни на присутствие супруги Аристотеля Тины и супруга Марии Менегини, слышавших доносившиеся из-за дверей ноты любовных арий… Разница с теми, кто Марию Каллас окружал раньше (в основном, чего уж скрывать, гомосексуалисты и лесбиянки), была колоссальной. Развращённая театральная и околотеатральная публика — и морской волк из глобального бизнеса.

Супруг певицы получил на этой почве нервное расстройство. Тина Онассис, в свою очередь, влюбилась в другого гостя — Рейнальдо Эррера, тоже миллиардера…

Однажды, когда во время очередной пирушки на «Кристине О.» Тина буквально вешалась на шею Рейнальдо, Аристотель с одним из своих служащих покинул яхту и долго рассказывал ему о своих семейных неурядицах и мужских проблемах. Тому становится понятно, что Аристотелю давно безразлична судьба его брака, причём до такой степени, что он разрешает Тине отправиться в круиз с мужчиной, которого считает её любовником, и даже ненавязчиво, но весьма щедро спонсирует эту её затею.

Бурные романы сии развивались на глазах невозмутимых

сэра Уинстона и леди Черчилль, иногда просивших Марию что-нибудь им спеть, но чаще получавших вежливые отказы Примадонны.

Через несколько дней после круиза Тина Онассис сделала заявление для прессы:

«После того как мы расстались этим летом в Венеции, я надеялась, что Онассис достаточно любит своих детей и уважает наши семейные отношения, чтобы встретиться либо со мной, либо устроить встречу между нашими адвокатами для урегулирования возникших проблем. Однако ничего подобного не произошло. Я глубоко сожалею, что Онассис не оставил мне никакой другой альтернативы, как начать бракоразводный процесс с ним в Нью-Йорке. Со своей стороны я по-прежнему желаю всех благ Онассису и надеюсь, что по окончании всех этих формальностей он продолжит с таким же успехом вести тот же образ жизни, что и раньше, но в котором я не принимала никакого реального участия».

Развод по-американски предполагал широкую огласку и даже привлечение в качестве свидетеля Марии Каллас. Но Онассису — как всегда — удалось решить вопрос и договориться. Тина как бы забыла о Марии и стала обвинять мужа в измене с некоей миссис Ринеландер, с которой Онассис спал пять лет назад и которую, учитывая его активную, разнообразную и многогранную сексуальную жизнь, вряд ли помнил.

А сама Мария вскоре объявила мужу, который, напомним, был старше её на 28 лет: «Между нами всё кончено. Я люблю Ари!»

Одновременно начались два бракоразводных процесса.

Связь Онассиса и Каллас стала самым громким светским скандалом сезона. Интенсивно общавшийся в это время с прессой Менегини заявил: «Онассис хочет жениться на Марии, но лишь для того, чтобы позолотить свои мрачные танкеры именем великой певицы!» Доля истины в его словах, безусловно, была. С одной лишь поправкой. Брак с Марией Онассису был не нужен и, несмотря на страстное желание Марии Каллас стать его законной супругой, их свадьба так и не состоялась, хотя связь между ними продолжалась и после второго брака Онассиса с Жаклин Кеннеди.

Пятнадцатого августа в дом Менегини приехал сам Аристотель Онассис со своей многочисленной охраной. Ослепительно улыбаясь, он похлопывал Баттисту по плечам и спине, хохотал, рассказывал анекдоты… Он приехал покупать Марию — как очередной корабль.

— Сколько ты за неё хочешь? — пытал Ари. — Пять миллионов? Десять? Считай, они уже у тебя в кармане, старик!

Баттиста противился.

— Локти же будешь кусать…

Третьего сентября один из папарацци сделал в миланском ресторане «Рандеву» фотоснимок нежно обнимающихся в танце Марии и Аристотеля — и продал его во все газеты, в одночасье разбогатев. Чуть позже их сфотографировали целующимися в лобби-баре отеля «Принсипе Савойя»…

«Мой разрыв с мужем был уже давно предрешён, — заявила Мария журналистам. — Это решение окончательное. Отныне моим импресарио буду я сама. А круиз на „Кристине“ оказался простым совпадением. С Онассисом мы давние друзья, он поклонник моего таланта. К тому же он является и моим деловым партнёром. Я получила приглашение в оперный театр Монте-Карло, а также предложение сняться в фильме».

«Я надеюсь, — заявил Менегини, — что, оформив официально наш разрыв, мы останемся с Марией в добрых отношениях. Я не держу зла на Марию, которая честно мне во всём призналась. Но я не прощаю Онассиса, нарушившего священные у древних греков законы гостеприимства».

Сам Онассис упивался очередной победой. «Естественно, я польщён тем, что такая женщина, как Мария Каллас, влюбилась в меня! — говорил он репортёрам. — А кто не был бы польщён?»

Мария отменяла концерты, съёмки на телевидении… Эльза Максвелл, будто воспользовавшись смятением чувств своей пассии, организовала в прессе травлю Марии: писала, что она повела себя как обыкновенная греческая проститутка, что песня её спета в буквальном и переносном смысле слова. (В Далласе Мария пела в «Лючии ди Ламмермур» и в сцене безумия героини ей не удалась финальная ми-бемоль — после чего певица устроила истерику.)

В сентябре Мария и Аристотель вновь совершили круиз на «Кристине О.». Бурный роман. Жаркие греческие ночи. Поистине божественная страсть.

«Возможно, — писал музыкальный критик Антонио Гирингелли, — Каллас в последние годы совместной жизни с Менегини испытывала определённую сексуальную фрустрацию. Вернувшись к нормальной жизни, она не могла уже всю себя без остатка отдавать искусству».

Мария переехала к Онассису, и их роман продолжился на Лазурном Берегу. Она теперь почти всё время жила на «Кристине О.» — чаще в одиночестве, так как Аристотель летал по миру, заключая многомиллионные сделки.

Черчилль и Онассис.

…За особые заслуги Уинстона Черчилля перед Британией и всем человечеством король Георг VI хотел удостоить его почётного рыцарского титула, но Черчилль, полагавший, что принятие им звания рыцаря будет воспринято как конец его политической карьеры, отказался от высокой чести. Оставаясь в палате общин в качестве лидера оппозиции, Черчилль призывал к укреплению обороны страны и предостерегал Запад от растущей угрозы коммунизма. 5 марта 1946 года в городе Фултон (штат Миссури, США) Черчилль выступил с речью «Мускулы мира», в которой говорил о необходимости создания в рамках Организации Объединённых Наций вооружённых сил и образования военно-политического союза Великобритании и США, направленного против СССР и коммунистических стран с целью предотвращения новой войны и сохранения свободы и демократии.

Слова о том, что «на Европу опустился железный занавес», в СССР были восприняты как объявление Западом холодной войны. В августе в Цюрихе Черчилль произнёс речь «Пробудись, Европа!», призвав к единству европейские страны — победителей и побеждённых. В 1951 году консерваторы вновь пришли к власти, и 77-летний Уинстон Черчилль получил пост премьер-министра. В апреле 1953-го он принял из рук королевы Англии Елизаветы орден Подвязки — высшую награду Британии — и удостоился рыцарского титула, став сэром Уинстоном Черчиллем. В конце того же 1953 года Черчилль был награждён Нобелевской премией в области литературы «за высокое мастерство в историческом и биографическом жанрах и за выдающиеся достижения в ораторском искусстве».

Многих поражала феноменальная работоспособность Черчилля — он мог работать круглые сутки. Объяснялось это умением восстанавливать силы с помощью сна: чувствуя признаки усталости, он уединялся и мгновенно засыпал, не более чем на 15–20 минут (в зависимости от данной себе установки: вспомним Штирлица у Юлиана Семёнова, для которого Черчилль всю жизнь был кладезем цитат).

Кстати, писатель был лично знаком с Аристотелем Онассисом.

— Какой он был? — пытал я Юлиана Семёновича в его новой квартире в Доме на набережной, когда он лежал с высокой температурой от какого-то загадочного азиатского вируса, но уже собираясь ночью отправиться в командировку в Аргентину, Уругвай и Боливию («не с „краснокожей паспортиной“ в кармане, разумеется»). — Правда ли, что с большим чувством юмора был?

Правда, что пират?

— Разный, неоднозначный он был! — рассказывал Юлиан Семёнович. — С юмором всё в порядке — не помню, чтобы мы сидели с ним за столом молча, он всё время шутил, каламбурил, анекдоты рассказывал… Смеялся всё время, надо мной подшучивал… Но я бы такому палец в рот не положил, как говаривали пикейные жилеты у Ильфа и Петрова. И в карты с таким играть не сел бы. Память у него была феноменальная, притом по гамбургскому счёту. Чем дольше я живу на этом свете, тем больше понимаю: память — главное не только для разведчика-нелегала, но и для крупного бизнесмена. Он вообще ничего никогда не забывал, особенно плохого. Он же Козерог по знаку зодиака — а они злопамятны. И удачлив он был почти всю свою жизнь просто фантастически — даже и в том, что ты считаешь пиратством!..

В апреле 1955 года восьмидесятилетний Черчилль ушёл в отставку, но сохранил за собой место в палате общин. После ухода с поста премьер-министра Черчилль много времени посвящал путешествиям (в основном на «Кристине О.»), живописи и литературному творчеству: в 1956–1958 годах вышла в свет четырёхтомная «История англоязычных народов», которую он начал писать ещё в 1930-е годы. Вообще надо сказать, что для Черчилля истинным счастьем, по его собственному признанию, было «сидеть солнечным утром за своим столом, имея четыре часа непрерывного покоя, ручку и массу белой бумаги».

В 1960 году в Кембриджском университете Уинстон Черчилль основал Черчилль-колледж. В 1963-м, почти в день убийства президента Джона Ф. Кеннеди, стал почётным гражданином США.

— Мне нравится этот остроумный малый, — говорил Черчилль об Онассисе. — Никогда не знаешь, какой фортель он выкинет, какой шутки от него ждать. С ним не соскучишься.

(Он имел в виду подписи Онассиса под стомиллионными контрактами, которые через некоторое время таинственным образом исчезали с бумаги, будто их и в помине не было, — но об этих весёлых шутках расскажем чуть позже.)

3

На «Кристине О.» Черчилль путешествовал, как правило, со своей супругой Клементиной (которой, по слухам, никогда не изменял). Она рассказывала весёлой компании, что муж перенёс тяжёлый инфаркт, апоплексический удар и не мог разговаривать, поэтому она была вынуждена поехать в Стокгольм за Нобелевской

премией вместо него.

На «бис» рассказывала, как однажды в отеле — шли трудные затяжные переговоры — Черчилль только что принял ванну и в его дверь постучал Рузвельт. Черчилль крикнул: «Войдите!» Когда Рузвельт вошёл, Черчилль встал, при этом полотенце, которым он обернулся после ванны, упало. Стоя совершенно голым перед изумлённым президентом, Черчилль произнёс: «Как видите, от президента Соединённых Штатов Америки мне нечего скрывать». В день своего 75-летия Черчилль сказал: «Я готов встретиться с Творцом. Другое дело, готов ли Творец к такому испытанию, как встреча со мной». В день восьмидесятилетия, в 1954-м, молодой фотокорреспондент, которого прислали к Черчиллю, сказал, что будет рад сфотографировать его в день столетнего юбилея, на что Черчилль ответил: «Молодой человек, вы выглядите вполне здоровым. Так что почему бы и нет?»

Он пил виски, ром и свой любимый армянский коньяк «Двин», на который его ещё во время войны «подсадил» Сталин, регулярно отправляя в Лондон ящиками этот напиток крепостью 50 градусов. Черчилль ежедневно выпивал по бутылке. Однажды он обнаружил, что «Двин» утратил былой вкус. Он высказал своё недовольство Сталину. Оказалось, главный технолог Ереванского коньячного завода Маркар Седракян, который занимался купажом «Двина», посажен. По приказу Сталина его освободили, восстановили в партии, Черчилль снова стал регулярно получать свой любимый коньяк, а Седракяну вскоре присвоили звание «Герой Социалистического Труда».

На «Кристине О.» Черчилль писал этюды, мемуары, читал толстые романы (притом так же, как Сталин, используя технику скорочтения — по 400–500 страниц за несколько часов), сидя в кресле-качалке на палубе, укрывшись тёплым шотландским пледом. Сопровождал бывшего премьера неотступный дворецкий, иногда Черчилль брал с собой в плавание любимого говорящего попугая Тоби и советовался с ним. Всякий раз он тщательно, досконально осматривал отсеки и отделения гигантской яхты-корабля, даже машинное отделение, расспрашивал со знанием тонкостей мореходства о том о сём, вглядывался цепким взглядом в лица матросов, со всеми без исключения здоровался за руку.

Черчилль блистал остроумием, его шутки вошли в пословицы. Например: «Своим долголетием я обязан спорту. Я им никогда не занимался». Или вот: «Написание книги — это любовное приключение: сначала забава, потом книга становится любовницей, женой, хозяином и, наконец, тираном». «Лучше делать новости, чем рассказывать о них». «В молодости я взял

себе за правило не пить ни капли спиртного до обеда. Теперь, когда я уже немолод, я держусь правила не пить ни капли спиртного до завтрака». «Репутация державы точнее всего определяется той суммой, которую она способна взять в долг». «В моём возрасте я уже не могу позволить себе плохо себя чувствовать». Или вот (одна из моих любимых, кстати): «Я люблю свиней. Собаки смотрят на нас снизу вверх. Кошки смотрят на нас сверху вниз. Свиньи смотрят на нас как на равных».

Особое место занимаем в его персональном цитатнике мы, русские.

«Русских всегда недооценивали, а между тем они умеют хранить секреты не только от врагов, но и от друзей». «Только Ленин мог бы вывести русских из того болота, куда он сам их завёл». «Я думал, что умру от старости. Но когда Россия, кормившая всю Европу хлебом, стала закупать зерно, я понял, что умру от смеха». «Русские могут казаться недалёкими, нахальными или даже глупыми людьми, но остаётся только молиться за тех, кто встанет у них на пути».

О Черчилле тогда говорили: «Он замечательный молодой человек восьмидесяти шести лет». Его любимая присказка (эти слова он произнёс ещё в 1941 году, выступая перед учениками своей школы): «Никогда не сдавайтесь, никогда, никогда, никогда. Ни в великом, ни в малом, ни в важном, ни в пустяках… не сдавайтесь, не сдавайтесь!»

Онассис не раз признавался, в частности, Марии, что многому научился у Черчилля. «Весь фокус в том, чтобы встать на один раз больше, чем упасть», — говорил Черчилль. «Воздушные змеи взлетают против ветра, а по ветру никогда… Когда идёшь через ад, не останавливайся… Невозможно решить проблемы, откладывая их… Оптимист в любой опасности видит шанс, пессимист в любом шансе — опасность… Я люблю людей, которые улыбаются в бою…» (И сам Онассис жил так — всё время улыбался. В бою. Которым и являлась вся его жизнь.)

Воспоминания Уинстона Черчилля «Мои ранние годы» заканчиваются 1908 годом: «В это время я женился и с тех пор всегда был счастлив». С женой они прожили 57 лет. («Мы с женой два или три раза за годы совместной жизни пробовали завтракать вместе, но это оказалось так неприятно, что пришлось это прекратить».) Не только на «Кристине», но и всюду они бывали вместе, называли друг друга *Pug* и *Kat* (Мопс и Киска). Приветствуя её, он рычал, она в ответ мяукала, что со стороны выглядело несколько странно, но трогательно. Однажды (об этом тоже рассказывала Клементина на «Кристине О.») в родовом поместье кузена Черчилля, герцога Мальборо, между двумя

высокородными остроумцами — Нэнси Астор и Черчиллем — произошёл очередной словесный поединок. Нэнси сказала Черчиллю: «Уинстон, если бы вы были моим мужем, я подмешала бы вам в кофе яду». — «Нэнси, — мгновенно среагировал Черчилль, — если бы я был вашим мужем, я бы выпил его не задумываясь».

На «Кристине О.» за несколько лет до смерти он работал и над своей последней речью в парламенте. Это лаконичный дистиллят его жизни, его личности, его работы. «И пусть наступит день, когда справедливость, любовь к ближнему, уважение к законности и свободе позволят истерзанным поколениям с триумфом двигаться вперёд, чтобы преодолеть ужасную эпоху, в которой мы пока живём. А до того никогда не отступайте, никогда не поддавайтесь усталости и никогда не теряйте надежды».

Такие же или примерно такие слова он говорил и Марии Каллас с Аристотелем Онассисом, которых пытался помирить друг с другом, когда их любовь перехлёстывала через край и доходило (бывало, особенно в последнее время) до драки.

4

В июне 1960 года Тина без лишнего шума отправилась в штат Алабама (США) и после тринадцати лет брака получила там «быстрый» развод по причине «психической жестокости» со стороны мужа. Александру в это время было двенадцать, Кристине — девять лет. Аристотель и Тина согласились на то, что дети будут продолжать жить с матерью, а Онассис может навещать их, когда захочет. Алиментов Тина не потребовала. Детям перешли 25 процентов акций всего флота Онассиса. Её драгоценности тянули по меньшей мере на четыре миллиона долларов. К ней же перешли особняк на Каттон-сквер в Нью-Йорке и всё имущество, которое стоило не меньше дома.

Что же касается отношений с Марией Каллас… Она имела американское гражданство, и это ей давало возможность выйти замуж в США. Однако свадьба Онассиса и Каллас всё откладывалась, он называл Марию в беседах с журналистами и знакомыми своей «лучшей подругой», «гениальной Каллас, которая принадлежит всему миру»…

Они совершили одно из самых продолжительных для бизнесмена Онассиса путешествие (пожалуй, он вообще не путешествовал, прилетая или приплывая в любую точку земного шара на кратчайший срок, необходимый для решения деловых

вопросов) — по замкам Луары и по югу Франции.

Один из замков (королевский, самый большой и дорогой, разумеется) он присмотрел в качестве их «семейного гнезда», как сам выразился. Но в конце концов замок он не купил. И на Марии не женился, кроме всего прочего — из-за своих детей, которые Марию не только не приняли, но и почему-то люто возненавидели, особенно сын Александр. Однажды, разогнавшись на моторке, он умышленно врезался в иллюминатор Марии, сам чуть не покалечился, всё кругом забрызгал и залил кровью — но Марии в каюте в тот момент не оказалось.

«Пусть пройдёт время… — говорил Марии Аристотель. — Они вырастут, мои ужасные дети… Всё утрясётся…»

Выросли. Не утряслось. Напротив…

Но древнегреческая трагедия в ту пору по большому счёту лишь завязывалась, кульминация была впереди.

Некоторые биографы утверждают, что Онассис загубил великий талант, что с самого начала их отношений делал всё, чтобы Божественная Мария перестала петь. На самом деле, он не требовал и не мог требовать, чтобы она отказалась от Богом данного дара и профессии — само присутствие Примадонны рядом с ним служило мощнейшей и эффективнейшей рекламой ему самому, Аристотелю Онассису, а он-то знал мировые рекламные расценки. Мало того, в какой-то момент Онассис выступал едва ли не полноценным маркетологом и продюсером Марии.

«Онассис придавал огромное значение карьере Марии Каллас, — говорил арт-директор фирмы ЭМИ во Франции Мишель Глотц, когда речь зашла об экранизации „Травиаты“. — Он лично с согласия Караяна написал письмо Джеку Уорнеру (владельцу одной из крупнейших голливудских киностудий *Warner Bros.,* основанной четырьмя братьями еврейской национальности, эмигрировавшими в США из Польши: Гарри, Албертом, Сэмом и Джеком Уорнерами. — *С. М.)*. Он встретился с ним на обеде, который я специально для этого организовал. Мы вместе составили письмо с предложением снять фильм по „Травиате“, в котором Висконти был бы режиссёром, а Караян — дирижёром. Караян был согласен. Висконти тоже. Онассис был согласен полностью оплатить съёмки фильма. Я не знаю, что произошло потом. Фильм не состоялся по двум причинам. Одна из них мне неизвестна: а именно то, что произошло между Уорнером и Онассисом, потому что в этот момент между Каллас и Онассисом наметился разрыв. Вторую же причину я хорошо знаю. Речь идёт о неком недоразумении при выборе Марией дирижёра для „Травиаты“ между Караяном и Джулини. Джулини

назначал даты, которые отвергала Каллас. В конце концов ему это надоело, и он отказался от проекта. Караян проявил больше терпения… Но Мария всё откладывала, откладывала, откладывала! Это было в её характере — откладывать решение всех вопросов… Вот так ничего и не состоялось».

…Их роман между тем продолжался. Ночи напролёт Мария танцевала с Аристотелем в самом шикарном клубе Монте-Карло «Моана». «Мадемуазель Каллас и мсье Онассис составляют вместе довольно симпатичную пару, — не без сарказма писал один из светских журналистов. — Однако они не могут танцевать щека к щеке, поскольку мадемуазель Каллас ростом намного выше мсье Онассиса. Ей приходится нагибаться и покусывать ему ухо, что, похоже, приводит мсье Онассиса в неописуемый восторг».

В августе 1960 года, пожалуй, впервые в их отношениях напомнил о себе Зевс-громовержец. Мария должна была петь в «Норме» в античном театре в Эпидавре, где её ожидали 18 тысяч зрителей, в том числе отец, Георгиос Каллас, и Аристотель Онассис, что было для неё самым важным… Но разразилась такая мощная гроза с ливнем, что зрители разбежались.

Представление состоялось несколько дней спустя — 18 тысяч зрителей встали и в течение двадцати минут аплодировали великой и несравненной Марии, аплодисменты переходили в овации. Певицу увенчали лавровым венком прямо на сцене. И всю сумму своего гонорара — десять тысяч долларов (что в настоящее время составило бы около двухсот тысяч) она божественным жестом передала в фонд поддержки актёров. После спектакля безмерно гордый Онассис хорошенько выпил со своим неофициальным тестем Георгиосом раки, узо… На премьеру оперы «Полиевкт» в Ла Скала Онассис пригласил своих тогдашних знатных друзей: принца Ренье и принцессу Грейс из Монако, виднейшего политика Израиля Менахема Бегина, крупнейших судовладельцев и банкиров мира — смотреть и слушать «его Марию»… С той премьеры Марии стали аплодировать по 20 минут, а однажды в Метрополитен-опере в Нью-Йорке аплодисменты длились 27 минут — абсолютный рекорд!..

Вездесущих папарацци Мария, мягко говоря, недолюбливала — могла даже и сильно поколотить. Есть фотография, на которой она набрасывается на фотографов… Однажды, выходя из ночного клуба в местечке Эр-е-Луар, она нанесла одному из фотографов точный прямой удар кулаком в нос — и фотограф опрокинулся навзничь. И Онассис нередко разбивал корреспондентам фотоаппаратуру…

Она не любила делиться славой. «Я собирался выйти на

сцену, — вспоминал выдающийся тенор Марио дель Монако, который пел с ней в „Норме“ в Ла Скала, — как вдруг почувствовал сильный удар по ногам. На несколько мгновений я застыл на месте, что позволило Марии выйти с улыбкой к рампе и сорвать все аплодисменты, включая и те, что предназначались мне». В прессе её называли «тигрицей».

С некоторых пор она стала интересоваться делами Аристотеля: суммами фрахта, оборотами нефтеналивных судов, торговлей оружием… «Мария, — похвалялся Онассис, — единственная из всех знакомых мне женщин, с которой можно говорить о делах».

Когда она работала, её нервы были на пределе, вспоминал дирижёр Жорж Претр, верный друг Марии. Перед представлением она «не могла думать ни о чём другом. Её мучила бессонница. Её одолевала одна и та же мысль: как превзойти саму себя? Стремление к совершенству было её навязчивой идеей. Однако на отдыхе, в круизах с Онассисом, она забывала обо всём, что не было связано с радостью бытия».

«Репетировать, работать, петь, затем снова работать, репетировать, петь, и так без конца, — говорила она. — Такова была моя жизнь с пятнадцатилетнего возраста. Однако, помимо этого, в жизни имеется и что-то другое».

В 1962 году Мария грустно сказала своей подруге Маджи Ван Зайлен: «Никогда Аристотель на мне не женится. Я больше не верю этому… Возможно, он бы и сделал это, когда я ушла от Баттисты, но мне не хотелось ускорять события… Вопрос чести… Моя гордость всегда вредила и будет ещё мне вредить… <…> Но что произойдёт со мной, если я не буду петь? Чем я буду заниматься, чем интересоваться, если у меня не будет моей музыки?»

Оперная деятельность Марии стремительно сворачивалась — в 1962 году она выступила лишь в двух представлениях в Ла Скала — в «Медее». Диски она по-прежнему записывала, с концертами выступала. Но уже не с таким фурором, как прежде: 27 февраля в Лондоне она исполняла отрывки из опер и английская пресса её раскритиковала. «Многие звуки, издаваемые теперь Каллас, нельзя назвать благозвучными, — жестоко писала газета „Тайм“. — Они пронзительные, хриплые, неустойчивые и порой даже фальшивые. На оперной сцене или даже на диске её драматическое исполнение и чрезвычайная музыкальность сглаживают эти недостатки, на концерте же подобные качества не имеют времени проявиться».

Она всячески потакала вкусам и капризам Онассиса. Например, её густые длинные волосы ему представились

несовременными — и она сделала стрижку. Ему не нравилось, что она носит очки с роговой оправой — и она надела контактные линзы, хотя от них (тогда ещё несовершенных, а то и просто опасных) болели и слезились глаза. Он нашёл её длинные платья излишне помпезными и старомодными — и она стала носить короткие молодёжного покроя…

Они часто ссорились, скандалили. Вот как вспоминает один из скандалов в подъезде их парижского дома музыкальный критик Жак Буржуа:

«Мария стояла на верхней ступеньке лестницы в то время, как Онассис находился внизу. Они так громко кричали, что привлекли внимание соседей, которые, похоже, не без удовольствия наблюдали за разыгравшимся на их глазах спектаклем богачей-знаменитостей. Сначала пара скандалила на греческом, затем перешла на английский, вставляя то и дело в свою речь французские ругательства. Естественно, в дуэте громче и красивее звучал голос Марии».

«Есть справедливость, — заявила она в одном из интервью во время гастролей в США. — И она восторжествовала. Бог есть. Он коснулся меня своим перстом».

«Сначала я потеряла вес, затем я потеряла голос, теперь я потеряла Онассиса» — эти слова поздней Каллас подтверждают мнение, что «чудесное» похудение в конце концов катастрофически сказалось на её вокальных данных и на её сердце. На закате жизни *La Divina* написала в одном из писем вероломному Онассису, который предпочёл ей вдову президента США Кеннеди: «Я всё время думаю: почему мне всё давалось с таким трудом? Моя красота. Мой голос. Моё короткое счастье…»

5

Мария Каллас была судьбой Аристотеля Сократеса Онассиса.

На самом деле Онассис и греческие олимпийские авиалинии *Olympic Airways* купил не потому, что всерьёз надеялся реанимировать авиакомпанию, и не потому, что имел некий внятный, в который и сам бы верил, бизнес-план. А ради неё: дабы голос Божественной Марии звучал и на небесах, на высоте десять тысяч метров. И планировал заменить логотип крупнейшего в Греции авиаперевозчика на графический профиль Марии Каллас. (Решение о покупке авиакомпании он принял в ночь после того самого исторического бала в Венеции.) С 1957 по 1974 год Аристотель Онассис (во второй половине 1950-х — самый богатый человек в мире) был монопольным владельцем

национальных авиалиний. (Формально авиакомпания, созданная 6 апреля 1957 года Аристотелем Онассисом на базе *Hellenic National Airlines,* обанкротившихся в 1955-м, была передана ему греческим правительством в концессию.)

Нужные ему по бизнесу члены правительства Греции, а затем и почти всех стран Европы и Америки, с которыми он имел дело, летали бесплатно и для них на *Olympic Airways* всегда были забронированы билеты.

За время своего существования авиакомпания выполняла полёты на тридцати различных типах самолётов. (Кстати, среди них были и авиалайнеры советского производства: Ил-62М и Як-40.)

Первоначально флот состоял из одного DC-4 и четырнадцати DC-3/C-47. В 1958-м к ним добавился DC-6, эксплуатировавшийся на европейских трассах — в Рим, Париж и Лондон. В 1960 году началась реактивная эра — *Olympic Airways* приобрела «Cornet 4B». Они заменили DC-6 в Европе и проложили линии на Ближний Восток. В 1963-м флот пополнился первым дальномагистральным реактивным лайнером «Boeing 707–32 ˚C». Это позволило открыть в 1966 году первую трансатлантическую линию Афины — Нью-Йорк. Затем «боинги» начали летать в Южную Африку. В 1969 году появилась линия в Канаду, в 1972-м — в Австралию. В те же годы на смену «Cornet 4B» пришёл «Boeing 727». В 1970-м место DC-3/C-47 на внутренних и региональных линиях занял YS-11A. Было создано региональное подразделение *Olympic Aviation.* Оставшиеся C-47 перешли на грузовые линии. В 1972-м взамен DC-6 на линиях средней протяжённости появился «Boeing 720». В 1973 году поступил первый широкофюзеляжный «Boeing 747–200B».

После переворота «чёрных полковников» Онассис стал ключевой фигурой политики и бизнеса Греции. Ему прочили президентское кресло. Но начиная с 1969 года (вскоре, кстати, после того, как он женился на Джеки Кеннеди) удача, так долго сопровождавшая Аристотеля в жизни, отвернулась от него. Он вынужден был отказаться от эксплуатации трети своего флота и от постройки уже заказанных новых супертанкеров. Кроме того, возникли финансовые проблемы у авиакомпании *Olympic Airways,* во многом обусловленные тем, что обслуживала национальная авиакомпания прежде всего самого владельца — Аристотеля Онассиса.

Несмотря на это, Онассису (пожалуй, одному из лучших в мире переговорщиков) удалось в Швейцарии договориться о беспрецедентном банковском кредите, *Olympic Airways* готовилась совершить новый рывок по завоеванию мировых авиарынков.

Однако этому помешали финансовые и семейные проблемы Онассисов…

6

Аристотель Онассис, как и подавляющее большинство «людей судьбы», был не только внутренне глубоко религиозен, но и достаточно суеверен, хотя скрывал это. Исключительным доверием танкерного короля пользовались астрология и эзотерика. Поэтому для наиболее важных (и, по возможности, всяких) дел Ари старался выбрать астрологически наиболее выверенное и благоприятное время. В этом нелёгком деле многое зависит от компетентности и опытности эксперта — астролога. После нескольких проб и ошибок Онассис нашёл «подходящего» астролога в лице знаменитого монаха и отшельника отца Аристотеля, своего тёзки, который, подобно древним мудрецам, жил на маленьком островке Спорады в Эгейском море в живописной старой башне. Предсказания мудрого монаха-отшельника, еженощно наблюдавшего в телескоп, привезённый из Ганновера, за звёздами и производившего какие-то одному ему ведомые расчёты, до сих пор поражают точностью.

На своём островке отец Аристотель жил со второй половины 1940-х годов, в 26 лет последовав зову свыше и став добровольным отшельником. Ни телефона, ни телевизора у него не было по простой причине — на острове отсутствовало электричество.

Среди посетителей монаха, который старался всячески избегать любой рекламы и шумихи вокруг своей персоны, тем не менее можно было увидеть многих мировых знаменитостей: ведущих промышленников мира из Америки, Японии и Австралии, видных политических деятелей, звёзд шоу-бизнеса, деятелей науки и культуры…

Онассис, приехав к мудрецу и поговорив с ним, взял себе за правило посещать его не реже одного раза в год, чтобы составить свой гороскоп и выслушать общие предсказания на ближайшее время. Практически всё, что ему предсказывали звёзды, сбывалось. Правда и Ари сам старался изо всех сил, а, как известно, Бог и звёзды в первую очередь помогают тем, кто сам себе помогает. Да и везло ему почти всю жизнь так откровенно, однозначно, немыслимо, что конкурентам оставалось лишь зубами скрежетать.

Аристотель Онассис отчётливо чувствовал влияние звёзд на ход своих дел. И поэтому никогда не скупился на щедрые

гонорары, которые звездочёт отец Аристотель потом обычно раздавал крестьянам, жившим с ним на острове, чтобы они смогли купить кое-какое нужное для хозяйства оборудование, технику.

(Мудрый отшельник за год до чернобыльской атомной катастрофы предскажет её в мельчайших деталях, с точностью до недели укажет срок покушения на экс-президента США Рональда Рейгана и многое-многое другое…)

Говоря о фантастическом везении и потрясающей удачливости Онассиса, верным будет вспомнить один из особенных эпизодов его детства. Раз в две недели его бабушка Гефсимания сворачивала пару жилеток и панталон внука и относила их в храм, где дружившие с ней диаконы клали их под… алтарь! Когда через 14 дней они могли считаться достаточно освящёнными, она с триумфом забирала их домой, оставляя на смену другую пару. Дома Гефсимания сажала внука в лохань с водой и скребла его («как будто я был палубой корабля», — вспоминал Аристотель) так, как будто хотела заживо содрать кожу, пока он «не становился очень, очень чистым». Тогда она заставляла его облачиться в освящённые одежды и читала маленькое благочестивое наставление:

— Теперь я уверена, что твои грехи прошедших двух недель будут прощены и ты будешь очень хорошим мальчиком.

…Онассис владеет судостроительными верфями в Швеции и Англии, нефтяной компанией «Омега», нефтеперегонными заводами, огромными участками земли в Европе и Южной Америке, сетью фешенебельных отелей в Греции, Париже, Лондоне. В 1968 году он приобретает солидный швейцарский банк, намереваясь превратить его в финансовый центр своей империи. Штаб-квартира империи — на юге Франции, офисы филиалов — в Нью-Йорке, Женеве, Афинах… В общей сложности состояние Аристотеля Онассиса в конце 1960-х будет определяться (по самым скромным подсчётам, основанным на суммах страховки) в миллиард долларов. Реальная же стоимость его активов, несомненно, во много раз больше. Каждый день (на пике бизнеса) приносит ему доход от двухсот тысяч до миллиона долларов!..

7

— …Уважаемый! — окликнули меня на выходе из ЦДЛ. — Можно вас на минуточку?

Убедившись, что окликают именно меня, я непроизвольно

ссутулился и вразвалочку (дабы не выказать излишней суетливости) подошёл к двум курившим на другой стороне улицы Герцена мужчинам. Сомнений быть не могло: комитетчики.

— Опять газовая камера? — неудачно пошутил я. — А где же мой приятель? Где Андрей Х.?

— В командировке, — сухо ответил один из них (как две капли воды похожий на другого: я мечтал стать писателем, старался запоминать характерные черты, повадки — но зацепиться было не за что, всё будто намеренно стёрто). — Как успехи?

— Да почти никак, — развёл я руками. — Неуловимая парочка. Сделал несколько снимков, но всё больше издалека и со спины. Но чтобы оба фигуранта были в кадре и видны лица — нет. Но я вас слушаю.

— На послезавтра намечено бракосочетание, — сказал второй. — В загсе на Грибоедова. Попробуй со своими «корочками» сделать фоторепортаж. Задай ему хотя бы пару-тройку вопросов.

— Попробую, — сказал я, вспомнив, что «корочки» сдал, и подумав о письме Каузову. — Но как-то странно…

— Что тебе странно?

— Неужели у могучей службы репортёров не имеется?

— А вот этот вопрос неуместен. Заранее приедешь, займёшь место в проходе, потому что в зал не пустят, спросишь… Ты по-английски говоришь?

— *A little bit*[6].

— А ещё международник! Короче, о чём угодно спросишь — маловероятно, что он тебе ответит. Но хоть фотки крупным планом будут.

— А как насчёт аккредитации?

— У них фотограф свой.

— А насчёт спецсредств? Вмонтированных в стены, в люстры аппаратов, диктофонов?

— Лишних вопросов много.

Вечером по радио «Свобода» передали, что Каузов накануне решил свою последнюю проблему. Оказалось, он уже был женат и имел больную дочь. Но Кристина «королевским жестом» выделила супруге Сергея крупную сумму денег (в Москве ходили слухи — около полумиллиона долларов, а малолетней дочке положила отменное ежемесячное пособие вплоть до её совершеннолетия, притом всё это было заверено по международным стандартам известным лондонским юристом, который сопровождал наследницу). После этого Каузов мгновенно оформил развод. По радио сообщили также, что

молодые решили пожениться и расписываться будут скорее всего в Грибоедовском загсе на Чистых прудах.

Подивившись информированности чекистов, на другой день я отправился фланировать по улице Горького, «обходя заведения», и под вечер забрёл в кафе «Марс», что располагалось по соседству с гостиницей «Интурист»: съесть мороженое, выпить чашечку кофе. И вдруг — судьба! — появляется компания иностранцев, шестеро, все в чёрных солнцезащитных очках, но я узнал в единственной женщине, худощавой, выше среднего роста, с короткой стрижкой, Кристину Онассис! Рядом был и жених Сергей. Вычислить его среди профессиональных охранников было сложнее. Мне удалось окончательно идентифицировать Каузова, лишь когда они заняли столики: за один, в глубине, сели молодые, за другой, ближе к выходу — охранники.

Кристина, делясь с Сергеем впечатлениями от посещения какого-то музея или галереи, была возбуждена, улыбалась своей многозначительной улыбкой, в которой уживались и какая-то глубинная грусть, чуть ли не скорбь, и стопроцентная девчачья радость.

— …*What about fucking repairing in your flat?*[7]— донеслось до меня.

Сергей, приблизившись к своей визави, негромко с улыбкой что-то ответил бархатным баритоном, но я расслышал лишь слово *tomorrow*. Просидев в «Марсе» около получаса, расплатившись (я не первый раз обратил внимание на то, что платит Каузов — у Кристины не было с собой ничего, даже косметички), они направились в гостиницу.

На следующий день я с утра дежурил на Мосфильмовской возле их дома (адрес Сергея Даниловича Каузова без проблем дали мне в Мосгорсправке). «Зенит» мой был в хипповой холщовой сумке, в которой обычно носят долото и прочие инструменты. Вообще я постарался законспирироваться: проснувшись, умышленно не принял душ и не воспользовался дезодорантом, натянул старые польские джинсы, несвежую ковбойку, надел лоснящийся на рукавах пиджак и мятую рябую кепку.

Рабочие появились около девяти (одеты были с иголочки, при галстуках — я должен был предусмотреть, что абы кто не мог делать ремонт в будущей квартире миллиардерши, и узнал их только по дрели, удлинителю и заграничному, фирменному обойному клею в специфических ёмкостях). В половине одиннадцатого к подъезду подкатила новенькая чёрная «Волга» Каузова, из которой, дождавшись, когда из следовавшей за ними «Нивы» выскочат охранники и возьмут молодых в кольцо, вышли

сперва Сергей, а затем и Кристина, которой он учтиво подал руку.

Выждав минут десять, я огляделся, взял из кучи строительного мусора (как будто не малогабаритную двухкомнатную квартирку, а целый дом разобрали подчистую) радиатор поприличнее и вошёл в подъезд, поднялся на лифте. Навстречу вышел Каузов — и посмотрел на меня, как Геббельс на связиста (Л. Куравлёва), когда в «Освобождении» тот пришёл в бункер Гитлера и сказал: «Херовато тут у вас». Мои эмоции были схожи: значит, Кристина осталась дома одна, нельзя терять ни секунды! Дверь была приоткрыта. Постучавшись для приличия, я вошёл и сразу оказался в комнате, заваленной штукатуркой, сорванными кусками обоев, прочим мусором, посреди которого на единственном стуле восседала миллиардерша. Она с недоумением взглянула на принесённый с улицы радиатор, перевела вопросительный взгляд на меня. И по моей идиотской улыбочке, а может, по манипуляциям — не оставляя батарею, я поспешно вытаскивал из сумки фотоаппарат, той же рукой пытаясь не только его включить, но и навести резкость, — она почувствовала подвох. Кристина сначала забилась, как голубка о стекло, но поняв, что лететь некуда, обратилась в тигрицу и с рыком бросилась на меня. Схватка продолжалась недолго — верх взяла наследница, я, всё ещё с радиатором в обнимку, поспешно ретировался, понимая, что весьма осложнил себе задачу с грядущей фотосъёмкой в загсе.

Но в назначенный день ровно за два часа до назначенного времени я вышел со станции метро «Кировская» и направился во Дворец бракосочетания на улице Грибоедова.

Там уже собирались мои снимающие и пишущие коллеги. Пронёсся слух, что по поводу разрешения на этот брак вчера собралось Политбюро ЦК КПСС, заседали долго и решение принял сам Леонид Ильич Брежнев (торопившийся, как всегда, в Завидово охотиться и гонять голубей): разрешить, но с рядом условий, прежде всего финансовых. Воспользовавшись тем, что Дворец бракосочетания ещё не был блокирован (что в ближайшее время ожидалось), я поднялся по лестнице и даже вышел на крышу: оттуда всё было видно как на ладони. Спрятавшись за трубу, поставив 200-миллиметровый длиннофокусный объектив, я принялся ждать. И первым увидел «Волгу» Каузова, которую он припарковал немного в стороне. Выйдя из машины, мой тёзка первым делом стал деловито снимать — о, мамма миа! — «дворники», хотя не мог не заметить, не услышать щелчков фотокамер окружавших его репортёров. Длилось это не более полуминуты, но кое-кто, как я потом узнал, успел запечатлеть сию душераздирающую сцену за несколько минут до

бракосочетания с миллиардершей, ожидавшей Сергея Даниловича в здании. Мне удалось сделать несколько снимков, но было далековато, и получились они не слишком выразительными, не хватало «крупняков».

Свинтив телевик, поставив обычный «полтинник», я поспешил к двери, ведущей на чердак, чтобы успеть спуститься. Но она была заперта! Понимая, что Кристина не вынесет больше нескольких минут перевод пустой болтовни, с которой к ней обратятся в загсе, и штампованных поздравлений, убедившись, что другой двери на крыше нет, я стал яростно молча ломиться.

Да и что я мог кричать? Что у внештатного агента КГБ СССР, вознамерившегося сверху охватить панораму перед Дворцом бракосочетания и в то же самое время сделать несколько «гениальных снимков крупным планом», вся карьера накрывается медным тазом из-за двери, столь некстати кем-то захлопнутой у него за спиной?! Но тут я заметил в углу здания, на внутренней, обращённой во двор стороне пожарную лестницу…

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ, в которой рассказывается о том, как утешается неутешная вдова

1

Впервые чета Кеннеди гостила на яхте «Кристина О.» в 1959 году. Пока Джон Ф. Кеннеди с сэром Уинстоном Черчиллем беседовали о высокой политике, Аристотель Онассис показывал первой леди Соединённых Штатов Америки своё плавучее сокровище. «Это было невероятно. Всё как в сказках „Тысячи и одной ночи“», — с восторгом описывала Джеки свои первые впечатления.

На «Кристине» Онассис сблизился с князем и княгиней Радзивилл, Каролиной (Ли), урождённой Бувье, родной сестрой Жаклин Кеннеди. Джон Ф. Кеннеди и Станислав Радзивилл были очень дружны. В 1961 году, возвращаясь в Америку с Венской конференции (в которой принимал участие и Н. С. Хрущёв), Кеннеди заехал в Лондон, чтобы стать крёстным отцом дочери Станислава Радзивилла, который за год до того крестил его сына. 5 июня в Вестминстерском королевском аббатстве в присутствии официальных лиц Англии и Америки девочка была крещена и получила имя Анна. На следующий день президенты с жёнами и супружеская пара Радзивиллов присутствовали на банкете у её королевского величества Елизаветы II. Это был звёздный час Радзивиллов: свет славы американского президента озарил и этот старинный княжеский род.

Летним вечером 1963 года после выступлений в Лондоне, Париже, Берлине и Копенгагене Мария Каллас прилетела в Монте-Карло, где на борту «Кристины О.» её ждал Ари с многочисленной компанией, в которой заметна была и семейная пара Радзивиллов. Они направились в Египет, в Красное море, где в порту Джидда у Онассиса была назначена встреча с королём Саудовской Аравии Фейсалом, затем вернулись в Средиземное море, чтобы совершить очередной круиз, во время которого Ли Радзивилл и стала (по другой версии, их интимные отношения начались раньше) любовницей Онассиса. Посреди круиза Ли сошла на берег, чтобы срочно улететь к сестре Жаклин Кеннеди, у которой только что умер новорождённый ребёнок. Но из Вашингтона почти сразу Ли прилетела в Афины, где вернулась к компании, и круиз был продолжен. Пока плыли из Пирея к Лазурному Берегу, Ли рассказывала Онассису, как убивается

сестра по поводу смерти ребёнка.

В Монте-Карло Онассис направил в адрес спецслужб, охранявших первую леди США, приглашение для Жаклин. Джон Ф. Кеннеди высказывал сомнения по поводу того, надо ли это делать, но в тот момент был больше увлечён одной из своих многочисленных пассий. Советники Белого дома, спецслужбы были против того, чтобы «жена президента плавала на яхте с более чем сомнительным и подозрительным греком-миллиардером», и попробовали представить некий компромат на него. Но Жаклин приняла приглашение Онассиса, заверившего, что яхта будет находиться в полном её распоряжении, а его самого она не услышит и не увидит.

Скандал устроила Мария Каллас:

— Ты — никто, ты просто хам и выскочка!

— А ты — общественное бедствие! — отвечал магнат.

— Если она появится здесь, меня здесь не будет, выбирай! Я не говорю про твоих официанток, гетер, так называемых хостесс, которые выхаживают здесь почти голыми и ублажают тебя и твоих гостей!

Мало того что ты трахаешься с её сестрой!..

(Много позже Мария признает: «Джеки оказалась более проницательной, чем я. Он бы на мне женился, если бы я предложила ему заключить сделку».)

В первых числах октября, получив телеграмму от первой леди США, Онассис вновь «поднял паруса» своей суперъяхты. Он позвонил в Париж Марии, рассказал о согласии Джеки принять участие в их плавании, осведомился, когда ожидать её, Марию, — но в ответ получил отказ.

Мишель Глотц, знаменитый продюсер, много лет проработавший с Марией Каллас и Гербертом фон Караяном (который называл его своей «музыкальной совестью»), уговаривал Марию не отказываться от круиза, не оставлять Онассиса наедине с сёстрами:

«Каждый день вместе с Маджи Ван Зайлен мы говорили ей одни и те же слова: „Мария, ты должна ехать! Тебе нельзя оставлять Аристотеля одного на ‘Кристине’!“ Она с упрямством отвечала: „Никогда!

Ни за что на свете я не стану составлять компанию этим двум интриганкам! Никогда не соглашусь помогать Ари соблазнять их! Мне известны все его повадки! Я прекрасно помню, как он обхаживал и совращал меня!“ В приступе гнева она открывала нам самые интимные подробности их совместной жизни, обливая Онассиса дерьмом с головы до ног».

Да и в глазах других её близких знакомых, с которыми она

делилась сокровенным, Онассис представал теперь извращенцем, чуть ли не сексуальным маньяком.

Мария категорически отказалась участвовать в круизе, который называла оргией. «Я прокляну оба ваших дома!» — напоследок воскликнула она, как в «Ромео и Джульетте».

На борту «Кристины О.» в тот раз оказалось сразу три княгини. (Любовные отношения Джеки Кеннеди с Онассисом, по одной из версий, начались ещё в 1962 году, хотя встречи с первой леди США были не часты и, естественно, происходили втайне.) Гостьей Онассиса была русская княгиня Ирина Голицына — «княгиня мировой моды», жена Медичи. (Поговаривали, у Аристотеля Онассиса и с ней был роман.)

Ирэн — потомок эмигрантов, представительница древнего русского аристократического рода Голицыных, знаменитый итальянский модельер, владелица Дома моды *Galitzine*. В Италии её считают самой элитной среди своих кутюрье и называют «причепесса» — «принцесса». Её имя прочно вошло в историю мировой моды XX столетия наряду с такими мэтрами, как Ив Сен-Лоран, Джанни Версаче, Джон Галлиано, Карл Лагерфельд…

«Семнадцатого июля 1963 года я получила письмо от Джеки, — пишет в своих мемуарах Голицына. — „Дорогая Ирэн, я прочла статью о твоей коллекции, и мне показалось, что твои модели необычайно красивы и некоторые из вечерних платьев подходят мне для домашних приёмов…“ В постскриптуме было сказано: „Этой зимой ты обязательно должна найти время, чтобы приехать к нам!“ 23 октября я отправилась в Вашингтон по приглашению Жаклин (несколько недель назад, отметим, трагически потерявшей новорождённого сына Патрика. — *С. М.),* захватив с собой платья из новой коллекции.

Вечером в день приезда я сидела на кровати в спальне Кеннеди, а моя ассистентка помогала Жаклин примерять платья, когда неожиданно мы услышали свист. „Должно быть, это Джон зовёт нас“, — сказала Джеки. Меня поразило, что президент вызывает свою жену свистом, это было довольно необычно. Но от них исходила такая лёгкая, беззаботная атмосфера! Президент вышел из Овального кабинета и присоединился к нам. „А вот и Джон“, — представила его Джеки. Президент посмотрел на меня и иронично сказал: „Наконец-то и мне удалось увидеть эту знаменитую Ирэн. Ну, что поделываете?“ — „Сижу на вашей кровати“, — ответила я, и он расхохотался.

Едва я вернулась в Нью-Йорк, как начались звонки от Джеки, которая, узнав, что я уезжаю в Калифорнию, пригласила меня провести с ними уик-энд в Вирджинии.

Подсев на полпути в президентскую машину, окружённую

мотоциклистами, я почувствовала себя слегка неловко. Мы проехали лес, в котором больше не было ни одного дома, и остановились перед маленьким, очень скромным особнячком. На пороге стоял Джон Кеннеди, один, не было ни горничной, ни охранника, никого. Мне показалось это странным. Вокруг — густой лес, нет ни садика, ни парка. Какая странная организация: я приехала в окружении всех этих мотоциклистов, а они живут здесь совершенно одни в очень скромном доме!..

Вечером мы остались втроём, ужин был изысканным. Неожиданно Кеннеди сказал, что хочет показать нам фильм о нашем круизе на яхте Аристотеля Онассиса. К нашему удивлению, ему удалось всё заснять на плёнку. Когда мы, развлекаясь, смотрели фильм, он, крепко обнимая нас обеих, заявил: „На следующий год, когда меня переизберут, Джеки останется дома с детьми, а я поеду в круиз один, и ты, Ирэн, познакомишь меня со своими подружками, у тебя ведь есть симпатичные молоденькие подружки, а?“».

2

Поначалу Аристотель Онассис, как и обещал, не появлялся на палубе, предоставив Жаклин Кеннеди возможность прийти в себя.

Но в виду Измира, бывшей Смирны, Ли сказала сестре, что именно здесь родился Ари, и Джеки попросила его быть их гидом. И он так организовал экскурсию, что и не снилось шейхам и султанам из сказок (ледяное шампанское «Dom Perignon», белужья икра из России, венецианские трюфели выглядели обыденным ланчем). После Измира был Эфес, что в 80 километрах южнее — родина Иоанна Богослова.

— После казни Иисуса Пресвятая Дева Мария скрывалась здесь от преследований римлян, — рассказывал Онассис, взбираясь на 420-метровую гору Аладаг, подавая дамам руки, с особым пиететом, внимательностью и поспешностью — Джеки Кеннеди. — Посещение дома Девы Марии для христиан приравнивается к паломничеству в святые места, притом для всех — и для нас, православных, и для вас, католиков и лютеран. По преданию, Пресвятая Дева со святым апостолом Иоанном жила здесь между тридцать седьмым и сорок восьмым годом, а в возрасте шестидесяти трёх лет здесь же, хотя многие утверждают, что это произошло в Иерусалиме, Мария умерла и позже была причислена к лику святых[8]. Тем, кто послушал меня и захватил ёмкости, рекомендую наполнить их в источниках, дарующих здоровье, любовь и благополучие…

Пока они не спеша взбирались к источникам, Аристотель рассказывал о святителе Василии Великом, архиепископе Кесарии Каппадокийском:

— Он удалился в Понтийскую пустыню (южный берег Чёрного моря), где поселился недалеко от монастыря, основанного его матерью и старшей сестрой. Здесь святой Василий подвизался в аскетических подвигах вместе со своим другом святым Григорием Богословом. Руководствуясь Священным Писанием, они создали уставы иноческой жизни, принятые впоследствии христианскими монастырями…

Далее рассказ Онассиса больше походил на поток сознания, а иногда и вовсе бред от теплового удара — никто не понял, что же он имел в виду на самом деле, на что намекал:

— «…Настоящее время есть время покаяния и отпущения грехов, а в будущем веке праведный суд воздаяния, — бормотал он со своей неизменной белозубой улыбкой, способной обаять любого. — Кающимся недостаточно ко спасению одно удаление от грехов, но потребны им и плоды, достойные покаяния… По отшествии из сей жизни нет уже времени для добрых дел, потому что Бог, по долготерпению Своему, время настоящей жизни определил на делание нужного для угождения Богу… Корень греха — смерть… На милость преклоняет Бога не множество грешников, но благоугождающий Богу, будет ли это муж или жена… Не должно собственную свою волю предпочитать воле Господней; но при всяком деле надобно искать, какая есть воля Божия, и исполнять её… Живущие с людьми богоугодными, но не исправляющие собственного своего образа мыслей, никакой не получают для себя пользы, хотя, по-видимому, живут подобно сим людям…» А вы, миссис Кеннеди, — спросил вдруг Аристотель Онассис, пристально глядя в переносицу первой леди Америки, — не присутствовали лично на инаугурационной речи вашего выдающегося мужа, когда он выдал потрясающей глубины афоризм, на который до него был способен лишь один человек в мире — наш друг сэр Уинстон: «Думайте не о том, что может дать вам страна, а о том, что вы можете дать ей»? Что он на самом деле имел в виду, как вы полагаете?

Джеки, пожав плечами, ничего не ответила. Помолчав, Онассис продолжил цитировать земляка своего отца Сократа, также родившегося в Каппадокии, неподалёку от святого Василия:

— Не должно препятствовать исполняющему волю Божию, по заповеди ли Божией, или по разуму, последует он заповеди; и исполняющий заповедь не должен слушать препятствующих, хотя они ближние, но обязан держаться принятого намерения… Близость с Господом познаётся не по плотскому сродству, а по

тщательности в исполнении воли Божией… Невольно вовлекаемый в грех должен знать о себе, что им обладает другой предшествовавший грех, которому он добровольно служит и которым уже вводится и в те грехи, в какие бы не хотел впасть…

— А вы случайно не знаете, каким образом братья Кеннеди разбогатели, точнее, кто начал успешный бизнес в семье? — сокрушительно улыбаясь, по-свойски подмигнув, осведомился Аристо и приобнял Джеки за талию. — О том, что должно собирать себе сокровище не на земле, а на небе; и о том, какой есть способ собирать сокровище на небе… «Христианин не должен быть пристрастен к славе человеческой и привязан к чести, превышающей меру, но обязан исправлять тех, которые оказывают ему такую честь или думают о нём более надлежащего, — говорил святой Василий. — Уверовавшие в Бога и крестившиеся должны тотчас быть готовыми и от домашних своих терпеть искушения даже до смерти. Ибо кто не готов к этому, тот при постигшей внезапно опасности легко приходит в колебание… В иное время надобно уклоняться от злоумышляющих. А кому попущено впасть в искушение, тот должен просить в молитвах об облегчении, чтобы в силах ему быть понести искушение, и об исполнении воли Божией… Христианин в искушениях при каждой встречающейся с ним опасности должен припомнить, что сказано на сей случай в Писании, и таким образом соблюдать себя непосрамлённым, а противников приводить в бездействие… И при самом отшествии из жизни надобно молиться о чем прилично. От Матфея: „А около девятого часа возопил Иисус громким голосом: Или, Или! лама савахфани? то есть: Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?“ От Луки: „Иисус, возгласив громким голосом, сказал: Отче! в руки Твои предаю дух Мой. И, сие сказав, испустил дух“».

— А сказано ли у святителя что-либо про семейные отношения? — спросила Джеки.

— «Мужу с женой или жене с мужем разлучаться не должно, разве кто из них уличён в прелюбодеянии или находит препятствие благочестию. Муж должен любить свою жену такой же любовью, какой Христос возлюбил Церковь, предав Себя за неё, чтобы освятить её… А жёны, творя волю Божию, должны повиноваться своим мужьям, как и Церковь повинуется Христу… Жены не должны наряжаться для увеличения красоты, но обязаны иметь все старания и попечения о добрых делах, и это убранство почитает истинным и приличным для христианок. Вдова, если имеет ещё телесную крепость, должна проводить жизнь в заботе и тщании…»

Достигнув вершины, вытерев душистым батистовым

платочком пот со лба, Аристотель и сам наполнил свою бутылочку в источнике любви — при этом уловив на себе многозначительный взгляд Джеки и ответив ей взглядом не менее многозначительным. Когда к ним присоединились остальные, Онассис продолжил рассказ:

— В Эфесе проповедовали также апостолы Пётр и Павел, здесь находилось одно из чудес света — храм Артемиды Эфесской, самый большой храм языческого мира, и вторая по величине после Александрийской библиотека, и здесь же у нас жило большое количество философов эпохи… Это был центр дохристианского мира. Но справедливости ради расскажу вам и другое предание, в которое лично я не верю категорически! Согласно ему, Дева Мария умерла в Иерусалиме и апостолы Пётр, Павел, Иаков и другие понесли одр, на котором лежало тело Богородицы, через весь город в Гефсиманию. Над процессией появилось облако света, послышались звуки неземной музыки. Первосвященники, которым донесли о погребальном шествии, послали стражу, дабы разогнать возмутителей спокойствия, но облако, внезапно спустившись, закрыло процессию. Были слышны шаги и пение, но никого не было видно. Тогда первосвященник Афония попытался опрокинуть одр, но его руки были отсечены невидимой неведомой силой. Афония ужаснулся и раскаялся, был исцелён чудесным образом, стал проповедовать с тех пор учение Христа. А апостолы к вечеру положили тело Богородицы во гроб и закрыли вход в пещеру большим валуном…

3

По вечерам Джеки Кеннеди рассказывала Аристотелю про свою жизнь. И рассказы эти становились всё более откровенными, похожими на исповедь. Она жаловалась на вечную занятость и ветреность Джона, на «эту актёрку Мэрилин», которая жила «с обоими братьями Кеннеди»…

(В лос-анджелесской галерее не так давно открылась выставка, посвящённая легендарной Мэрилин Монро. Центральным экспонатом стала фотография, на которой артистка запечатлена рядом с президентом США Джоном Ф. Кеннеди. Этот снимок является единственным в своём роде — в мире больше нет ни одного совместного фото Монро и Кеннеди. Уникальная фотография была сделана на вечеринке по случаю 45-летия Кеннеди, 19 мая 1962 года, буквально через несколько минут после того, как Монро спела своё знаменитое поздравление — «С днём рождения, мистер президент». На фото рядом с актрисой

стоит не только Джон Кеннеди, но и его брат Роберт — и братья пожирают глазами самую раскрученную и сексапильную блондинку мирового кинематографа, сколько вожделения в их взглядах!..)

Джеки, будучи уже достаточно подшофе, жаловалась, что муж буквально цепенеет, стоит лишь появиться симпатичной девушке в возрасте от двенадцати до двадцати лет, о стажёрке Белого дома, которую все называли Мими…[9]

Онассис же незримо (и зловеще, как потом выяснилось) присутствовал всюду.

Как-то на одной из вечеринок в доме друзей Джеки хозяйский ирландский сеттер сжевал соболье манто княгини Ли Радзивилл. Князь расстроился. «Что ты так переживаешь? Завтра мы купим Ли другое манто, а счёт пошлём Ари», — успокоила его Джеки…

4

Сразу после круиза Онассис, точно нашкодивший кот, помчался в Париж, на улицу Фош, 44 — к Марии, вымаливать прощения… И она простила, согласилась ехать с ним в путешествие в новый «медовый месяц».

Что и стало очередным ренессансом Каллас — в январе 1964 года она пела в «Тоске», поставленной Дзеффирелли (всего за месяц, тогда как раньше ей требовался год на такую работу). «Мария обожает создавать событие», — говорил Дзеффирелли после ошеломляющего успеха в лондонском Ковент-Гардене.

«Лондонский триумф был только прелюдией к тем аплодисментам, которыми её наградила публика в парижском театре „Опера“, когда 22 мая Мария вышла на его сцену в „Норме“, — вспоминает очевидец К. Дюфрен. — Мария совершила в тот вечер поступок, который не мог бы себе позволить ни один артист в мире: она остановила оркестр и взяла „до“ верхней октавы, не покорившееся ей с первой попытки… Поистине Мария устроила праздник для всех парижских любителей оперы».

И в этой остановке оркестра было некое негласное состязание с Онассисом, добивавшимся своего во что бы то ни стало, некое доказательство ему… а может быть, богам.

Двадцать девятого мая в гримёрной ей сделали укол корамина, она вышла, превозмогая себя, дотянула до третьего акта и, едва опустился занавес, упала без сознания. Четвёртый акт не состоялся — зрители услышали объявление о его отмене в полной тишине, стоя…

«Мария Каллас ничего не делает для того, чтобы доминировать в спектакле, — после последнего её выступления в Париже писал в „Фигаро“ знаменитый музыкальный критик Бернард Гавоти. — Она появляется, и вдруг всё становится на свои места. Как? Почему? Я не знаю, что сказать. Я могу только смутно догадываться, что подобное можно объяснить чудом. Более того, я не стану разделять, кто в Марии Каллас преобладает — оперная певица или драматическая актриса. Вот именно это неподдающееся анализу искусство и завораживает публику. Надо отметить, что за последний год публика сильно изменилась. Снобизм расплавился и осел на дне. Осталась только анонимная и горячая, чувствительная и восторженная публика».

Между тем отношения с Онассисом становились всё хуже.

«Нас проклял Бог! — говорила ему Мария. — У нас слишком много денег!..»

Прихожане русской православной церкви Святого Александра Невского на рю Дарю в Париже в 1988 году рассказывали мне, как Мария приходила почти каждое воскресенье на литургию, вся в чёрном, становилась в углу со свечой в руке, но крест на себя не налагала.

Любовники всё чаще скандалили — уже по любому поводу и публично, например в присутствии Дзеффирелли.

«— Да кто ты такая?! У тебя в горле лишь свисток, да и тот уже не свистит!

— А ты?! Что ты понимаешь в искусстве?! Ты кто такой вообще?! Вор мирового масштаба, пират!»

Она удалялась, когда он оскорблял её в присутствии посторонних, но он умел мириться — королевским подарком, цветами, улыбкой, лаской и всё ещё не иссякнувшей мужской силой, перед которой ни одной женщине невозможно было устоять.

Из квартиры на авеню Фош, принадлежавшей Аристотелю Онассису, она переехала на авеню Жорж Мандел. Там квартира была обставлена даже более роскошно — мебель эпохи Людовика XV в гостиной, столовая в стиле Людовика XVI, ванная — золото и мрамор, ковры с густым высоким ворсом, гобелены, картины, скульптуры.

В последнее время она стала затворницей. Всё реже выходила из дома, выезжала на своём дорогущем, подаренном ей Онассисом спортивном «Maseratti Mistral». Всё чаще отказывалась от гастролей. И день ото дня всё более мрачнела.

Хотя бывали и просветления.

«Маленький ребёнок… — вспоминал знаменитый музыкальный критик Жорж Претр. — Она осталась ребёнком,

несмотря на мировую известность. Когда мы обедали в столовой, Мария смеялась каждой шутке. Она заливалась весёлым смехом, который было приятно слышать…»

5

Пресса того времени писала, что из тщеславия и по расчёту богатейший грек, который владел танкерным флотом, сравнимым с флотом нескольких крупных морских держав, и половиной игорного бизнеса в Монте-Карло, купил себе самую знаменитую женщину мира (имея в виду Жаклин Кеннеди).

Действительно, это было похоже на выгодную сделку: Онассис обеспечивал жене финансовую независимость и безопасность, она же вводила мужа в заоблачный высший свет Америки, так необходимый ему для бизнеса. Их брачный контракт, в котором насчитывалось 170 пунктов, соответствовал лучшим торгашеским канонам. Он, скорее, напоминал обычное фрахтовое соглашение, по которому судно предоставляется в пользование по колеблющимся в зависимости от сезона расценкам.

Десятого октября танкерный магнат надел на пальчик Жаклин вместо традиционного обручального колечка кольцо с громадным рубином в окружении алмазов. Тогда это великолепие стоило полтора миллиона долларов. По всем пунктам брачного контракта как-то сразу договорились (по крайней мере, прессе ничего не известно по поводу каких-то конфликтов и споров), и 20 октября 1968 года на острове Скорпиос 62-летний Онассис и 39-летняя Жаклин сочетались законным браком. В Нью-Йорке брак официально был провозглашён 17 октября 1968 года.

Точно Цезарь и Клеопатра (Аристотель любил исторические аналогии), молодожёны совершили свадебное путешествие на «Кристине О.» по Нилу.

Мадам Кеннеди-Онассис могла теперь всецело отдаться двум своим страстям, которые с возрастом, особенно после убийства мужа Джона Ф. Кеннеди, и смерти сына Патрика, прожившего всего два дня, терзали её всё больше: тотальному шопингу и украшению своего гнезда. Её одержимость не знала границ. Аристотель, ещё не подозревавший, с чем столкнулся, вначале даже поощрял жену, вручив ей целую пачку кредитных карточек. За время своего союза с Жаклин Аристотель подарил ей драгоценностей на много миллионов долларов.

Американский журналист Элист Фред Спаркс писал в журнале «Пари матч»:

«Греческий магнат-судовладелец и бывшая первая леди Америки ведут такой образ жизни, которому позавидовал бы сам „король-солнце“ (Людовик XIV). У них нет Версальского дворца. Но есть роскошные резиденции, где персонал готов принять их в любой момент: вилла в Монте-Карло, квартира в Париже, вилла в Глифаде в окрестностях Афин, гасиенда в Монтевидео, квартира Жаклин на Пятой авеню в Нью-Йорке, частный остров Скорпиос. Наконец, чета имеет ещё постоянные номера в отелях „Пьер“ в Нью-Йорке и „Кларидж“ в Лондоне. На каждой из этих квартир в распоряжении Онассиса имеется полный гардероб. Поэтому ему редко приходится укладывать свои чемоданы…»

Кто-кто, а Жаклин Кеннеди, вышедшая в 1968 году, вопреки возражениям своей матери и членов семьи Кеннеди, а также детей Онассиса Александра и Кристины, за греческого судовладельца, умела тратить деньги. Причём делала это вдохновенно.

Бывшая первая леди США, одевавшаяся в изысканные, но не баснословно дорогие платья и костюмы, попала в мир кричащей, вопиющей роскоши: частных самолётов (которые можно было вызывать в любое время суток), яхт, самых дорогих в мире напитков и кушаний… Она стала строить свой, иной мир, в то же время весело и виртуозно помогая мужу тратить его миллионы. (Благодаря Жаклин Кеннеди-Онассис, кстати, и родился тогда анекдот: «Может ли женщина сделать из мужчины миллионера?» — «Конечно! Если прежде он был миллиардером».)

Жаклин всё больше проникалась эдаким диссидентским по отношению к укладу жизни Аристотеля Онассиса духом. Совсем недавно она не хотела слышать об Америке, которую называла «страной убийц». Теперь же бо́льшую часть времени проводила в Нью-Йорке в роскошной квартире на Пятой авеню и купила себе не чопорный «Rolls-Roys», а шикарный, истинно американский по дизайну кабриолет «Cadillac De Ville Convertible». Она, кстати, всегда, как и большинство американцев, предпочитала «Cadillac» — самую престижную, буквально ставшую фетишем в Америке марку. В те годы к любым, даже самым шикарным европейским автомобилям в США относились свысока. Бытовала шутка: «„Rolls-Roys?“ Это всего лишь „Cadillac“, окончивший Оксфорд».

6

…Но кто же всё-таки организовал, проплатил убийство Джона Фицджералда Кеннеди и его брата? Кому это было выгодно?

Версий миллион — должно быть, ни одно другое заказное убийство в истории не породило такого количества версий. Позволим себе и мы поразмышлять на эту тему.

И тут мы неизбежно вступаем в область предположений и догадок.

Как известно, игорный бизнес чаще всего связан с криминалом, а при значительных масштабах — с мафией. По всей видимости, это и породило слухи о непосредственной причастности мультимиллиардера к деятельности мафии. Более того, ему приписывается руководство мафией (притом наднациональной, международной) — будто бы он, Аристотель Онассис, на самом деле и есть настоящий «крёстный отец», он в своё время занимался незаконной торговлей спиртным в промышленных масштабах, наркотиками, оружием чуть ли не всех видов, даже ракетами… И согласно этой версии, самое громкое убийство века — убийство президента США Джона Ф. Кеннеди и последующее умелое сокрытие следов этого убийства — дело его рук. Сегодня достоянием широкой гласности стал бывший ранее секретным «Джемстоун-файл», содержащий свыше тысячи страниц, который не только разоблачает его ключевую роль в мафиозных структурах, но и в мировой политике. Авторство этого документа приписывается американцу Брюсу Робертсу, участвовавшему в проекте создания искусственных рубинов для лазерного оружия, благодаря личным контактам получившему доступ к этой сверхсекретной информации.

Несмотря на возражения клана Кеннеди и недоумение всей Америки, Жаклин Кеннеди и Аристотель Онассис в 1968 году соединяют свои судьбы. Помимо взаимного влечения (что под большим вопросом), Жаклин нравилось, что в её распоряжение предоставлены танкеры, самолёты, деньги. Она стремится к финансовой самостоятельности и обеспеченности, которую ей может дать брак с богатейшим в ту пору человеком мира.

Онассису это позволяет ещё раз уверенно заявить о своей неслучайной принадлежности к мировой элите. Отражение многих звёзд первой величины, с которыми Аристотеля связывают весьма тесные отношения, превращает и его самого в звезду мировой элиты. Этот брак позволяет решить Онассису и некоторые стоящие перед ним практические задачи. Так, скажем, бывшее ранее для него недостижимым сотрудничество с американским алюминиевым гигантом АЛКОА тут же реализуется после его свадьбы с Жаклин.

Конечно, этот специфический брак по расчёту не отнесёшь к разряду счастливых или даже просто удачных. Каждый из

молодожёнов получил то, что хотел, и продолжал жить своей собственной жизнью.

Многие политические и общественные деятели, чтобы поддержать свой имидж или повысить популярность среди избирателей, прибегают к услугам политтехнологов-пиарщиков. Аристотель Онассис — не исключение. Когда ему одновременно приходится вести судебные дела по поводу своей деятельности в США, отстаивать арестованные в ходе конфликта с перуанским правительством суда, вести тяжелейшие переговоры о контрактах на нефтеперевозки с Саудовской Аравией, в печати начинают появляться не слишком лестные публикации, представляющие его в образе беспринципного финансового пирата, который с ранней молодости попирает права как частных лиц, так и целых государств. Чтобы сбить волну нежелательных публикаций, Онассис находит 35-летнего специалиста по пиару Нейлсона, которому удаётся организовать серию статей, представляющих Онассиса в выгодном свете. К числу его блестящих находок относится идея пригласить на суперъяхту представителей прессы, которые убеждаются, что никаких оргий, как утверждали «жёлтые» СМИ, там не устраивается, наоборот, «можно очень приятно и с большой пользой провести время в этом плавучем музее, а её хозяин своей деятельностью приносит обществу ощутимую пользу, о чём свидетельствуют хотя бы непрекращающиеся телефонные звонки со всего мира: из Новой Зеландии и Японии, Боливии и Канады, ЮАР и Марокко, острова Фиджи и даже Кубы: просят дорогие лекарства, инвалидные коляски, деньги — и всем Аристотель Онассис помогает…».

Лицо Онассиса как бизнесмена и общественного деятеля в глазах людей, казалось, спасено. Нейлсон, сумевший эффективно отстоять честь своего работодателя, становится его советником и консультантом по связям с общественностью, представляя его интересы даже в деловом мире. Но основные свои проблемы, связанные с постоянным ростом его социального статуса, Аристотель решает сам, находя и реализуя блестящие идеи.

Великолепно реализованной пиар-идеей становится его многолетняя дружба с живой легендой XX века Уинстоном Черчиллем, который много времени с явным удовольствием проводит на яхте «Кристина О.» — за мольбертом, за письменным или обеденным столом и непременно выпивает свою бутылку коньяку.

Ари купается в лучах славы великого политического деятеля, сопровождая его и становясь полноправным участником встреч и приёмов, устраиваемых в честь сэра Уинстона Леонарда Спенсера Черчилля. Когда по приглашению четы Черчилль он со своей

женой прибывает в Чартвелл, знаменитый замок лорда в графстве Кент, толпа встречает их криками, в которых имя Уинстона Черчилля перемежается с именем Аристотеля Онассиса…

7

Жаклин Кеннеди была умна, изящна, безупречно воспитана. Но было в ней что-то такое, что президент Шарль де Голль оценил одной лишь фразой во время знаменитого официального визита четы Кеннеди во Францию в 1962 году. Вот она, эта фраза: «Миссис Кеннеди слишком большая драгоценность даже для президента США!» Что можно услышать в тонком, изящном комплименте француза в адрес восхитившей его дамы? Настораживает слово «драгоценность». Холодный блеск алмаза или изумруда, лишь отражающих свет, но не греющих своим теплом. Кеннеди чувствовал это изнутри, и эмоциональная закрытость жены всегда его ощутимо ранила, хотя, как любой мужчина, а тем более — политик крупного масштаба, он часто сам избегал, сдерживал, стеснялся чувств. (Слёзы на глазах президента Америка увидела лишь один раз — когда умер его новорождённый сын — Патрик Бувье Кеннеди.)

Вскоре после достопамятного осеннего круиза с Онассисом Жаклин отправилась вместе с мужем в поездку по городам Техаса.

Двадцать первого ноября 1963 года они прибыли в Даллас. Провели там относительно спокойный вечер, готовясь к завтрашней встрече с губернатором и отдыхая после утомительного перелёта.

На следующий день, 22 ноября, с утра шёл дождь.

Потом выглянуло солнце и стало душно, как обычно после дождя. Президент уже вышел на улицу, чтобы общаться с собравшимися под окнами людьми, Жаклин всё ещё лишь готовилась к выходу. Наконец она появилась, тщательно причёсанная, в розовой шляпке и костюме от Шанель нежно-розового цвета с тёмно-синей оборкой по воротнику. Президентская чета села в открытый автомобиль — тёмно-синий «линкольн».

Кортеж медленно направился к площади Трейд-Маркет, где, как ожидалось, президент выступит с речью. По дороге автомобиль два раза останавливался: президент выходил из машины, чтобы приветствовать группу детей и большую группу монахинь — так как всегда с большим уважением относился к Церкви.

Толпы людей стояли на тротуарах, приветствуя президента и первую леди, кругом слышались только шум голосов и отдельные выкрики, неудивительно, что три выстрела в этом гаме и гуле походили на резкий трескучий звук. Никто ничего не понял. «Боже мой, в меня попала пуля!» — удивлённо воскликнул Джон Кеннеди, прижимая руки к горлу, и почти тотчас стал падать на колени жены.

Обезумев от ужаса, она увидела его залитую кровью голову и выбитые мозги.

В состоянии шока она попыталась вложить их обратно, плохо сознавая, что происходит: «Боже мой, что они делают!! Они убили президента! Они убили моего мужа! О Господи, Джон, Джон! Я люблю тебя!»

Это были последние слова, которые слышал Джон Кеннеди. Он впал в коматозное состояние, и хотя жизнь ещё теплилась в нём, когда его доставили в военный госпиталь Далласа, врачи уже не смогли ему ничем помочь.

Был также смертельно ранен губернатор Техаса Джон Конелли. Люди рыдали прямо на улицах или опускались на колени в уличную пыль, чтобы молиться. Америка погрузилась в шок.

Состояние Жаклин в те минуты с трудом поддаётся описанию. Она не хотела расстаться с мужем ни на секунду. Вся её одежда была залита кровью и мозгом Джона. Но она, закрыв голову Кеннеди пиджаком охранника, шла рядом с носилками, держась за ещё тёплую руку мужа. Когда приглашённый врачами прямо в операционную священник стал совершать необходимый обряд отпевания, она встала на колени прямо в лужу крови, что текла из разбитой головы президента, и стала молиться. Она и не заметила, что стоит в крови.

Когда привезли бронзовый гроб, то хотели вывести вдову в другую комнату, чтобы не слишком травмировать её скорбным трагическим зрелищем, но она отказалась: «Они убили его на моих глазах. Я вся в его крови. Неужели есть что-то ещё страшнее этого?! Я не уйду». Она положила в руку мужа своё обручальное кольцо. Потом кто-то из охраны почтительно вернул ей его. Присягу новому президенту страны Линдону Джонсону Жаклин принимала, стоя рядом с ним, всё в том же окровавленном костюме.

Её с трудом заставили переодеться лишь через несколько дней. Спать она не могла. Плакать — тоже. В остальном была неузнаваема: сдержанная, собранная, волевая, без капризов и истерик. Во время обряда похорон, которые продумала сама, до мельчайших подробностей — вплоть до церемонии зажжения

Вечного огня около могилы президента — она наклонилась к стоящему рядом с ней сынишке и тихо сказала: «Я хочу, чтобы ты попрощался с отцом, Джон». Двухлетний ребёнок тихо кивнул и по-военному отдал салют катафалку, на котором стоял гроб с телом его отца.

После похорон, по возвращении с Арлингтонского кладбища, Жаклин дала большой обед для всех глав государств, приехавших на похороны. А позже призналась одному из секретарей, помогавшему ей укладывать вещи для переезда: «Знаете, иногда утром я просыпаюсь и хочу сказать Джону что-нибудь. Протягиваю руку, а его нет рядом со мной». Растерянного секретаря потрясло это безыскусное выражение скорби и любви. «Я — кровоточащая рана, — говорила она. — Я полностью истощена. Моя жизнь кончена. Иногда у меня не хватает сил, чтобы встать с постели!»

Жаклин и Этель, жена Роберта Кеннеди, стали активно помогать брату Джона в начавшейся предвыборной кампании, сопровождали в поездках, присутствовали на больших встречах. В народе даже поговаривали о романе между генеральным прокурором Робертом Кеннеди и легендарной вдовой-свояченицей. Жаклин с негодованием опровергала все сплетни, но относилась к Роберту с трепетом, ловя каждый его жест, каждую фразу, каждую интонацию… И он во время выступлений засматривался на неё. Может, он просто напоминал ей мужа Джона? А может, между ними и существовала искра взаимного притяжения?

Но 5 июня 1968 года Роберт Ф. Кеннеди был смертельно ранен в отеле «Амбассадор», в Лос-Анджелесе, через несколько минут после того, как победил на первичных выборах лидера демократической партии в Калифорнии, в присутствии своей беременной жены и толпы народа.

Иногда, рыдая, Жаклин Кеннеди говорила преданной секретарше и своей сестре Ли, что ненавидит «эту чёртову Америку, убивающую своих лучших людей, что когда-нибудь эта страна убьёт и её саму, и её детей!».

Жаклин напивалась, иногда до бесчувствия, несколько раз её видели очень пьяной в шикарных ресторанах. Она по-прежнему была самой популярной и любимой женщиной в Америке. Поэтому её знакомство, неожиданная помолвка с Аристотелем Онассисом, а затем и свадьба стали международным скандалом. Американцы были шокированы и не могли принять такого вопиющего мезальянса. Онассиса в открытую называли «международным пиратом, нажившим состояние на грязных сделках по продаже оружия, наркотиков и нефти», и мыслимо ли

было миру представить рядом с именем Онассиса другое, священное или почти священное для американцев имя?! Жаклин стали обвинять во всех смертных грехах, презирать, подвергать остракизму, называли самой дорогой проституткой в мире… Газеты вопили: «Джон Кеннеди умер вторично!»

Существует и ещё одна версия убийства президента. Её автор — Брюс Робертс. Впервые собранное им досье было опубликовано в 1975 году журналисткой Стефани Каруна. Согласно этой версии, Онассис действительно был главой мафиозного клана и в 1932 году заключил сделку о контрабанде запрещённых товаров в Америку с тремя бизнесменами, одним из которых был Джозеф Кеннеди, отец будущего президента США. В 1962 году во время Карибского кризиса Онассис пытался спасти остатки своей недвижимости на Кубе — ему якобы принадлежало несколько роскошных гаванских отелей…

Закон мафии: если тебя кто-то обманул, убей его и возьми его оружие и жену. Так и поступил Аристотель Онассис.

8

По мнению известного американского актёра Роберта Вогна, высказанному на страницах *The Daily Mail,* Роберта Кеннеди убили по заказу Аристотеля Онассиса. Заявления актёра основаны на личном расследовании, в ходе которого он изучал документы, опрашивал свидетелей и консультировался с экспертами. Значительное место в аргументации Вогна занимают материалы расследования журналиста Питера Эванса, опубликованные в 2004 году в книге «Немезида».

По официальной версии, Роберт Кеннеди стал жертвой убийцы-одиночки, палестинского беженца Серхана Серхана, до сих пор отбывающего пожизненное заключение в одной из американских тюрем. Эту версию Вогн считает несостоятельной и доказательно опровергает. Он убеждён, что убийц было как минимум двое, причём Серхан в момент преступления находился под гипнозом. Смертельное ранение Роберт Кеннеди получил в результате выстрела в затылок в упор, однако Серхан, согласно показаниям свидетелей, стрелял спереди и с расстояния минимум в полтора фута. Это подтверждается результатами баллистической экспертизы. Криминалисты установили, что на месте преступления было сделано по меньшей мере 12 выстрелов, а магазин изъятого у Серхана пистолета вмещал лишь восемь патронов. Боеприпасы того же калибра использовал охранник

Кеннеди, в роковой момент находившийся за спиной у политика. Так или иначе, но даже те, кто считает исполнителем убийства Серхана, осознают, что он не мог в одиночку спланировать и подготовить это преступление. Вогн убеждён, что за убийством Роберта Кеннеди стоял Аристотель Онассис, у которого было, мягко говоря, несколько причин недолюбливать американского политика.

Во-первых, в 1953 году Роберт Кеннеди стал работать в аппарате сенатора Джозефа Маккарти и ему поручили отслеживать случаи так называемой «кровавой торговли» американских союзников с красным Китаем. Будущий министр юстиции установил, что этим промышляют представители греческой диаспоры Нью-Йорка. Хотя ни одно судно Аристотеля Онассиса в скандале якобы замешано не было, чуть позже всплыла информация о сепаратных секретных переговорах Онассиса с Саудовской Аравией, в результате чего был выдан ордер на арест любого принадлежащего ему судна, если оно зайдёт в американский порт.

Была причина и личного характера. Вскоре после прихода к власти Джона Кеннеди у Онассиса, как уже говорилось, завязался роман с сестрой его жены — Ли Радзивилл, а после убийства президента (или незадолго до оного) — и с самой Джеки. В 1968 году состоялось их бракосочетание. Роберт Кеннеди по понятным причинам был этой связью крайне недоволен.

Окончательный замысел убрать Кеннеди-младшего возник, был проработан во всех мельчайших деталях и утверждён в начале 1968 года, после встречи Онассиса с последователем Ясира Арафата Махмудом Хамшари, стремившимся нанести удар по союзу США с Израилем. Наиболее значительный личный вклад Вогна в расследование убийства Кеннеди — интервью, взятое осенью 2007 года у Элен Гейе, работавшей в своё время фотографом газеты «Нью-Йорк таймс» и журнала «Нью-Йорк».

Гейе познакомилась с Аристотелем Онассисом в начале 1970-х, а в 1973 году он пригласил её погостить на своей яхте, где у них случился скоротечный роман.

В доверительной беседе греческий магнат с «живой и глубокой ненавистью» отзывался о Роберте Кеннеди, а потом, изысканно лаская любовницу, «с неизменной улыбкой, просто и внятно произнёс: „Знаешь, милая Элен, это я дал деньги на убийство Бобби Кеннеди“».

В 1966 году 43-летняя Мария Каллас забеременела, у неё появилась последняя надежда стать матерью. Она это очень переживала, готовилась, покупала пелёнки-распашонки и считала каждый день, каждый час. У неё то и дело подскакивало кровяное давление. Опять всё время хотелось есть — и она ничего не могла с собой поделать.

Но Онассис неожиданно заявил, что не хочет иметь детей от Марии, что у него уже есть двое. Мария была оскорблена, раздавлена, уничтожена, — но ей пришлось сделать аборт чуть ли не на седьмом месяце, потому что больше всего на свете она страшилась потерять своего Аристотеля.

Зимой 1967 года Онассис часто бывал в Америке и, как уверяют, готовил там военный переворот в Греции, выгодный крупному бизнесу. А в 1968-м, когда был устранён и Роберт Кеннеди, всего через четыре недели Онассис сообщил Марии через курьера, что женился на Жаклин Кеннеди.

В 1970 году за фотографию обнажённой Жаклин Онассис знаменитый папарацци Рон Галелла получил 1 миллион 200 тысяч долларов.

Надев сомбреро, наклеив чёрные усы с проседью, спрятав фотоаппарат в тачку с дёрном, Рон пробрался на один из островов Аристотеля Онассиса и, приблизившись, фотографировал обнажённую Джеки во всевозможных позах, пока его не схватили. Одну из плёнок в кофре так и не нашли.

В том же году фотографии обнажённой Жаклин Кеннеди-Онассис были опубликованы в порнографическом журнале *Hustler,* что многократно увеличило его тираж.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ, в которой рассказывается о том, как спонсируются путчи

1

В ночь (чёрные дела испокон веков творились под покровом ночи, как пишут в романах, хотя самые страшные преступления перед человечностью и человечеством совершаются в любое время суток) на 21 апреля 1967 года в Греции произошёл государственный переворот. К власти пришла военная хунта.

Несмотря на первоначальный успех путчистов, положение их на политическом ринге некоторое время оставалось нестабильным, а порой угрожающим (могли и казнить сгоряча). Социальная база диктатуры «чёрных полковников» оказалась чрезвычайно узкой, шаткой и неустойчивой. Их отвергали и левые, и центристы, с ними не пожелали сотрудничать и правые политические деятели из партии ЭРЭ (Национальный радикальный союз), которая в момент переворота находилась у власти. Даже королевский двор, испокон веков считавшийся средоточием и оплотом реакционных сил, счёл для себя невозможным освятить авторитетом трона действия хунты.

В этой сложнейшей для «чёрных полковников» ситуации, когда вокруг образовался очевидный общественно-политический вакуум, их — неожиданно для них самих — публично и очень весомо поддержал крупный греческий бизнес — в первую очередь Аристотель Онассис, Ставрос Ниархос, Паппас и К°. «Греческие миллиардеры-судовладельцы и военные правители страны, — свидетельствовал гамбургский журнал *Der Spiegel,* — стали сообщниками, вступив в союз во имя максимальной выгоды».

Но контуры союза — об этом знали лишь немногие посвящённые — наметились задолго до переворота. Крупный греческий капитал был обеспокоен тенденциями к демократизации, очевидным ростом влияния, усилением левых сил. И с точки зрения Онассиса, например, ни королевский двор, ни традиционно правые политические группировки не смогли бы изменить нежелательный, а точнее сказать, опасный ход событий. Грядущие парламентские выборы, что становилось всё более и более очевидным, должны были принести убедительную победу левым и центру, и поэтому правительство «твёрдой руки» в виде открытой военной диктатуры казалось единственным гарантом сохранения относительного спокойствия в обществе и вообще

спасением (уже отчётливо слышны были революционно-анархические лозунги «Долой! Мир хижинам, война дворцам!», тут и там постреливали, раздавались взрывы).

Соперничество «породнившихся» миллиардеров — Онассиса и Ниархоса — приобрело к тому времени неистовый характер. Но в западных СМИ схватка двух титанов капиталистического мира представлялась чаще как дуэль, как единоборство гениев делового мира, которые, соревнуясь между собой, двигают и весь прогресс мирового судостроения и вообще чуть ли не всего бизнеса. Лондонская газета *The Observer,* посвятившая несколько разворотов прославлению деловой хватки, умению мгновенно чувствовать тренды, объективно видеть и оценивать всю мировую конъюнктуру, несомненным талантам, если не гениям глобального бизнеса — Онассису и Ниархосу, — выдала такую сентенцию: «…Онассис и Ниархос могли бы пойти далеко как партнёры. Но всё же не так далеко как соперники». Имелось в виду, что именно честолюбие и жесточайшая капиталистическая конкуренция побуждают каждого из них «выкладываться по полной», что в конечном счёте становится благом для всего человечества.

(Напомним, что всю жизнь они «нежно» любили друг друга — были непримиримыми соперниками, готовыми перегрызть друг другу горло. И тот и другой приобретают в разных частях света роскошные дворцы, резиденции, перекупая их у царственных особ. Ниархос первым становится владельцем острова Спетсопула в Эгейском море, и Онассиса задевает вопрос его маленькой дочурки Кристины: «Папа, а почему мы не покупаем остров, как дядя Ставрос?» Аристо тут же нагоняет конкурента, приобретя остров Скорпиос, на котором прокладываются бетонные дороги, строится порт и роскошный дворец, разбиваются рощи и цветники. Правда, выясняется досадная деталь — на острове не оказалось пресной воды. Но Онассиса это не расстраивает: он отдаёт приказ возить питьевую воду с материка на танкерах. И Ниархос, и Онассис почти одновременно покупают персональные реактивные самолёты, тем самым приобщаясь к «реактивному клубу» — так на Западе именуется круг людей, в то время ещё крайне узкий, которые пользуются собственными реактивными самолётами… И так далее и тому подобное.)

После апрельского путча в Греции почти синхронно свояки пытаются — и успешно! — завладеть наиболее доходными отраслями экономики страны. Так как союз был заключён «во имя максимальной выгоды», то в этом Онассису и Ниархосу всячески способствуют «чёрные полковники» (на самом деле — тёмные, необразованные, наивные люди). Одним из первых

законодательных актов нового греческого режима стало освобождение «от любых налогов всех строящихся в Греции, а также плавающих под греческим флагом судов» — большой подарок судовладельцам-своякам. Прежде Онассис, например, предпочитал греческому красно-белый со звездой либерийский флаг и прочие «флаги удобств».

На третий день медового месяца, который они с Джеки проводили на «Кристине О.», Онассиса пригласили в Афины на срочную встречу с главой хунты Пападопулосом. Миллиардер, проигнорировав приглашение (выжидал), купался в своём бассейне, попивал коктейли и загорал. Через несколько дней последовал новый, более настойчивый вызов в столицу. На этот раз Аристотель с видимой неохотой, но полетел.

И вскоре в правительственных кругах объявили, что достигнуто соглашение, по которому Онассис вкладывает в греческую экономику более полумиллиарда долларов. Они пойдут, в частности, на сооружение нефтеперегонного завода мощностью около семи миллионов тонн, завода по производству глинозема (500 тысяч тонн в год), алюминиевого завода (120 тысяч тонн в год), различных смежных предприятий химического профиля, использующих побочные продукты переработки нефти, мошной электростанции для питания всего этого индустриального комплекса, сети отелей, кемпингов, спортивных баз для обслуживания туристов…

В ходе последующих продолжительных переговоров сумма онассисовских инвестиций возросла до 600 миллионов долларов. Аристотель согласился взять государственный нефтеперегонный завод в Аспропиргосе близ Афин, построить судостроительную верфь на острове Крит… Летом 1972 года вместе с богатейшим греческим предпринимателем Андреадисом они начали строить метрополитен в столице, а также расширять свои судоремонтные предприятия, чтобы обеспечивать корабли 6-го флота США, базирующиеся в Пирее.

Среди прочих условий, поставленных Онассисом хунте, было и такое: запланированное увеличение мощности государственного нефтеперерабатывающего завода до 3,2 миллиона тонн в год должно быть ограничено 2,5 миллиона. Разница в 700 тысяч тонн — это как раз то количество сырой нефти, которой не хватает для полной загрузки его собственному заводу. «Чёрные полковники» без возражений и лишних споров согласились. Они вообще во всём соглашались со своим благодетелем.

А одно из самых крупных достижений Аристотеля Онассиса — монополия на поставку в Грецию в течение 1970-х годов около

100 миллионов тонн сырой нефти. Причём судовладелец впервые за свою карьеру сам получал права на покупку нефти у её производителей, поставку на своих танкерах в Грецию, переработку на своих же предприятиях и продажу бензина, смазочных масел и других конечных продуктов переработки через собственную сбытовую сеть. Таким образом, в его руках оказываются самые прибыльные этапы цикла: переработка и сбыт нефтепродуктов. Ведущие экономические газеты США писали тогда, что представляющаяся возможность перерабатывать и продавать собственную нефть в немалой степени предопределила интерес Онассиса к подземным сокровищам Прудхо Бэй на Аляске и к другим «чёрным клондайкам».

2

Но тут сказал своё «золотое» слово и Ниархос.

Шестнадцатого июня 1970 года в официальном правительственном вестнике появилось сообщение, что соперник Онассиса возлагает на алтарь поддержки хунты 200 миллионов долларов. Из них 65 миллионов — на расширение верфи в Скараманге и несколько десятков миллионов на строительство завода по производству смазочных масел. И всё это тоже на самых льготных условиях.

Судовладельцы забывают о соперничестве, когда нужно вырвать у греческого правительства новые льготы и уступки. Весной 1971 года Онассис и Ниархос предъявили хунте нечто вроде совместного ультиматума. Ссылаясь на общее ухудшение экономической конъюнктуры, в частности на увеличение установочных цен на сырую нефть, которого добились нефтедобывающие арабские страны, оба миллиардера потребовали пересмотреть некоторые уже подписанные ранее разделы соглашений с ними. (Речь шла о ещё более выгодных для них условиях.)

Представители правительства было заупрямились, но Онассис и Ниархос сразу показали клыки, заявив, что вообще отказываются от сделки. Хунта немедленно капитулировала. «Их алчность, — писала об Онассисе, Ниархосе и других магнатах-судовладельцах на страницах журнала *Der Spiegel* Хелена Влаху, известная греческая журналистка и издатель, — возросла ещё больше благодаря крупной „распродаже“, которую устроила хунта. Греция продаётся по дешёвке. Небывалые возможности для бизнеса открываются в обмен на дружеское похлопывание по плечу, украшенному полковничьими погонами».

Будто о нас, о России в лихие 1990-е, не правда ли?

Итак, диктатура получила необходимый для укрепления режима капитал. 800 миллионов долларов, выложенных двумя мультимиллионерами, — это годовой товарооборот Греции со странами Общего рынка. Никогда ещё в истории греческой экономики не делалось единовременно столь крупных инвестиций.

Но дело не только в обилии долларов, нежданно-негаданно пополнивших тощую государственную казну. Онассис и Ниархос, крупнейшие международные авантюристы, рассматриваются афинскими полковниками как важные посредники для связей с западноевропейскими и американскими концернами. Едва согласившись участвовать во «вливаниях» в греческую экономику, Онассис известил, что привлекает капиталы из американских источников. Скоро стало известно, что АЛКОА будет финансировать и возьмёт ряд подрядных работ по строительству алюминиевого комбината. Летом 1971 года в печати появились сообщения о планах создания в Греции большого авиационного комплекса для выпуска истребителей-бомбардировщиков типа «мираж», а также технического обслуживания натовских военных самолётов американского производства.

По инициативе Онассиса был создан консорциум, в который наряду с его *Olympic Airways* вошли две гигантские военные авиакорпорации: американская «Локхид эйркрафт корпорейшн» и французская «Авион Марсель Дассо». За такое посредничество «полковники» платили самые высокие комиссионные в виде сверхприбыльных контрактов и освобождения от налогов. Сначала отменили налог на суда, потом пошли дальше: вообще избавили меценатов хунты от необходимости платить какие-либо налоги. Афинские власти выпустили официальный трёхтомный «Каталог налогоплательщиков». В этом гроссбухе в алфавитном порядке перечислены фамилии и доходы полумиллиона греков. Но тщетно было бы искать здесь имена Онассиса, Ниархоса и других магнатов. (Как только глава греческого правительства Андреас Папандреу вознамерился лишить компании Аристотеля Онассиса налоговых льгот, он немедленно был арестован.)

Нигде и ни в чём не обходила хунта заботами своих верных и дорогих (в буквальном смысле слова) судовладельцев. Когда против Ниархоса возбудили дело в связи с загадочной смертью его жены Евгении, вмешались высшие должностные лица и сделали всё, чтобы заглушить в зародыше разгоравшийся скандал. Не дали они в обиду и своего Аристотеля Онассиса, которого бывший руководитель ведомства гражданской авиации генерал Дукас обвинил в коррупции и личном обогащении за счёт

государства. В греческой печати об этом процессе даже не упомянули. Указания со стороны тайной полиции были столь же категоричны, сколь и лаконичны: ни строчки, когда речь идёт об «интересах нации».

Между тем в зале суда происходили любопытные вещи. Генерал Дукас, представив подробное досье о злоупотреблениях Онассиса в *Olympic Airways*, предложил лишить его прав на эту авиакомпанию. За спиной отставного генерала, обвинения которого сами по себе были совершенно справедливы, маячила тень Ниархоса, давно мечтавшего прибрать к рукам *Olympic Airways*. Поначалу суд пытался разобраться в этом запутанном деле, где фактически один международный супермошенник выступал против другого. Но когда «назойливость» председателя, задававшего, по мнению Онассиса, слишком много вопросов, надоела дельцу, он, отбросив дипломатию, раздраженно заявил: «Караманлис (бывший премьер-министр Греции. — *С. М.)* изменил в мою пользу десять пунктов контракта и дал мне сто миллионов долларов. Дукас называет это коррупцией. Но если это была коррупция, то что же сделал господин Пападопулос, который изменил в мою пользу сорок пунктов и дал мне сто шестьдесят миллионов долларов?» После этой тирады испуганный председатель срочно объявил перерыв. А на следующий день генерал Дукас публично признал необоснованность своих обвинений. Суду не оставалось ничего другого, как прекратить разбирательство — председатель с явным облегчением объявил об окончании дела.

3

И ещё один небольшой штрих, придающий определённую эмоциональную окраску взаимоотношениям Аристотеля Онассиса с хунтой. В начале 1970 года «чёрные полковники» под давлением мирового общественного мнения были вынуждены выпустить из тюрьмы всемирно известного композитора, автора сиртаки (пожалуй, даже более известной в мире мелодии, чем имя Онассиса), до этого многократно сидевшего за решёткой, — Микиса Теодоракиса (за него заступились всемирно известные деятели культуры, в частности Д. Шостакович, А. Миллер, Л. Бернстайн, Г. Белафонте и многие другие). Французский политический деятель Серван-Шрейбер распространил версию, будто бы Аристотель Онассис наряду с некоторыми другими видными греческими предпринимателями нажал на правительство в целях освобождения политических заключённых,

в частности — Микиса Теодоракиса.

И тогда Онассиса покинуло его неизменное чувство юмора — он не на шутку вознегодовал. Обычно на просьбы дать интервью он отвечал, что его время стоит слишком дорого, чтобы можно было его расходовать столь непроизводительным образом. Теперь же он сам вызвался дать интервью близкой к правительству газете «Элефтерос козмос». Якобы оскорблённый в лучших (по отношению к «чёрным полковникам») чувствах миллиардер категорически заявил, что ни он, ни его жена Жаклин не имели никакого отношения к освобождению «этого музыканта» Теодоракиса. Более того, по словам Онассиса, он был возмущён, когда Серван-Шрейбер в беседе с ним поднял вопрос об освобождении политических узников режима. «Когда свобода и независимость нации находятся в опасности, — патетически воскликнул Аристотель Сократес Онассис, — можно пожертвовать некоторыми личными свободами!»

Тяжбы с американским правосудием по поводу незаконных покупок кораблей, десятки миллионов штрафов и компенсаций, фантастические взятки и подкупы, обманы и фальсификации, моментальная смена флагов и портов приписки кораблей флота Онассиса, контрабанда оружия и наркотиков, жесточайшая борьба за нефть Ближнего Востока, исчезающие подписи танкерного короля на векселях-обязательствах о вознаграждении должностных лиц за усилия и хлопоты в подписании нужных ему договоров на астрономические суммы, подозрения в организациях убийств самых известных в мире политиков, огромная когорта великолепных адвокатов и юристов, защищающая его интересы, — всё это превратило Аристотеля уже не в акулу, а в монстра мирового бизнеса.

Специально для перевозки саудовской нефти он создаёт новую компанию «Сауди-Арабиен маритим танкер компани», которая готовится к осуществлению широкомасштабных перевозок. Однако здесь интересы Онассиса вступают в противоречие с интересами крупнейших в мире производителей нефти и прежде всего с всесильной АРАМКО, хозяева которой являются одновременно и членами Международного нефтяного картеля, контролировавшего переработку и сбыт нефти. Ведь АРАМКО, имеющая к тому же собственный танкерный флот, не только осуществляет нефтеперевозки, но и контролирует добычу нефти на Аравийском полуострове. Акции этой компании принадлежат таким китам делового мира, как «Стандард ойл», «Стандард ойл оф Калифорния», «Тексако», «Мобил ойл».

Безусловно, единоборство с такими гигантами было смертельно опасно. Однако Аристотель Онассис, поразмыслив,

принимает решение всё-таки вступить в эту схватку, получившую впоследствии название «схватка гигантов». Это решение, несомненно, носило стратегический характер: последствия его, как в случае неудачи, так и в случае удачи, могли иметь необратимый характер. Ответные шаги могущественнейшей АРАМ КО не заставили себя ждать. Танкерному флоту Онассиса объявляется бойкот. Все его многочисленные компании лишаются контрактов. Ведь в руках владельцев АРАМКО полный цикл: и добыча, и переработка, и сбыт, и перевозка нефти. За ними жизненные интересы США! Ответным шагом Онассиса стало неожиданное признание им своей вины перед нефтяными гигантами и возмещение понесённых ими убытков, а они были немалыми. Но и нефтяные гиганты не могли, в свою очередь, не признать всё возрастающего влияния Ари. Он был прощён, и взаимовыгодное сотрудничество продолжилось. Статус-кво был восстановлен.

Однако Онассис не примиряется со своим, пусть и не повлекшим ощутимых потерь, поражением. И когда вскоре в Цюрихе в судебных инстанциях начинают рассматриваться отношения между АРАМКО и Саудовской Аравией, он после тщательных консультаций с юристами предпринимает ход, реализуя новую блестящую идею. Он ставит в известность представителей АРАМКО, что устроенный ею бойкот является нарушением антитрестовского законодательства и компании может грозить тройное возмещение ущерба, который Онассис оценивает более чем в 500 миллионов долларов. Возможная потеря двух миллиардов долларов — серьёзный аргумент даже для АРАМКО. Между АРАМКО и Онассисом достигаются полное взаимопонимание и дружеские отношения (к изумлению остального нефтяного мира).

Онассис выиграл эту «схватку гигантов». Проблема заказов для его танкерного флота была решена.

4

Безусловно, управление гигантской бизнес-империей Онассиса в начальный период своего существования базировалось на аналитических способностях самого Ари: его феноменальной памяти, умении вести дела. Однако вскоре масштабы его разрастающегося бизнеса сделали затруднительным и явно недостаточным непосредственное личное управление пусть не всеми, а лишь самыми важными направлениями. Поэтому Аристотель Онассис приводит систему управления своим

бизнесом в соответствие с современными управленческими технологиями. Отслеживается рыночная конъюнктура, разрабатываются прогнозы, готовятся аналитические справки и отчёты. При этом его менеджеры учатся самую важную информацию выражать лаконично, учитывая ограниченность времени своего босса, умещая её на одной страничке печатного текста. Сложные управленческие ситуации моделируются, при подготовке решения проигрываются различные альтернативные варианты и отбирается наиболее предпочтительный, с наименьшими затратами ведущий к цели. Умело используются эксперты.

Но самой эффективной управленческой технологией остаётся всё-таки непревзойдённое искусство Онассиса договариваться и находить решения, приводящие к успеху, казалось бы, в самых безнадёжных ситуациях.

Постепенно в руках Аристотеля Онассиса скапливается колоссальный управленческий потенциал. Его бизнес распространяется на многие сферы деятельности, захватывая, помимо танкерного флота, и судостроительные верфи, и алмазные копи, и добычу нефти, и многие другие области деятельности…

Режим «чёрных полковников» открывает перед ним широкое поле инвестиционной деятельности. Он строит нефтеперерабатывающие заводы, крупный алюминиевый завод, электростанцию, предприятия химического профиля, отели, кемпинги, объекты спортивного назначения… С правительством ЮАР он заключает выгодный контракт на разведку нефти в Намибии. Осуществляет крупные нефтеперевозки по договорённостям с правительством Израиля. Успешно сотрудничает он и с крупнейшими американскими корпорациями, такими как алюминиевый гигант АЛКОА и «Локхид эйркрафт корпорейшн», с ведущими компаниями Уолл-стрит, не говоря уже о бизнесе морских перевозок нефти.

Напомним космополитическое кредо Онассиса: «Как грек я принадлежу Западу. Как судовладелец — капитализму. Моя любимая страна та, которая предоставляет мне максимальную налоговую неприкосновенность, навязывает наименьшие финансовые ограничения».

Но Её Величество Удача — до того верная подруга, вечная его спутница — отвернётся от него…

Шёл ливень. Сверкали молнии. Громыхал гром.

Вымокший до нитки, стремглав спустившись, а точнее слетев, чудом не переломав ноги на мокрых, ржавых, кое-где уже обломившихся ступенях-прутьях пожарной лестницы, с крыши Дворца бракосочетания, я обежал дом вокруг, но не по часовой стрелке, а против оной, смекнув, что молодые расписались и уже отъезжают. Надежда оправдалась. Появившись оттуда, откуда не ждали, я застал их в тот самый момент, когда Кристина, подобрав, а точнее, задрав прилипшее к телу платье, садилась в «Волгу» Каузова. Наши взгляды встретились, и мне даже показалось, что она улыбнулась. Вытерев фотоаппарат от дождя, я успел сделать несколько кадров до того, как меня заблокировали вместе с другими журналистами (некоторые из которых от бессилия просто плакали и умоляли меня продать «хотя бы один удачный кадр за любые деньги»). Проявив плёнку, рассмотрев, что, во-первых, Кристина оказалась хорошенькой — мокрые волосы, огромные тёмные выразительные глаза, красивые чувственные губы, и, во-вторых, что, скорее всего, явилась она на свадьбу без трусиков, я всерьёз задумался над тем, не предложить ли пару самых откровенных кадров Ларри Флинту и сколько его *Hustler* способен заплатить? Но не рискнул.

Потом я полетел в Одессу, где, по информации корреспондента западногерманского журнала «Шпигель» Норберта Кухинке (снявшегося, кстати, в кинофильме «Осенний марафон»), молодые должны были обвенчаться, и ждал их в гостинице «Лондонская», но не дождался. Потом — в Иркутск на Байкал (благо можно было взять командировку по какому-то другому поводу, а авиабилеты были изумительно дёшевы), где молодые должны были провести медовый месяц, но не нашёл их там — Байкал оказался слишком большим…

После медового месяца молодые поселились в стандартной двухкомнатной квартире Каузова в Москве. «Да, это был не Зимний дворец», — признавалась потом Кристина своим друзьям. Она купила два этажа в одном из зданий в центре Москвы и готова была оплатить городским властям перенос проходящей рядом с домом трамвайной линии в другое место: миллиардершу раздражали шум и грохот трамваев. Однако линию оставили на прежнем месте, а Кристина вскоре улетела домой.

Сергей последовал за ней. Одно время они жили то в Париже, то по всему миру (останавливаясь в президентских сьютах лучших гостиниц, словно повторяя медовый месяц), то отдыхали на семейном острове Скорпиос…

Совет директоров компании, принадлежавшей Кристине, воспротивился тому, чтобы Каузов на правах мужа вошёл в святая

святых империи Онассиса — в этот совет «посвящённых». Поэтому Кристина смогла лишь открыть на его имя банковский счёт на три миллиона долларов. Каузов начал работать в парижской конторе её фирмы в качестве топ-менеджера.

О встрече с ними рассказал потом работавший тогда в советском консульстве во Франции Вадим Мельников. Сергей и Кристина пришли к нему как-то по консульским вопросам, а потом пригласили его к себе на ужин (Мельникову пришлось «согласовывать» этот вопрос с Москвой). Кристина показалась ему «простой, весёлой и обаятельной женщиной. Оказалось, что она совершенно не пьёт спиртного».

«Почему его исключили из партии? — возмущалась Кристина во время ужина, имея в виду своего мужа. — Ведь он же — самый коммунистический коммунист!»

В ответ на это Мельников смущённо пытался объяснить, что никто Каузова из партии не исключал, просто при загранпоездках все члены КПСС обязаны сдавать партбилеты в ЦК.

Чем же всё-таки был этот невероятный брак: искренним увлечением двух уже опытных граждан или спланированной операцией КГБ, решившего «забрать» танкерный флот Онассиса? Ответ на этот вопрос мы, наверное, не узнаем уже никогда.

Прожили они вместе менее двух лет. Оставшись после развода на Западе, Сергей Данилович навсегда поселился в Лондоне и женился в третий раз. На этот раз на англичанке Алисон Харкес, бывшей любовнице министра обороны Великобритании. Алисон родила ему дочь.

Есть и документы, которые прямо подтверждают версию о том, что брак Каузова с Кристиной Онассис использовался КГБ. В те годы, когда раскрылись тайные архивы ЦК КПСС, в печать попала совершенно секретная записка главы КГБ Виктора Чебрикова Михаилу Горбачёву, в которой он давал генсеку отчёт о некоторых тайных операциях за рубежом.

«Используя финансовую помощь и влияние К. Онассис, — докладывал Чебриков, — С. Д. Каузов основал несколько собственных компаний, получив в собственность полностью или частично десять судов, сконцентрировал в своих руках капитал в 25 миллионов долларов, из которых три миллиона он положил на счета в швейцарских и лондонских банках. Начиная с июля 1982 года С. Д. Каузов в соответствии с заключённым с ним соглашением перевёл крупную сумму в валюте в качестве своего партийного вклада, что позволило ему остаться в рядах КПСС. К настоящему времени он перевёл 450 тысяч долларов. Последний вклад в размере 100 тысяч долларов был сделан в апреле нынешнего года».

Факт такой операции подтвердил и бывший заместитель резидента КГБ в Афинах Виктор Гундарев, сбежавший на Запад. Выступая на конференции в Вашингтоне, перебежчик, перечисляя тайные операции КГБ в Греции, упомянул, в частности, и «манипуляцию с браком С. Каузова с Кристиной Онассис с целью использовать огромный флот Онассисов».

После развода Кристина подарила Сергею два, а по другой версии, три или четыре танкера. Каузов ещё в советские времена перебрался в Лондон, стал весьма состоятельным человеком, до конца 1980-х работал в фирме *Interoceanic factore agency Inc.,* входящей в группу компаний Кристины. Его мать, Мария Сергеевна, продала свою квартиру на Мосфильмовской и уехала во Францию.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ, в которой слышно, как стучится Судьба

1

Уинстон Черчилль имел обыкновение по нескольку недель и даже месяцев проводить на «Кристине» (утверждал, что морской воздух «продлевает жизнь»).

Один из биографов Онассиса, Фрэнк Бреди, писал, что король судовладельцев не раз яростно нападал на Черчилля, этого апостола антисоветской политики. В основном за то, что, по его мнению, на Ялтинской конференции, состоявшейся в заключительный период Второй мировой войны, он не вынудил Рузвельта занять более жёсткую позицию по отношению к Советскому Союзу. (За годы дружбы с Черчиллем Онассис стал настоящим знатоком английской деловой и внешней политики и секретных политических и личных связей, влиявших на английские интересы и интересы международных монополий.) Нередко живал на «Кристине О.» и Аденауэр, боннский канцлер, который окончательно поставил на якорь Западную Германию в американском порту и за время правления которого в ней наиболее отчётливо расцвела в международных масштабах деятельность возрождавшихся западногерманских трестов.

На палубе этого корабля впервые встретились Черчилль и Джон Ф. Кеннеди, позднее президент Соединённых Штатов Америки. Жаклин Кеннеди, жена молодого сенатора, шедшего к президентской власти, тогда тоже впервые вступила на палубу яхты, а позже посетила Онассиса в сопровождении людей из американской секретной службы и сына бывшего президента Рузвельта. Молодой Рузвельт был заместителем американского министра торговли, и не требуется большой фантазии, чтобы предположить, что речь шла о значительно большем, чем о простых каникулах супруги будущего президента в обществе вежливого заместителя министра торговли. Этот парный визит на яхту пресловутого судовладельца вызвал ожесточённую критику в американском сенате. Говорилось о коррупции и о том, что Онассис через Рузвельта хочет использовать министерство торговли, чтобы оно помогло ему урегулировать с американскими властями всё ещё нерешённые вопросы о налогах…

Для того чтобы показать, какое политическое и конечно же

экономическое значение имели контакты на палубе «Кристины О.», думается, есть смысл процитировать книгу «Разговоры с Кеннеди» Бенджамина Бредли, ведущего редактора газеты «Вашингтон пост». (Бредли был одним из тех в редакции «Вашингтон пост», кто руководил разоблачением памятного всем «скандала Уотергейт» в период пребывания на посту президента Соединённых Штатов Никсона.)

Бредли пишет: «Кеннеди отлично понимал, что на приближающихся выборах 1964 года его контакты с Онассисом могут причинить ему много вреда. И потому он попросил свою жену передать Онассису, чтобы тот до выборов не появлялся в США. В другой раз Кеннеди (зная наверняка, что выиграет выборы 1964 года) говорил о том, кого бы он хотел видеть своим преемником на следующих выборах в 1968 году». На вопрос Бредли он отвечал так: «Первоначально я хотел бы, чтобы моим преемником был Франклин Рузвельт-младший. Но он своим посещением яхты Онассиса сделал это невозможным».

Об уровне связей и контактов миллиардера свидетельствует тот факт, что уже почти сразу после убийства президента Джона Ф. Кеннеди Онассису поступило официальное приглашение от начальника протокола Белого дома присутствовать на похоронах в качестве почётного гостя.

Уильям Манчестер в книге «Смерть президента», разбирая обстоятельства убийства Кеннеди, рисует довольно мрачную картину поведения обитателей Белого дома. Помимо Онассиса из числа людей, не принадлежавших к семейному кругу, на похоронах был только Макнамара, позднее военный министр США, а тогда ещё генеральный директор фирмы «Форд». Уже это само по себе даёт представление о глубине этих контактов и связей и о том, что всё это значило для бухгалтерии предприятий Онассиса. Пожалуй, наиболее характерный эпизод в книге — о том, над чем смеялись гости дома накануне похорон.

«После ужина за кофе, — пишет Манчестер, — появился Роберт Кеннеди, младший брат убитого президента, министр юстиции, и достал из кармана в шутку заполненный чек, которым Онассис обязывался половину своего богатства пожертвовать в пользу голодающих бедняков Латинской Америки. Идея эта была встречена весёлым смехом, все принялись поддразнивать Онассиса, настаивая, чтобы он подписал денежный документ. В конце концов магнат вынул авторучку и греческими буквами начертал на чеке своё имя, а затем заявил, что он написал по-гречески, чтобы никто не принял это позже всерьёз. И вообще, сказал он, ручка наполнена его фирменными чернилами, которые по прошествии некоторого времени становятся невидимыми…»

Во время предвыборной кампании 1968 года Роберт строго-настрого наказал свояченице вплоть до самого начала президентских выборов не поддерживать никаких отношений с Онассисом. Когда же в 1968 году был убит и Роберт Кеннеди, Аристотель Онассис прокомментировал это так: «Конечно, это трагедия для Америки, но Жаклин наконец-то освободится от этих Кеннеди».

И вот дошёл черёд и до заключения супружеского союза — между сыном торговца табаком из города Смирны и вдовой убитого президента США. Сложный альянс, политические и экономические последствия которого не выяснены и по сей день, был опутан сетью хитрых манёвров Онассиса.

Есть, пожалуй, смысл привести несколько цитат из их брачного контракта, включавшего 173 параграфа. Цифры могут рассказать о браке больше любого комментария.

1. Жаклин Кеннеди получает от Онассиса при заключении брака три миллиона долларов в виде свободных от налогообложения акций.

2. Если позднее Онассис решит расторгнуть брак, он в качестве компенсации обязуется выплатить своей супруге десять миллионов долларов за каждый год прожитой ими совместно супружеской жизни.

3. Если Жаклин Кеннеди сама решит развестись с супругом до истечения пяти лет совместного супружества, она получает в качестве компенсации только 20 миллионов долларов. Если она расторгнет брак после пяти лет, получит дополнительно еще два миллиона долларов.

4. Если к моменту смерти Онассиса брак еще не будет расторгнут, вдова получает 100 миллионов долларов.

5. Онассис выплачивает Жаклин Кеннеди по десять тысяч долларов в месяц на содержание её собственной квартиры в Нью-Йорке, семь тысяч — на медицинские расходы, на парикмахера и косметолога.

6. Десять тысяч долларов предоставляются в распоряжение Жаклин Кеннеди на покупку новых платьев и шесть тысяч долларов в месяц — на содержание личной охраны.

И так далее и тому подобное.

В этот период своей жизни — во второй половине 1960-х — Аристотель Онассис и предпринял попытку превратиться в собственника — на этот раз целой большой страны — Греции.

Когда Караманлис был впервые избран премьер-министром, то предложил Онассису принять в свою собственность слаборазвитую и убыточную авиакомпанию, а также построить в Греции большую судоверфь. Но тут свои услуги предложил

родственник-конкурент Ниархос. За их состязанием (как обычно) скрывалась грандиозная, прямо-таки космических размеров, до конца так и нераскрытая коррупция. Караманлис и его партия поддерживали Онассиса, а находившийся на греческом троне король и прежде всего державшая в своих руках действительную власть Фридерика, королева-мать (одна из руководителей организации «Гитлерюгенд» в Греции), поддерживали Ставроса Ниархоса.

Тем временем правительство Греции возглавил Папандреу — человек гораздо более прогрессивных взглядов и более строгий с точки зрения финансовой политики. Онассис попросил у него кредит в 30 миллионов долларов на приобретение для своей новой авиакомпании трёх гигантских пассажирских самолётов. Характерно для соотношения сил того периода и для стиля Аристотеля Онассиса, что даже в кабинете премьера Папандреу он позволял себе ставить условия. Во-первых, он потребовал от правительства, чтобы оно дало государственную гарантию на прибыль с его капиталовложений. Во-вторых, правительство должно было гарантировать запрет своей властью на будущее всяких забастовок в авиационной компании «Олимпик».

«В этом случае, — заявил Онассис премьер-министру, — не только я готов принять государственный кредит на сумму в 30 миллионов долларов, но и господину Папандреу перепадёт кое-что из этих денег. Ведь премьер-министру и его партии всегда нужны деньги». Это дерзкое предложение, от которого, как казалось Аристотелю, нельзя отказаться, потерпело крах: Папандреу велел вышвырнуть Онассиса из своего кабинета и распорядился, чтобы «этого прохвоста больше никогда не пускали к нему».

…И вот, как уже говорилось, через несколько дней после женитьбы Онассиса на вдове убитого Кеннеди с палубы яхты «Кристина О.» поднялся небольшой самолёт и взял курс на Афины. Из Афин Онассис вылетел в США, где на палубе президентской яхты «Джулия» тайно встретился с президентом Никсоном. Очевидно, Онассис хотел заручиться поддержкой Белого дома для захвата всей экономики Греции. Разумеется, подробности переговоров, проходивших на президентской яхте, никогда не будут опубликованы. Но когда позднее звезда Никсона закатилась, различные следственные комиссии конгресса выявили, что Онассис «пожертвовал» в фонд избирательной кампании Никсона, а также для украшения президентской резиденции, которая в то время возводилась в Калифорнии, несколько миллионов долларов.

Тут история сделала ещё один поворот — на этот раз

неблагоприятный для Онассиса. Хунта «чёрных полковников» была свергнута ещё до того, как Онассис успел прибрать к рукам греческую экономику. Для нового правительства были просто невозможны переговоры с человеком, вызвавшимся сделать провалившемуся режиму «чёрных полковников» подкожную инъекцию в несколько сотен миллионов долларов.

Но богатство его продолжало расти, каждый день откуда-нибудь — из Аделаиды или Мельбурна, Киото или Роттердама, Вальпараисо или Картахены, Портленда или Чарльстона, Гамбурга или Нового Орлеана — на несколько из многих сотен его банковских счетов поступали деньги. Аристотель Онассис остался одним из самых крупных хищников в мире, имеющих абсолютную личную власть над всем своим богатством.

Но с вершины путь ведёт вниз. Сын Онассиса Александр, наследник империи, которому олигарх купил остров по соседству со Скорпиосом и ради которого, как выяснилось, жил последние годы, в ночь на 22 января 1973 года разбился при взлёте с полосы афинского аэропорта на самолёте «Пьяджио». Аристотель Онассис так и не поверил в то, что это была случайность.

(Незадолго до того «олимпийская» авиакомпания Онассиса была объявлена банкротом, он отдал её государству. Впервые в жизни — не торгуясь.)

Гибель сына имела поистине роковое значение.

Дочь Кристина, чьим именем была названа яхта и которую поспешно начали вводить в суть коммерции, с трудом выдерживала перегрузки.

В 1974 году Онассис тяжело заболел. Болезнь называлась — миастения гравис, усыхание всей соматической мускулатуры. Наиболее бросающимися в глаза симптомами были обессиление всех мышц и их прогрессирующая вялость. Больше всего это было заметно на мышцах верхнего века глаз. Онассиса принялись лечить кортизоном, но болезнь остановить не удалось. Он мог отныне держать открытыми глаза, лишь приклеивая веки клейкой лентой к бровям или к вискам.

Конец миллиардера приближался. Но ему ещё предстояло сделать несколько последних ходов до того, как будет поставлен окончательный мат.

В первоначальном тексте брачного договора один из пунктов гласил: если Онассис умрёт до того, как брак с Жаклин будет расторгнут, вдова президента получит 100 миллионов долларов.

(Позднее, однако, в дополнение к этому договору Онассис написал завещание, в котором было добавлено, что Жаклин Кеннеди после смерти мужа назначается ежегодная пенсия в размере 200 тысяч долларов, а дети её до совершеннолетия будут

получать по 25 тысяч долларов каждый.)

Джеки, разъезжая по самым дорогим курортам, чаще с весёлой шумной молодой компанией, чем с престарелым супругом, у которого подклеены веки, рассчитывала на 125 миллионов долларов. И это грело душу.

Она тогда ещё не знала главного. Что когда миллиардер-судовладелец ещё вёл переговоры с «чёрными полковниками» о судьбе греческой экономики, он поставил тайное условие вложения его капиталов в Греции: ради этого нужно будет частично изменить греческое законодательство о наследовании. И рабски служившее диктатуре полковников Национальное собрание Греции без возражений изменило закон. Был принят новый закон, который официально назывался «Правила наследования для греческих граждан, проживающих за границей». Можно было бы назвать его короче и яснее: «Закон Онассиса». Суть закона состояла в том, что если вступают в брак гражданин Греции и иностранка, то любые условия их брачного контракта в части, касающейся финансов, недействительны. Жена — негреческая гражданка не имеет права на получение даже ¼ имущества мужа, как это предписывалось старыми законами. Она может получить только определённую ей ежегодную пенсию — апанаж.

Империя Онассиса со временем стала, как он и хотел, мощной современной финансово-промышленной структурой, объединившей самые разнородные предприятия: судоходные и судостроительные компании, авиакомпании, банки, казино в Монте-Карло, нефтеперегонные заводы и даже производство маслин (85 компаний). Личный флот включал 117 танкеров, стоимостью в среднем по семь миллионов долларов. Чистые прибыли Аристотеля в первые девять месяцев 1973 года составили более 100 миллионов долларов.

После гибели сына самочувствие Онассиса ежедневно ухудшалось. В конце октября Аристотеля пришлось поместить под именем Филлиса в одну из лучших нью-йоркских больниц с целью лечения кортизоном. Он понимал, что после его смерти не удастся сохранить управление его империей в виде анонимных компаний, над которыми сам он осуществлял эффективный контроль. Поэтому он создаёт своим распоряжением две компании: в одной сосредоточены все его активы, и он передаёт её главной наследнице Кристине, а другая имеет долю в первой компании. Но Онассис не оставляет Кристине контрольный пакет акций над второй компанией, он завещает его фонду Александра Онассиса.

В феврале 1975 года греческие доктора в Афинах сообщили

Аристотелю, что у него пневмония, начавшаяся в результате лечения кортизоном других заболеваний.

Онассис перенёс тяжёлый приступ почечных колик (у него были камни), страдал желтухой, появились и трудности с дыханием. Он был госпитализирован в американскую клинику Нейци в Париже, где 10 февраля ему удалили желчный пузырь. Следующие пять недель он провёл в полубессознательном состоянии или без сознания.

Прилетевшая из Нью-Йорка Жаклин, увидев некоторые признаки улучшения здоровья Онассиса, пожелала ему «поскорее поправиться» и улетела обратно. 15 марта 1975 года она всё ещё находилась в Нью-Йорке, когда Ари уже умер; из родственников рядом с ним была только Кристина.

Похоронили Аристотеля Онассиса во дворе небольшой часовенки на его острове.

(Незадолго до кончины, говорят, он сам позвал к себе в палату докучающего фоторепортёра и, откинув простыню, показал то, что ещё можно было с грехом пополам назвать физическим, но уже никак не финансовым активом. «Вот что было главным секретом моего успеха, сынок!» — сказал магнат с прощальной улыбкой.)

«Все деньги мира ничего бы не значили, если б не было женщин». Это были последние слова Аристотеля Сократеса Онассиса. Чтобы понять это, ему понадобилось прожить без малого 70 лет и стать богатейшим человеком в мире.

А ещё несколько дней спустя Жаклин Кеннеди-Онассис, узнав, что обманута, разрыдалась от бессильной исступлённой злобы: столько лет прожито впустую!..

На этом своём последнем трюке Онассис заработал 100 миллионов долларов. Правда, уже не для себя, а для флота Онассиса, которым отныне (от его имени и для обогащения клана) с палубы яхты «Кристина О.» управляют прилежные серые директора.

2

Одним из самых проклятых семейств XX столетия считается клан Кеннеди. Многие из членов этого рода не только не нашли счастья в жизни, но и ушли из неё неожиданно для подавляющего большинства американцев, в расцвете сил.

Проклятие этой семьи связывают с грехами первого Кеннеди, ступившего на землю Нового Света, — Патрика. Он жил в XIX столетии. Его деньги, заработанные весьма сомнительным путём

(Патрик занимался разбоем), обеспечили следующему Кеннеди вполне благополучную жизнь — он стал владельцем крупного банка. Сын банкира Джозеф Патрик Кеннеди (1888–1969) получил уже блестящее образование — окончил Гарвардский университет. У Джозефа было девять детей (в том числе трое знаменитых братьев-политиков), пятерых из которых ожидала не слишком весёлая участь.

Первой в этом списке стоит дочь Розмари. Она с детства страдала задержкой умственного развития и неконтролируемыми вспышками гнева и в результате оказалась в сумасшедшем доме. В 1941 году, по настоянию отца, врачи сделали Розмари лоботомию. Операция прошла неудачно, и девушка умерла в психбольнице. Муж другой дочери Джозефа, Кэтлин, погиб в годы Второй мировой. Кэтлин ненадолго пережила своего мужа: погибла в авиакатастрофе в 1948-м. Было ей 28 лет… Именно тогда Джозеф впервые произнёс сакраментальную фразу: «Над родом Кеннеди тяготеет проклятие».

Впрочем, все эти несчастья не сломили Джозефа Кеннеди — известного политика и дипломата, советника и близкого друга президента Франклина Рузвельта. Кроме политической деятельности, Джозеф был известен своими масштабными торговыми операциями (он участвовал в бутлегерской, то есть нелегальной торговле спиртным во время «сухого закона» в США, что стало основным источником богатства семьи Кеннеди). Джозеф Кеннеди был человеком весьма амбициозным и одержимым мечтой стать президентом. «Среди нас не должно быть проигравших, — говаривал он. — Не становитесь вторыми или третьими, это не засчитывается. Вы должны побеждать, быть только первыми». В декабре 1961 года Джозеф Кеннеди перенёс тяжелейший инсульт и восемь лет, до самой смерти, оставался парализованным и практически немым.

Стать главой государства Джозефу не удалось, и свою несбывшуюся мечту он решил воплотить с помощью одного из своих сыновей — Джозефа П. Кеннеди-младшего. Однако тот погиб во время Второй мировой войны. Президентом Соединённых Штатов суждено было стать Джону Фицджералду Кеннеди.

Джон Ф. Кеннеди рос слабым, болезненным ребёнком — он страдал астмой и болезнью Аддисона (пониженная функция коры надпочечников), вызывающей сильнейшие боли в спине. Уже на президентском посту Джон каждый день принимал болеутоляющие средства, а иногда даже вынужден был ходить на костылях, что тщательно скрывалось от глаз общественности. Его брак с Жаклин Бувье был, по мнению многих, не более чем

инсценированной идиллией. Джона ещё с отрочества отличала беспорядочная сексуальная жизнь. Жаклин родила ему четырёх детей, двое из которых умерли вскоре после родов — выжили только дочь Кэролайн и сын Джон. Жизнь самого Джона Ф. Кеннеди, как уже было сказано выше, оборвалась 22 ноября 1963 года в Далласе — после выстрелов Ли Харви Освальда.

Его брат Роберт Фрэнсис Кеннеди пережил Джона всего на пять лет. Продолжая семейное дело, он стал одним из наиболее вероятных кандидатов в президенты от Демократической партии на выборах 1968 года. Но… 6 июня 1968 года Роберт Кеннеди скончался после смертельного огнестрельного ранения, полученного накануне сразу после произнесения речи по поводу победы на предварительных выборах в штате Калифорния. Официально убийцей Кеннеди считается палестинец Серхан Серхан — арабский фанатик, который якобы приговорил его к смерти за то, что американские демократы питали симпатию к Израилю.

Единственный сын Джозефа Кеннеди, переживший своих братьев на много лет, — сенатор Эдвард Мур «Тед» Кеннеди. Но и его жизнь счастливой не назовёшь: она сломалась в одно мгновение после того, как автомобиль, который он вёл, потерял управление и упал с моста в реку. В автомобиле был ещё один пассажир — его помощница и любовница Мэри Джо Копечне. Сам сенатор выплыл, но оставил 31-летнюю женщину умирать. От этого позора он не смог отмыться до конца жизни, которая закончилась в 2009 году.

Не менее трагически сложилась судьба следующего поколения Кеннеди. Сын убитого президента Джон Кеннеди-младший был любимчиком Америки, его считали одним из самых сексуальных людей планеты. Папарацци пристально следили за романами Кеннеди-младшего с Мадонной, Дерил Ханной… Среди его многочисленных любовниц, в основном киноактрис, числилась и Шэрон Стоун. Джон занимался изданием гламурного политического журнала *George* и как-то даже снялся для его обложки в обнажённом виде. Но, как и его отец, он умер не своей смертью. Джон погиб в июне 1999 года, разбившись на частном самолёте «Пайпер Саратога II» вместе с супругой Кэролайн и её сестрой Лорен Биссет.

Двое сыновей Роберта Кеннеди — Дэвид и Бобби-младший — были заядлыми наркоманами. Бобби удалось справиться с этой напастью, хотя он и был приговорён к двум годам общественных работ за хранение героина. А вот его брату не повезло: в 1984 году 28-летний Дэвид умер от передозировки. Третий их брат, Майкл, погиб 31 декабря 1997 года: он получил смертельную

травму при спуске на горных лыжах в Аспене. Майкл был без защитного шлема, и сильный удар о дерево стал для него роковым.

Относительно легко отделался старший сын сенатора Эдварда Кеннеди Тедди: он заболел раком и перенёс ампутацию ноги.

Но история на этом не закончена, она продолжается…

Кеннеди были связаны родственными узами с другим «проклятым» семейством — нашего героя, греческого магната Онассиса. Решение Жаклин после смерти мужа выйти замуж во второй раз — за 62-летнего Аристотеля Онассиса вызвало, как уже было сказано, неприятие «всей Америки». «Он слишком мал ростом, слишком иностранец, слишком богат. И он не Джон!» — писала «Нью-Йорк таймс».

Осенью 1973 года в своей парижской квартире умерла первая жена Онассиса Тина. Диагноз — передозировка транквилизаторов.

Кристина Онассис поменяла несколько мужей и стран проживания. Разведясь с нашим внештатным (?) чекистом С. Д. Каузовым, Кристина поплыла дальше по воле волн, а сам чекист женился на англичанке Элисон Харнесс. Но брак оказался неудачным: у Харнесс помутился разум, и совместная жизнь оказалась невозможной, рождённую в браке дочь Каузову пришлось забрать к себе.

3

В Париже Кристина сблизилась с вернувшимся из Африки богатым французским бизнесменом Тьерри Русселем, с которым познакомилась за десять лет до того. Тьерри решил, что смыслом его жизни теперь станет наставлять Кристину на путь истинный: она должна прекратить принимать таблетки, отказаться от ночных загулов и от всех других дурных привычек.

Сначала это не понравилось своенравной гречанке. Но когда она поняла, что Тьерри действительно её любит, — покорилась. Новая жизнь пришлась по душе. «Вот человек, который находит меня привлекательной, и, конечно, не из-за денег, — хвалилась Кристина подругам. — Да, Тьерри лучше, чем все мои прежние мужья».

Но беда пришла оттуда, откуда Кристина ждала её меньше всего. Несмотря на искреннюю любовь к жене, Тьерри Руссель не смог вычеркнуть из своей жизни прежнюю возлюбленную — шведскую фотомодель Габи Ландханге. Между ними был

заключён своего рода договор: Тьерри женится на Кристине Онассис, но, чтобы Габи не устраивала скандалов, он не порвёт и с ней.

Несмотря на брак, Тьерри продолжал встречаться с Ландханге, от него у неё родился ребёнок.

Кристина знала о существовании Габи, однако думала, что их отношения закончились. Теперь же из анонимных телефонных звонков «доброжелателей» и рассказов знакомых ей стало известно всё.

Несмотря на то, что Кристина оплатила 22-миллионные долги своего четвёртого мужа, он неблагодарно намекал ей, что не мешало бы похудеть. Считают, что это он дал своей обрюзгшей супруге обидное прозвище «греческий танкер». При разводе Тьерри получил около 150 миллионов долларов отступных. Ходили слухи, что Кристина предлагала ещё десять миллионов, если он согласится зачать второго ребёнка. Но Тьерри был слишком поглощён своей подругой, шведской супермоделью, от которой у него к тому времени уже было двое детей.

Кристина и Тьерри расстались, но в их сердцах сохранились следы если не любви, то большой привязанности: цементировала их отношения любимая дочь Афина. Руссель постоянно приезжал к дочке, пытаясь при этом — правда, без особого вдохновения — снова завоевать доверие Кристины. Тем временем наследницу Аристотеля Онассиса — незаметно порой и для неё самой — всё глубже засасывало в трясину жизни: снова вернулись таблетки и алкоголь. По воскресеньям, впрочем, она — где бы и в каком бы состоянии ни была — посещала литургию в храме, исповедовалась, причащалась сама и причащала маленькую Афину. И это давало повод говорить, будто Кристина стала фанатически религиозной.

Её видели во многих православных храмах — в Лондоне, Кейптауне, Стамбуле, Ницце, Мельбурне…

Руссель вернулся к ней. Но было уже слишком поздно.

Ночью 17 ноября 1988 года Кристина возвратилась с вечеринки в гостиницу в Буэнос-Айресе (она приехала в Аргентину на короткое время) довольно поздно и поспешно поднялась к себе в номер, чтобы лечь спать. Однако позже произошло то, что привело служащих гостиницы в смятение: Кристина с наушниками «вокмен» на голове спускалась в холл — босоногая, едва одетая, хотя на улице уже было довольно холодно. Никто не знает, куда она ходила и что делала.

На следующий день приятельница Марина Додеро заехала за Кристиной в гостиницу на машине и увезла её с неразлучной спутницей Элен Сиро к себе на виллу в 37 километрах от Буэнос-

Айреса. Вечером, когда компания устроила у бассейна ужин, Кристина, казалось, потеряла аппетит. Затем она сказала, что ей холодно, и пошла спать.

На следующее утро Кристину нашли мёртвой: обнажённая, она лежала в ванной. Никаких внешних следов насилия и каких-либо других свидетельств её убийства замечено не было. После осмотра врачи заявили об отёке лёгких в тяжёлой форме. Был найден пустой пузырёк со снотворным. Руссель поспешил в Буэнос-Айрес, чтобы перевезти тело Кристины на Скорпиос, который уже стал островом-мавзолеем. Он дал себе клятву сохранить хотя бы маленькую Афину, если ему не удалось спасти Кристину.

…В 1990-х, редакторствуя в журнале Русского географического общества «Путешественник» и оказавшись на островах в Греции, я осведомился у президента фонда Онассиса и бывшего близкого друга легендарного судовладельца Стелиоса Пападимитриу: как они отнеслись к браку Кристины с неказистым советским служащим? Даже если допустить, что Каузов вовсе не был чекистом, а просто ускользнул, прополз по «росе», как угорь?

— Конечно, — ответил он, — нам это не могло понравиться. Ведь Аристотель Сократес Онассис был патриотом до мозга костей и хотел, чтобы его империя управлялась греками. Он прямо указал на это в своём завещании.

4

Для Марии Каллас жизнь без Аристотеля, предавшего её, а в 1970-х досаждавшего предложениями руки и сердца, утратила смысл. (Когда Онассис умер в марте 1975 года, она сказала: «Ничего больше не имеет значения, потому что ничего никогда не будет так, как было… Без него».)

В 1970 году вышел фильм Пазолини «Медея» с Каллас в заглавной роли — поразительной заглавной роли, в которой Мария не произносит почти ни слова! Но, как писала критика, «ближе к середине становится очевидным, в чём достоинство этого фильма — Медея. Марии Каллас без слов удалось воплотить в этом образе всё то, что было заложено в нём изначально — высочайшая трагедия покинутой женщины. Фильм держится на Медее, а всё остальное — костюмы, герои, имена, лица тут же забываются после просмотра… Но Мария Каллас остаётся… Уже немолодая и не красавица, Каллас сумела, лишившись своего главного козыря — гениального голоса, —

передать трагедию Медеи и сделать волшебницу из Колхиды… живой женщиной. Актрисе удалось вызвать сопереживание персонажу, которому, казалось бы, нет оправдания».

А Пазолини дал оригинальную трактовку известного мифа. Как он сам заметил: «Я остановил свой выбор на этой варварской трагедии, где женщина из любви к мужчине убивает собственных детей, прежде всего потому, что меня зачаровала чудовищная сила этой любви».

Мария Каллас приняла глубокое психологическое значение Медеи как своего *alter ego,* что становится ясно из следующих строк, написанных задолго до работы с Пазолини, ещё в 1961 году: «Я видела Медею так, как я её чувствовала: горячую, внешне спокойную, но очень сильную. Счастливое время с Ясоном прошло, теперь она раздираема страданиями, болью и яростью…»

«Вот женщина, в каком-то смысле самая современная из женщин, но в ней живёт древняя женщина — странная, мистическая, волшебная, с ужасными внутренними конфликтами», — сказал о Марии Пьер Паоло Пазолини.

Последний раз голос Каллас прозвучал на концерте в ноябре 1974 года. После этого Мария стала затворницей в своей парижской квартире, где тихо скончалась 16 сентября 1977 года.

Итальянские фониатры (врачи-специалисты по заболеваниям голосовых связок) Франко Фусси и Нико Паолилло установили наиболее вероятную причину смерти Примадонны. Согласно результатам их исследований, Каллас умерла от дерматомиозита, редкого заболевания соединительной ткани и гладкой мускулатуры. К такому выводу Фусси и Паолилло пришли, изучив сделанные в разные годы записи Каллас и проанализировав постепенное ухудшение её голоса.

Спектрографический анализ студийных записей и концертных выступлений показал, что к концу 1960-х годов, когда ухудшение её вокальных данных стало очевидным, диапазон голоса Каллас фактически сменился с сопрано на меццо-сопрано, что объясняло изменение звучания высоких нот в её исполнении. Кроме того, тщательное изучение видеозаписей её поздних концертов выявило, что мышцы певицы значительно ослабли: грудь практически не поднималась при дыхании, а при вдохе певица приподнимала плечи и напрягала дельтовидные мышцы, то есть по сути совершала самую распространённую ошибку при поддержке голосовой мышцы.

Причина смерти Марии Каллас достоверно неизвестна, однако считается, что певица умерла от остановки сердца. По мнению Фусси и Паолилло, результаты их работы прямо свидетельствуют о том, что приведший к этому инфаркт

миокарда был осложнением в результате дерматомиозита. Примечательно, что этот диагноз (дерматомиозит) Каллас поставил незадолго до её смерти врач Марио Джаковаццо (известно об этом стало лишь в 2002 году).

Отпевание состоялось в греческой православной церкви на рю Жорж Бизе. Тело Каллас предали земле на кладбище Пер-Лашез. Через три месяца могила была разорена, останки похищены — и найдены несколько часов спустя в дальнем углу кладбища. Кому, зачем это понадобилось — бог весть.

В 1979 году прах самой известной на планете гречанки, величайшей певицы всех времён, Божественной Марии был развеян над Эгейским морем. А вместе с ним — тайны её жизни и смерти. Остались только записи её божественного голоса, от которого мир до сих пор сходит с ума.

Мария Каллас и Аристотель Онассис, эти два мощнейших, гениальнейших человека (каждый в своей области, безусловно, в своей епархии, но, говорят, такие рождаются раз в 100 лет, и поразительно, что они земляки!), любили друг друга. Были рождены друг для друга.

Перед смертью Онассис подготовил все документы, чтобы официально развестись с Жаклин, — он хотел жениться на своей Марии Каллас, да так и не успел. Но на могиле Марии в сентябре 1977 года лежал немыслимой красоты букет от… Аристотеля Сократеса Онассиса: он завещал подарить ей эти цветы после её и его смерти. Незадолго до кончины она говорила с горечью о связи Онассиса и Жаклин: «Он коллекционирует знаменитых женщин. Он преследовал меня, потому что я знаменита. Теперь он нашёл объект, более подходящий его тщеславию, — вдову президента США! А я потеряла всё, подобно Медее — героине любимой мной оперы, поверив в его любовь!»

«Мария Каллас имела сопрано, которое доводило публику до неистовства, — писал знаменитый английский музыкальный критик Дэвид Лоу. — Её вокальные и личные взлёты и падения были так же драматичны и экстравагантны, как судьбы оперных героинь, которых она играла».

La Divina умерла! Да здравствует La Divina!

5

И Жаклин Бувье-Кеннеди потеряла всё, к чему стремилась, выходя замуж за Аристотеля Онассиса, — спокойствие, чувство безопасности, обеспеченность, уверенность в завтрашнем дне…

(Когда Джеки только появилась с Онассисом на свадебном

ужине, все сразу обратили внимание, что на том пальце, на котором во время её вдовства было обручальное кольцо Джона Ф. Кеннеди, теперь красовался перстень с рубином величиной с куриное яйцо, украшенный бриллиантами. И в её серьгах пылали рубины в виде сердец, обрамлённых бриллиантами. Кое-кто тогда счёл это недобрым предзнаменованием.)

Она переживала трагедию за трагедией: смерти в семье Кеннеди, смерти в семье Онассисов, смерть Тины, настолько загадочную, что не только Ниархоса, её последующего мужа, но и самого Онассиса обвиняли в убийстве бывшей жены «для обретения свободы» (моральной, конечно)…

Жаклин носила фамилию Онассис. Но всё чаще чувствовала себя чужой в присутствии этого человека, чьи привычки раздражали, угнетали, казались насмешкой над её изысканным вкусом, сдержанной манерой поведения, непроницаемостью, прячущей ранимость. Онассис был «режуще простым», любил шумное веселье, широкие жесты, импульсивность эмоций.

Они с Жаклин были столь разными, что предпочитали проводить время порознь. Она — в Париже и Нью-Йорке, он — в Греции. Или наоборот.

Но она всё чаще ловила себя на мысли, что по ночам, открыв окна в кабинете на вилле или иллюминатор в спальне на плавучем дворце «Кристина О.», забывает о своём присутствии в настоящем.

Сердцем она была в другом времени. Там, где не ощущала себя просто тенью — всего лишь безликой миссис Онассис. Там, где ещё жив был её беспутный, не пропускавший ни одной юбки, любимый Джон Фицджералд Кеннеди, 35-й президент Соединённых Штатов Америки.

Последние её годы были скрашены любовью, заботой и чутким пониманием известного торговца бриллиантами Мориса Темпельсмана. (Он был рядом и ненавязчиво ухаживал за Джеки с 1950-х годов.) Наконец-то — по крайней мере, так казалось со стороны — вместо вечной погони за известностью, большими и очень большими деньгами, положением в обществе она обрела то, что делает женщину по-настоящему счастливой.

Жаклин Кеннеди-Онассис была моложе Аристотеля почти на 24 года. Она долго болела. Какие ей, вдове президента США (это «звание» — навечно), диагнозы только не ставили в лучших и самых дорогих клиниках Америки! Умерла она всё-таки от рака в 1994 году.

Сама Жаклин родилась в год Змеи. И все три её официальных спутника родились в год Змеи — Джон Фицджералд Кеннеди, Аристотель Сократес Онассис и Морис Темпельсман. В год Змеи

состоялась и свадьба Жаклин и Джона Кеннеди. Которая из этих «змей» смертельно ужалила Джеки?..

6

Осиротевшая внучка магната Афина по завещанию унаследовала всю империю Аристотеля Сократеса Онассиса.

Она владеет роскошными особняками в нескольких европейских столицах, островами, торговым флотом, бесценными произведениями искусства, личным самолётом, депозитами в 217 банках, акциями крупнейших компаний мира…

Между тем в юности Афина, напуганная рассказами о родовом проклятии, говорила, что потратит почти всё наследство на благотворительность, а себе оставит лишь миллионов сорок-пятьдесят и посвятит себя конному спорту.

Сейчас Афина живёт на вилле подле Антверпена. Вместе со своим мужем Альваро Альфонсо де Миранда Нетто — сыном главы бразильской страховой компании, бронзовым призёром Олимпийских игр по верховой езде — она воспитывает сына Фернандо и дочь Вивьен. (Кстати, брачный контракт их включает сотни пунктов, но главный гласит, что в случае развода каждый остаётся при своём.)

Во время визита Афины в Грецию в 1998 году толпа с восторгом выкрикивала её детское прозвище «Кукла» — так по-русски называла её мать в память о русском муже. Но она шокировала греков, заявив, что ненавидит всё греческое — язык, культуру, родственников. «Я хочу забыть фамилию Онассис, — заявила она однажды в интервью итальянским журналистам. — Она — источник всех проблем».

Самая богатая наследница в мире мечтала, как признавалась друзьям, только о домашнем уюте и покое. И казалось, она это обрела. Пока не узнала о том, что Сибель Дорса — мать двоих детей, бразильская актриса, модель *Playboy* и писательница, выбросилась из окна.

Сибель была бывшей женой Альваро, оставившего её ради молодой и страстной (а главное — не бедной) любительницы конного спорта Афины, которую он встретил в Академии верховой езды в Бельгии в 2002 году.

«Насколько я знаю, — говорила она незадолго до самоубийства в одном из интервью, — Альваро как настоящий плейбой всегда предпочитал хрупких смазливых блондинок. Афина же с её невысоким ростом, тёмными волосами и карими глазами явно не принадлежит к этому типу женщин».

Но как бы то ни было, свадьба состоялась, и шлейф от подвенечного платья Афины несла пятилетняя дочь жениха Вивьен, которая осталась жить с новой мамой. Но у девочки был ещё и сводный брат Фернандо, сын Сибель от бразильского бизнесмена Фернандо Олива-старшего, который и рассказал много занятного о бразильской модели.

В частности, Олива поведал прессе, что именно Сибель решила отдать детей на воспитание Афине, поскольку считала, что с ней им будет лучше. Хотя сама Сибель утверждала, что принять подобное решение её заставила чрезмерная занятость работой, при которой она не могла бы уделять им достаточно внимания. Вдобавок она была эмоционально нестабильной. Бразильская Синди Кроуфорд (так её называли из-за внешнего сходства с североамериканской супермоделью и такой же родинки над верхней губой) в последние годы переживала одну трагедию за другой. В июле 2008 года Дорса попала в автомобильную катастрофу: один из её бесчисленных любовников, сидевший в тот вечер за рулём, погиб, она оказалась прикованной к больничной койке. Выздоровев, Сибель попыталась вернуться к профессиональной деятельности. Встретила «любовь своей жизни» — ведущего бразильского телевидения Жильберто Скарпа. В апреле 2011 года Сибель и Жильберто собирались пожениться, но 30 января того же года Скарпа выбросился из окна своей квартиры. Как говорит её бывший муж Фернандо Олива, хрупкая психика Сибель не вынесла всех этих несчастий: она покончила с собой, воспользовавшись тем же способом.

Тридцатисемилетняя бразильянка Сибель Дорса погибла, оставив предсмертное письмо детям и запись на *Facebook*: «Жизнь без моих двух детей и без любви всей моей жизни невыносима».

Альваро Альфонсо заявил бразильским СМИ, что «не намерен защищать себя от критицизма со стороны бывшей жены, поскольку у него всё ещё сохранились в большом количестве письма от покойной, где она пишет ему слова благодарности за моральную и финансовую поддержку детей».

Афина же, всегда неохотно носившая фамилию Онассис и во избежание злого рока продающая все доставшиеся ей драгоценности и даже остров Скорпиос, где похоронены члены её знаменитой семьи, считает, что в очередной раз стала жертвой нависшего над их родом проклятия.

Остров Скорпиос площадью 2965 акров с фамильным кладбищем Онассисов приобрёл (после изрядного торга) Джорджио Армани за 150 миллионов евро (при первоначально объявленной цене в 300 миллионов). В 1962 году Аристотелю

этот остров обошёлся всего в 12 с половиной тысяч долларов.

Инфляция во всех смыслах.

P. S. Незадолго до смерти Аристотеля Онассиса один из друзей заметил, что рядом с его кроватью находятся маленькая иконка с распятием и небольшой калькулятор. В этом была вся его жизнь: вера и подсчёты. Онассис невесело улыбнулся и сказал, словно прочитав мысли друга: «Я был простым греком, который знал толк в расчётах».

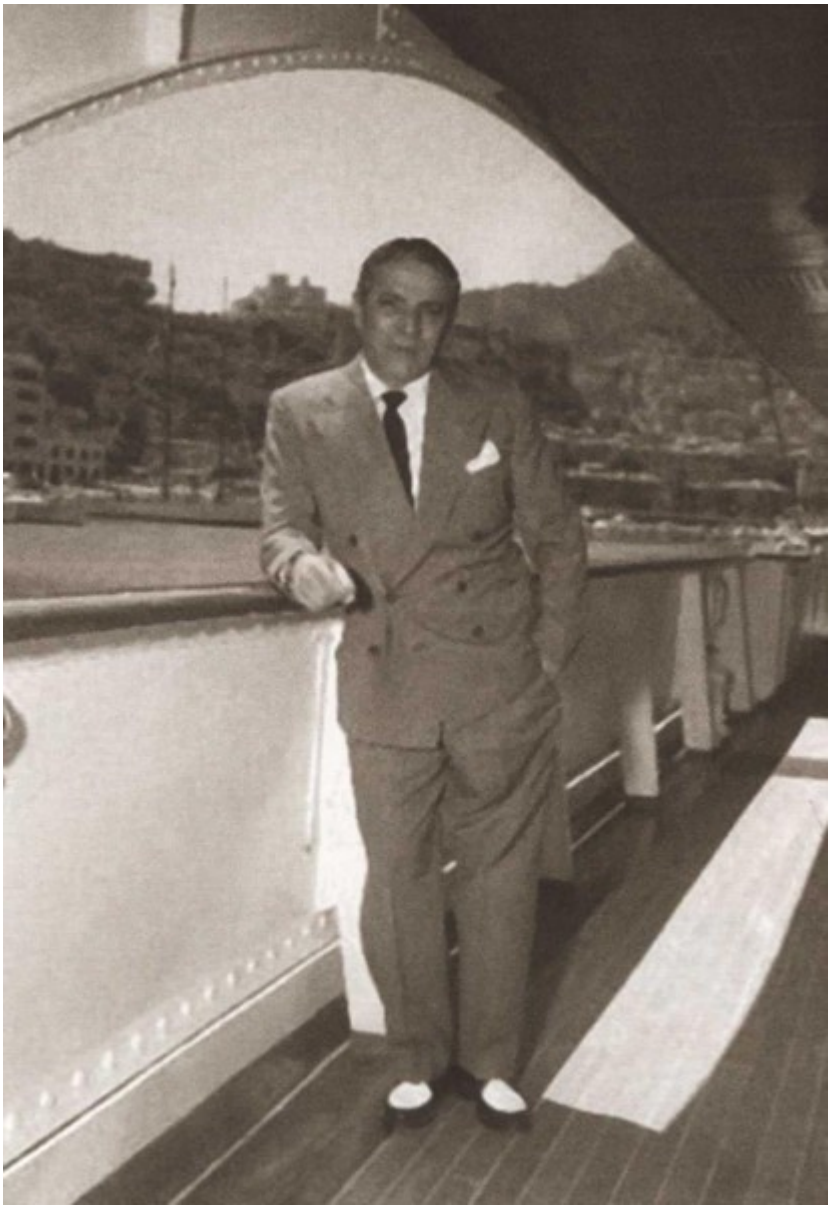
ИЛЛЮСТРАЦИИ

Аристотель Онассис. 1920-е гг.

Афина Ливанос — первая жена Онассиса

Семья Онассис

Дети Онассиса — Александр и Кристина



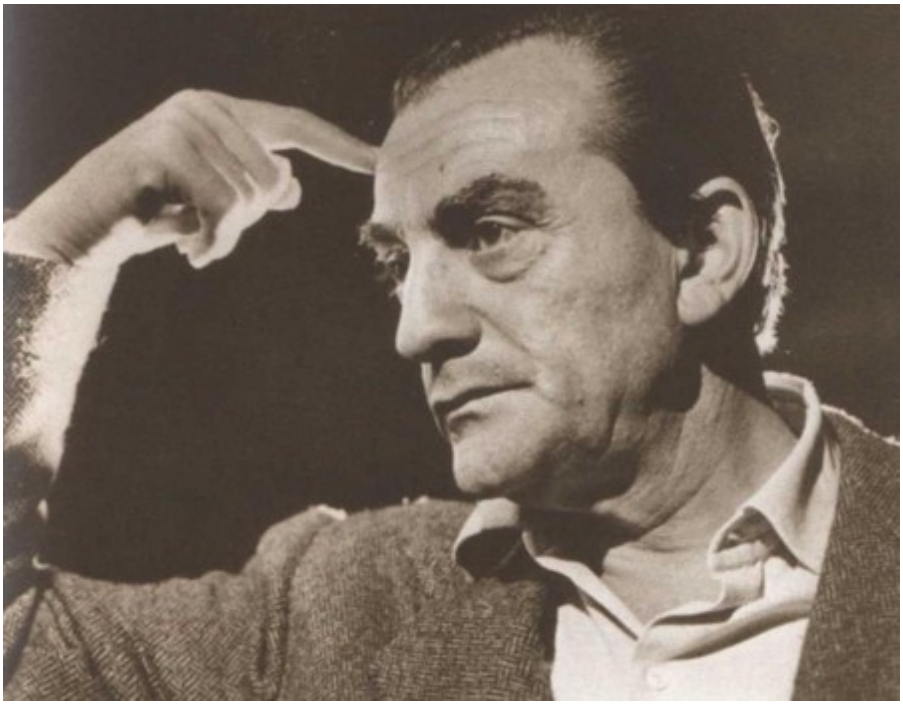
Аристотель Онассис. 1955 г.

Грета Гарбо

Мария Каллас

Онассис с Черчиллем

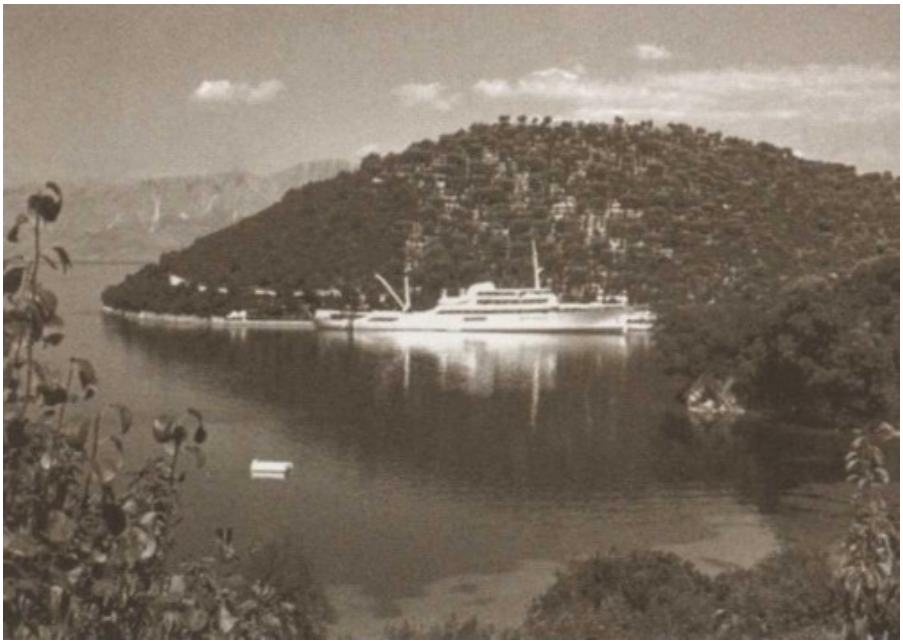
С Элизабет Тейлор



Гениальный Висконти

Каллас в жемчугах

Мария Каллас



Яхта «Кристина О.» у острова Скорпиос

Ставрос Ниархос

Онассис с Марией Каллас

С Жаклин Кеннеди

Бракосочетание Аристотеля Онассиса и Жаклин Кеннеди

С Жаклин в автомобиле

Александр Онассис

Визит в Иран

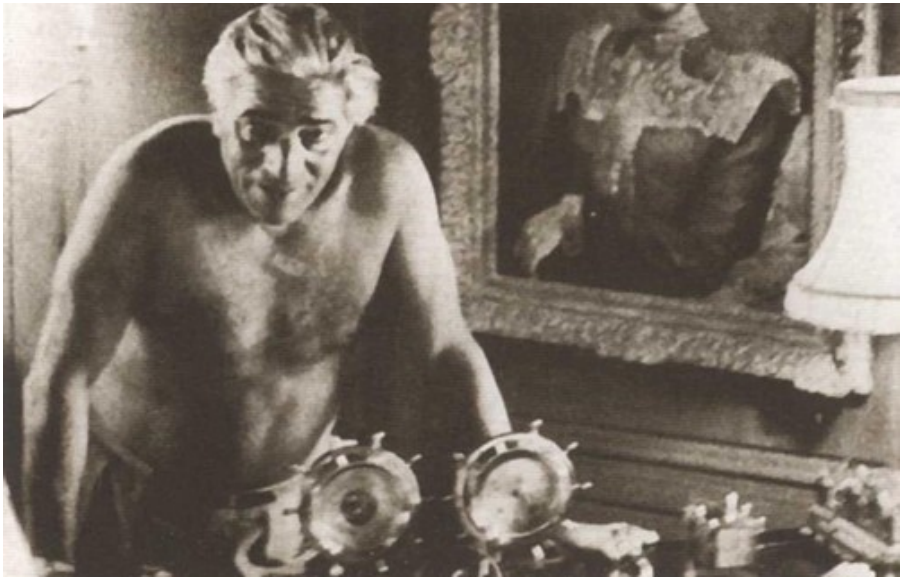
Кристина Онассис

Кристина с мужем Т. Русселем и дочерью Афиной

Кристина и Сергей Каузов

Бракосочетание Кристины и Сергея Каузова

Онассис с патриархом Афинагором



С коллекцией морских инструментов

Памятник Онассису на Левкаде

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АРИСТОТЕЛЯ ОНАССИСА

***1906**,15 января* (по другим данным, 20 января) — в городе Смирне (Турция) в семье греческого торговца табаком Сократа Онассиса и Пенелопы Дологлу родился сын, которого назвали Аристотелем Сократесом.

1911 — мать Аристотеля Пенелопа скончалась во время операции на почках.

1913 — Сократ Онассис привёл в дом вторую жену по имени Елена. Сын не принял мачеху и не простил отцу второго брака, поэтому растила Аристо мать Сократа, Гефсимания.

1922 — после резни в Смирне (так называемого «обмена населением», то есть массовых убийств православных армян и греков) шестнадцатилетний Аристо прибывает в Стамбул и каким-то чудом умудряется выкупить из тюрьмы своего отца.

***1923**, сентябрь* — Аристотель Онассис эмигрирует в Буэнос-Айрес.

***1924**, 12 марта* — Аристотель Онассис по поддельному диплому принят на работу в телефонную компанию *British United River Plate*.

***1925**, март* — начало табачного бизнеса Аристотеля Онассиса.

***1927**, январь* — на банковском счёте 21-летнего Аристо лежало уже 100 тысяч долларов (в нынешних измерениях — несколько миллионов), что и стало фундаментом его будущего колоссального состояния.

***1929**, 24 октября* — «чёрный четверг», когда рухнула Биржа США, ознаменовав начало Великой депрессии. На личном банковском счёте 23-летнего Аристотеля Сократеса Онассиса появился первый миллион долларов. *Ноябрь* — 23-летний Аристотель становится почётным консулом Греции, вторым человеком в греческом посольстве в Аргентине, а по сути — во всей Латинской Америке.

***1932**, октябрь* — Онассис прилетает в Лондон и покупает шесть канадских сухогрузов тоннажем от 8500 до 10 тысяч тонн по цене в десять (!) раз ниже рыночной.

***1934**, июль* — Аристотель знакомится с Ингеборг Дедикен, которой предстояло сыграть в судьбе бизнесмена немаловажную роль (она «случайно» оказалась дочерью одного из крупнейших судовладельцев Скандинавии).

***1935**, 4 октября* — Италия напала на Эфиопию, несмотря на

пакт о ненападении; для Онассиса (основные капиталы заработавшего на войнах) наступает золотая пора.

***1936**, 15 января* — в день своего тридцатилетия на судоверфи в Гетеборге Онассис начинает строительство своего первого и сразу рекордного танкера водоизмещением 15 тысяч тонн и даёт ему имя «Аристон».

1939–1945 — Вторая мировая война.

***1943**, 17 апреля* — Грета Гарбо знакомит Онассиса с Афиной Ливанос — младшей дочерью судовладельца-мульти-миллионера Ставроса Ливаноса.

1946 — венчание Аристотеля Онассиса с Афиной Ливанос.

***1948**, 30 апреля* — у четы Онассис родился сын Александр, крещённый в честь Александра Македонского.

***1950**, 11 декабря* — рождение дочери Кристины.

Декабрь — Аристотель Онассис всего за 50 тысяч долларов покупает бывший канадский фрегат «Стормонт» водоизмещением 2200 тонн, которому суждено было после реконструкции на верфи Говальдта в городе Киле превратиться в самую фешенебельную и дорогую в мире яхту «Кристина О.» (названную в честь дочери).

1951 — Онассис решает перевести свою штаб-квартиру в Монако. Через подставных лиц на Парижской бирже он скупает 550 тысяч (52 процента) акций компании «Общество морских купаний» *(Societedes Bainsde Mer)* и таким образом становится, по существу, владельцем этого карликового государства, выложив сравнительно небольшую сумму всего в один (!) миллион долларов США.

***1954**, 10 сентября* — крупнейший по тому времени танкер в мире «Аль Малик Сауд» («Король Сауд») водоизмещением 50 тысяч тонн, построенный по заказу Онассиса, был освящён «святой водой» из источника в Мекке.

1956 — президент Египта Насер национализировал Суэцкий канал. После англо-французско-израильского военного вмешательства в нём затопили несколько кораблей, и канал перестал функционировать на долгие годы. Закрытие сообщения по Суэцкому каналу означало золотой век для нефтяных танкеров.

***1957**, 3 сентября* — в Венеции на балу, организованном светской журналисткой Эльзой Максвелл, Аристотель Онассис знакомится с Марией Каллас.

***1959**, июль* — Джон и Жаклин Кеннеди впервые гостят на яхте «Кристина О.».

6 августа — с благословения патриарха Константинопольского, специально для этого прибывшего на гору

Атос, начинается роман Онассиса и Марии Каллас.

***1960**, июнь* — супруга Онассиса Тина отправляется в штат Алабама (США) и после тринадцати лет брака получает «быстрый» развод по причине «психической жестокости» со стороны мужа.

***1963**, сентябрь* — с большой компанией первая леди США Жаклин Кеннеди совершает круиз на яхте «Кристина О.».

22 ноября — Джон Кеннеди убит в Далласе.

***1964**, январь* — ренессанс Марии Каллас, простившей Аристотеля Онассиса; премьера «Тоски», поставленной Дзеффирелли.

1966 — в 43 года Мария Каллас забеременела, появилась последняя надежда стать матерью — но Онассис со словами «у меня уже есть дети!» принудил её сделать аборт.

***1967**, 21 апреля* — в Греции произошёл государственный переворот, к власти пришла военная хунта, так называемые «чёрные полковники». Аристотель Онассис становится самым богатым человеком в мире.

***1968**, 20 октября* — на острове Скорпиос 62-летний Онассис и 39-летняя Жаклин Кеннеди сочетаются законным браком.

***1973**, 22 января* — сын Онассиса Александр в возрасте двадцати пяти лет погибает в авиакатастрофе.

1974 — Аристотель Онассис тяжело заболевает. У него диагностируют миастению гравис, усыхание всей соматической мускулатуры.

***1975**, 15 марта* — Аристотель Онассис скончался в американской клинике в Париже.

***1977**, 16 сентября* — в Париже скончалась Божественная Мария Каллас; на её могилу был возложен огромный букет роз, завещанный Аристотелем Сократесом Онассисом.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Бутлицкий А. Одиссея Аристотеля Онассиса. М., 1997.

Володин М. Грязные деньги «золотого грека». М., 1991.

Дюфрен К. Мария Каллас. М.: Молодая гвардия, 2011.

Манчестер У. Смерть президента. М., 1993.

Муромов И. 100 великих любовников. М.: Вече, 2002.

Ульянова О. Шале и шалости советского мужа Кристины Онассис. М., 2001.

Элфорд М. Жил-был секрет, или Моя связь с президентом Кеннеди. М., 2009.

Eva Prionas, Christos Kiriazis. The Life of Aristotle Onassis. The Man, the Myth, the Legend, www.greece.org/poiseidon/work/modem/onassis

notes

Примечания

1

Надеюсь, российские зрители помнят экранизированные романы Анн и Сержа Голон «Анжелика, маркиза ангелов», «Анжелика и король», «Анжелика и султан», в которых роль главного героя Жоффрея де Пейрака исполнил замечательный французский актер Робер Оссейн.

Человек, сделавший сам себя. *(Прим. ред.)*

3

Нансеновские паспорта — удостоверения личности, заменявшие паспорта для беженцев и лиц без гражданства. Были введены Лигой Наций по инициативе Фритьофа Нансена по решению Женевской конференции 1922 года. Документ давал право проживать и перемещаться в странах — участницах конференции без ограничений, предусмотренных для лишённых гражданства лиц. *(Прим. ред.)*

4

Весна в Южном полушарии длится с сентября по ноябрь. *(Прим. ред.)*

5

Пеллагра (от ит. *Pelleagra* — шершавая кожа) — заболевание, вызванное недостатком витаминов; проявляется поражением кожи, слизистых оболочек, нервно-психическими расстройствами.

6

Немного.

7

Что там с долбаным ремонтом в твоей квартире? *(англ)*.

8

Кстати, рано утром 20 августа 2007 года пожар охватил территорию побережья Эгейского моря и подобрался вплотную к дому Девы Марии. Дом этот находится посреди леса на горе. Вся гора была охвачена огнём. Жители района были эвакуированы. Домик остался без присмотра. Хотя власти Турции посылали специальные вертолёты с реагентами для тушения пожара, казалось, что беды не миновать. Когда люди вернулись, чтобы посмотреть на пепелище, то не поверили своим глазам. Домик Девы Марии стоит, как и стоял, на своём месте. Всего за полтора метра до самого здания выгорело всё подчистую. Было ощущение, будто домик Богородицы кто-то накрыл колпаком и спас от огня.

9

Жалобы эти недавно получили подтверждение в книге мемуаров «Жил-был секрет, или Моя связь с президентом Кеннеди». 69-летняя жительница Нью-Йорка Мими Элфорд сознаётся, что, будучи студенткой и стажируясь в Белом доме, имела интимную связь с президентом Джоном Ф. Кеннеди. Их роман начался летом 1962 года и продлился 18 месяцев, в течение которых Кеннеди не только лишил молодую практикантку девственности, но и постоянно заставлял употреблять наркотики… Джону Кеннеди было 45 лет, Элфорд, которая тогда носила фамилию Бердсли, — 19. По законам США она была несовершеннолетней. По словам Мими, она чувствовала, что бессильна противостоять «самому известному и влиятельному человеку в Америке», и называла его не иначе как «господин президент»…

Автор книги также описывает другие эпизоды, когда Джон Ф. Кеннеди переживал потерю своего сына, а она сама, думая, что беременна от Кеннеди, собиралась сделать аборт, что по тем временам было незаконно. При этом найти врача для проведения нелегальной операции ей помог один из сотрудников Кеннеди. Во время Карибского кризиса 1962 года, когда мир балансировал на грани ядерной войны между США и СССР, Кеннеди был готов уступить первым. На это президент намекнул сам, сказав Мими: «Я предпочёл бы, чтобы мои дети были „красными“, но не мёртвыми». Таким образом он перефразировал известный в Америке антикоммунистический лозунг «Лучше мёртвый, чем „красный“».